

КАРРИНГЗ

СОВѢСТЬ ПРИ СВѢТѢ ИСТОРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

*Вѣстника
Знания*

Библиотека для Саморазвитія.

С.-Петербургъ
Невскій пр., 147

Безплатно с нд. из № 2 „Вѣстникъ Знания“.

ПОДПИСКА НА 1909 Г.,

7-й годъ изданія журнала

Вѣстникъ Знанія

Ред.-Изд. В. В. Битнеръ

8 р.

в год
съ перес.

7 р. без

Въ приложеніяхъ, которыя
дѣлятся на три серіи:

„Библиотека Систематическаго Знанія“, „Народный Университетъ“ и „Библиотека для Саморазвитія“, — 41 книгъ а будутъ даны:

По естествознанію, 10 книгъ: *К. Фламмаріон. ОСНОВЫ АСТРОНОМИИ* (нов. соч.). *Акад. Пуанкаре. СОВРЕМЕННАЯ ФИЗИКА* в 2 ч.-х: ч. I. *Эволюція физики*, ч. II. *Соврем. воззрѣніе*. *Д-р Рамер. КУРСЪ ФИЗІОЛОГІИ*. *Акад. Вержес. ИСТОРІЯ ЗЕМЛИ*. *Д-р Густавсон. ЧЕЛОВѢКЪ, ЖИВОТНОЕ, РАСТЕНІЕ*. Популярная біологія.

СОЧИНЕНІЯ

Проф. Шейн. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ХИМІЯ.

ЧАРЛЬЗА ДАРВИНА, с нов. дополненіями, в 3 томахъ, всего свыше 2 милліон.

букв: I. **АВТОБІОГРАФІЯ**, II. **ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА**, III. **ПОЛОВОЙ ПОДБОР**. По обществовѣдѣнію, 4 кн.: *А. Бебель. ЖЕНЩИНА и СОЦІАЛИЗМЪ*.

в нов. дополн., перев. *Вл. Поссе*, с иллустр., 2 части. *Бельмонт. СОЦІАЛИЗМЪ и СПРАВЕДЛИВОСТЬ*. *Проф. Ан. Менгер. ОСНОВЫ НАРОДОПРАВСТВА*.

По исторіи, ист. философіи и религіи, 7 кн.: *Проф. Балабан и Гюскинскій ИСТОРІЯ ПОЛЬШИ*. *Проф. Навотни. ИСТОРІЯ ЧЕХІИ*. *А. Николаев. ИСТОРІЯ РУССКАГО КРЕСТЬЯНСТВА*. *Д-р Фил. Карринг. СОВѢСТЬ ПРИ СВѢТѢ ИСТОРІИ*. *Д-р Фил. Траугот. ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ* с Филос.

Словаремъ. *Проф. Делич. КОЛЫБЕЛЬ ХРИСТІАНСТВА*. *Вавилон и Библія*, в 3 частяхъ. *Проф. Флейдерер. ИСТОРІЯ ДУХОВЕНСТВА*.

По литературѣ и критикѣ, 3 кн.: *Урбан. НОВАЯ НѢМЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА* за послѣднія 20 лѣтъ.

НОВѢЙШІЕ РУССКІЕ ПОЭТЫ. Біографіи и избр. произв. **РУССКІЕ ПУБЛИЦИСТЫ** от Радищева и Новикова до Герцена, Бакунина, Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева, Михайловскаго, кн. Крапоткина, Плеханова, и др.

Біографіи и выдержки изъ произведеній.

По педагогикѣ, воспитанію и гигиенѣ, 5 кн. *Эдм. Амичис. ОТЦЫ и ДѢТИ*, в 2-х ч. *Роберт Оуэн. ЗДОРОВЬЕ ТРУЖЕНИКА*. *Д-р Катц. ГИГИЕНА ФИЗИЧ. РАЗВИТІЯ и Самозащита*. *Проф. Кюмліанц и Э. Андрэ.*

КУРСЪ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА в 3 част., составл. 29 спец.-проф. под ред. **Ф. И. Косоротова**. Главн. отдѣлы: почвовѣдѣніе и обработка, растеніеводство, животноводство, сельск. эконом., бухгалтерія, землемѣріе, архитектура, организ. сбыта продукт. *Проф. Клейн. ПРЕДСКАЗАНІЕ ПОГОДЫ*. *Рубакин. КРУГЪ ЗНАНІИ*. *Бартошевицкій*

ЭСПЕРАНТО В 24 УРОКА. — Самоуч. международъ языка.

Д-ръ филос. Г. Каррингъ.

СОВѢСТЬ при СВѢТѢ исторіи

Эволюція соціального міровоззрѣнія.

Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціею
П. Берлина и В. Битнера.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издательство „Вѣстника Знанія“ (В. В. Битнера).

Невскій, 147.

1909.

Типографія „Т-во Художественной Печати“, Сиб. Ивановская, 14.

ЧАСТЬ I.

Совѣсть при свѣтѣ исторіи.

ВВЕДЕНИЕ.

«У васъ есть совѣсть?»—съ такимъ вопросомъ я позволилъ себѣ обращаться къ самымъ различнымъ людямъ.

Мнѣ отвѣчали прежде всего, обыкновенно, слегка испытующимъ, часто какъ бы возмущеннымъ взглядомъ, точно въ самомъ моемъ вопросѣ уже заключалось оскорбленіе, а затѣмъ уже слѣдоваль отвѣтъ, обыкновенно краткій и убѣдительный: «Само собою понятно, конечно есть!»

«Что же вы знаете о своей совѣсти?»—продолжалъ я свой допросъ,—и, во имя того интереса къ предмету моей книжки, который я предполагаю у читателя, я прошу его смотрѣть на мой вопросъ, какъ на обращенный къ нему, отложить на минуту книгу въ сторону и подумать надъ тѣмъ, что дѣйствительно онъ можетъ сказать о своей совѣсти.

«Совѣсть беспокоитъ, мучитъ меня, когда я сдѣлаю что-либо дурное, и я сладко отдыхаю на ней, какъ на мягкой подушкѣ, когда сдѣлалъ что-либо хорошее или не поддаюсь побужденію къ дурному. Часто совѣсть даетъ мнѣ почувствовать себя не послѣ совершившагося факта, а заранѣе побуждаетъ меня поступить такъ, а не иначе. Почему? Именно потому, что это—хорошо, а то—дурно».

Такъ обыкновенно отвѣчали мнѣ на второй вопросъ.

На основаніи подобныхъ, по существу всегда одинаковыхъ отвѣтовъ и тона, которымъ они давались, я считаю себя вправѣ назвать общепризнанными слѣдующія четыре положенія:

1. Цивилизованный человѣкъ конца девятнадцатаго столѣтія имѣетъ въ себѣ нѣчто, что въ отличіе отъ другихъ своихъ душевныхъ свойствъ и особенностей своей внутренней жизни онъ называетъ совѣстью. 2. Существованіе совѣсти связано съ чувствомъ самоуваженія. 3. Онъ чувствуетъ себя въ той или иной степени подчиненнымъ приговору своей совѣсти въ своей мысли, рѣчи и поступкахъ такъ же, какъ онъ подчиненъ приговору карательной власти. 4. То, чтъ совѣсть одобряетъ, онъ называетъ «хорошимъ», «добрымъ», противоположное — «дурнымъ», «злымъ».

Эти четыре положенія, конечно, слишкомъ общи и неопредѣленны, чтобы мы могли узнать на основаніи ихъ, что же такое собственно совѣсть; но такъ какъ мы все же хотимъ узнать это, мы обратимся къ людямъ науки, науки о душѣ человѣка—психологіи, или же къ тѣмъ, которые заняты научнымъ

изслѣдованіемъ понятій «добра» и «зла», т. е. тѣмъ, которые изучаютъ этику или обучаютъ ей. Я дѣйствительно обращался и къ этимъ людямъ.

Отвѣтъ, получаемый отъ нихъ, часто кажется на первый взглядъ очень много выясняющимъ, но позже обыкновенно замѣчаешь, что онъ выясняетъ многое только въ томъ случаѣ, если принять всѣ остальные положенія даннаго ученаго. Его пониманіе совѣсти находится въ неразрывной связи со всѣми его основными воззрѣніями. Если я не хочу или не могу принять ихъ, то едва-ли на основаніи изученія его приду къ сознанію собственнаго взгляда на совѣсть. Однако, я убѣдился, что выгодно иногда смотрѣть на вещи глазами даннаго ученаго. Интересно, поэтому, опросить возможно больше людей, возможно различныхъ, время и народовъ.

При этомъ мы производимъ одно интересное наблюденіе: нѣкоторые философы разныхъ временъ дѣлаютъ видъ, что они вообще ничего не знаютъ о совѣсти; если же они говорятъ о ней, то въ самомъ пренебрежительномъ тонѣ.

Нельзя отрицать того, что и въ наши дни многіе полагаютъ, что совѣсть и тому подобныя тонкости являясь собственно пережитками одной изъ прошлыхъ культурныхъ эпохъ, пережитками, которые культурный человѣкъ отбрасываетъ со своей дороги. Правда, и они не отрицаютъ того, что у нихъ самихъ еще бывають тѣ своеобразныя переживанія, которыя люди называютъ укорами или побужденіями совѣсти, однако, они болѣе или менѣе убѣждены, что это результатъ воздѣйствія устарѣвшихъ воззрѣній, сохранившихся благодаря долгой привычкѣ и отсутствію вдумчивости.

Вполнѣ понятно, что такъ думаютъ многіе въ наше скептическое время, когда принялись ислѣдовать то, что раньше считалось само собою понятнымъ, какъ вещи и отношенія вѣчныя, неизмѣнныя. И, такъ какъ эти изслѣдованія часто приводили къ тому, что считавшійся «вѣчнымъ» порядокъ признавался ненужнымъ или даже вреднымъ пережиткомъ, то возникла склонность обобщать это, развилось, вообще, недоувѣрчивое отношеніе къ справедливости требованій, «разумность» которыхъ не очевидна сама по себѣ.

Такимъ образомъ ясное пониманіе сущности совѣсти пріобрѣтаетъ и практическое значеніе. Хотя мы и не думаемъ, что теоретическій взглядъ на происхожденіе «побужденій совѣсти» самъ по себѣ дѣлаетъ человѣка «совѣстливымъ» или «бессовѣстнымъ», однако очевидно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда совѣсть противорѣчитъ ясно сознаваемой выгодѣ или ясно выраженному стремленію—при разрѣшеніи этого притворчія имѣетъ значеніе, что данный человѣкъ считаетъ совѣстью вообще.

Какъ же мы приступимъ къ нашему изслѣдованію?

Совѣсть есть прежде всего продуктъ мысли, поэтому прежде всего намъ необходимо уяснить себѣ, что мы понимаемъ подъ словомъ «совѣсть», мы должны ясно усвоить себѣ это понятіе. Но какъ это сдѣлать? Должны ли мы погрузиться въ философію и чисто отвлеченнымъ путемъ, путемъ размышленія, установить понятіе «совѣсть»? Допуская даже, что мы при этомъ не забредемъ въ дебри отвлеченности, мы все же не уйдемъ этимъ путемъ дальше тѣхъ положеній, которыми отвѣчали мнѣ на приведенные выше вопросы.

Большую цѣнность имѣетъ для насъ, однако, то, что мы, примѣровъ ради, воскресимъ въ памяти нашъ собственный опытъ, вспомнимъ послѣдовательно что происходило въ насъ, когда мы говорили: «у меня злая совѣсть» или «моя совѣсть не позволитъ мнѣ дѣлать то и то». Но въ остальномъ область нашего опыта слишкомъ ограничена. Мы должны расширить кругъ нашихъ изслѣдованій и рассмотреть, какимъ путемъ человѣкъ пришелъ къ тому, что сталъ говорить о «совѣсти»; затѣмъ слушаемъ, какія сужденія высказывались о ней

въ послѣдующіе вѣка выдающимися мыслителями. Мы упоминали уже выше, что сужденія эти расходятся; рассмотримъ поэтому, какіе доводы и какія гипотезы лежатъ въ основѣ наиболѣе замѣчательныхъ изъ этихъ сужденій. Если мы будемъ исходить при этомъ изслѣдованія изъ собственнаго опыта, то при этихъ размышленіяхъ будетъ, конечно, выясняться для насъ и наше собственное пониманіе совѣсти.

Результаты этого изслѣдованія, однако, не ограничатся этимъ. Съ изслѣдованіемъ понятія «совѣсть» тѣсно связанъ вопросъ о происхожденіи этого понятія. Здѣсь мы встрѣтимся со взглядами, считающими понятіе «совѣсть» простою фантазіей, и со взглядами, признающими существованіе у человѣка особаго чувства, соотвѣтствующаго этому понятію. Если путемъ нашего изслѣдованія мы придемъ къ этому послѣднему выводу, то мы закончимъ свое изслѣдованіе попыткой опредѣлить сущность и характеръ этой совѣсти при помощи нашихъ современныхъ понятій, поскольку это окажется возможнымъ.

Еще одно замѣчаніе: въ мою задачу не входитъ навязать кому-либо мое пониманіе совѣсти и всего, что съ нею связано. Я хочу лишь изложить по возможности сущность вопроса, предоставивъ читателю самому дѣлать заключенія. При выборѣ мыслителей, взгляды которыхъ приводятся мною ниже, мною руководило желаніе представить по возможности всѣ противорѣчашія одно другому воззрѣнія и въ такомъ порядкѣ, чтобы изложеніе мое явилось бы обзоромъ историческаго развитія познанія человѣкомъ «совѣсти». Форму изложенія я выбралъ такую, чтобы она была доступна мыслящему человѣку, но обладающему достаточнымъ временемъ или достаточными познаніями для того, чтобы предаться историческимъ изысканіямъ, по интересующемуся этимъ вопросомъ и не боящемуся нѣкотораго напряженія мысли.

Мы начнемъ съ исторіи происхожденія понятія «совѣсть» и съ того времени, когда она сама ясно выступаетъ въ исторіи человѣчества, — у древняго культурнаго народа, грековъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Изъ греческой древности.

а) Впра въ боговъ и общественное мнѣніе

Перенесемъ мыслью на три тысячелѣтія назадъ въ десятыя вѣка до нашей эры, во времена греческой культуры, отъ которой до насъ дошли оба поэтическихъ повѣствованія Гомера (Иліада и Одиссея), являющихся зеркально-точнымъ изображеніемъ людей той эпохи. Это было дикое время. Война была основною мыслью, вокругъ которой вращалось все. Насиліе и коварная отвага наполняли жизнь большинства людей, о которыхъ повѣствуетъ Гомеръ, и тѣмъ не менѣе и имъ не вполнѣ чужды были побужденія совѣсти, какъ изображаетъ ихъ поэтъ сообразно взглядамъ его времени: они часто называютъ дурнымъ то, что имъ было бы полезно, и считаютъ, что должны сдѣлать «доброе», хотя оно не сулитъ имъ непосредственно никакой пользы. Однако, о самой совѣсти они не говорятъ. У нихъ есть два основанія дѣлать «добро» и избѣгать дѣлать «зло». Эти основанія мы узнаемъ изъ словъ, которыми поучаетъ несчастный сынъ (Телемакъ) безстыдныхъ жениховъ своей матери, ежедневно безъ приглашенія приходившихъ въ его домъ и объѣдавшихъ его, беззащитнаго: «Устыдитесь же сами, побойтесь кругомъ живущихъ людей, побойтесь мести боговъ!» Онъ напоминаетъ имъ о приговорѣ общественнаго мнѣнія и о волѣ боговъ, чтобы они пришли къ сознанію своей неправоты и удалились. Къ совѣсти ихъ онъ

не вызываетъ, тогда еще вообще не было этого слова; однако, если тогда было непонятно то, что мы называемъ побужденіями совѣсти, то все же тогда просто еще не замѣчали, что не одна только боязнь дурной славы и наказанія боговъ удерживали отъ несправедливыхъ поступковъ. Лишь, когда вѣра въ боговъ и пригодность установившихся народныхъ воззрѣній на вѣчныя времена была поколеблена, лишь тогда у отдѣльныхъ людей могла возникнуть мысль о томъ, что въ нихъ самихъ заключено и предостереженіе отъ дурныхъ поступковъ и возмездіе за совершенное преступленіе.

Эринніи.

Вѣра въ то, что богамъ принадлежитъ право наказанія была сперва всеобщей, но уже очень рано отъ этого общаго воззрѣнія отдѣлилось и вполне оформилось другое воззрѣніе, которое мы рассмотримъ предпочтительно, какъ мифологическое олицетвореніе «злой совѣсти». Это ихъ вѣра въ Эринній.

Согласно древнему разсказу, братоубійство сдѣлало перваго убійцу вѣчнымъ скитальцемъ; то же говорить и въ слѣдующія тысячелѣтія: что то страшное преслѣдуетъ его по пятамъ, заставляя его бѣжать, скитаться. Что же это такое? Боязнь. Нѣтъ, это былъ страхъ другого рода, онъ преслѣдовалъ убійцу и тогда, когда ему не грозило наказаніе.

Когда стали размышлять надъ этимъ явленіемъ, тогда не удовлетворились уже общераспространеннымъ мнѣніемъ, что это наказаніе боговъ. Въ тѣхъ таинственныхъ переживаніяхъ въ душѣ преступника, которыя возникали и жили въ немъ независимо отъ его воли и даже вопреки ей, видѣли дѣйствіе опредѣленныхъ неземныхъ существъ, которыхъ называли Эринніи.

Это была ужасная компанія. „Ихъ призваніемъ является отыскиваніе всѣхъ грѣховъ людей“. Какъ изображались Эринніи—мы знаемъ въ общихъ чертахъ: это наводящій ужасъ женщины въ туманныхъ темныхъ одѣяніяхъ... змѣи вмѣсто волосъ... кровожадные глаза... съ пылающими факелами въ рукахъ...отталкивающій взглядъ—въ такомъ видѣ эти проклятыя порожденія ночи набрасываются сзади на преступника. Съ ужасомъ крики онѣ преслѣдуютъ, хватаютъ его; онѣ не даютъ ему ни минуты покоя, окружаютъ его во снѣ- и такъ до тѣхъ поръ, пока онъ не достигнетъ ада или пока не будетъ наказано преступленіе, и тогда богини ужаса превращаются въ благосклонныхъ богинь (Эвмениды)¹⁾.

Въ этихъ мифологическихъ представленіяхъ особенно достопримѣчательна одна черта. На этихъ Эринній смотрѣли, какъ на древнѣйшій родъ, болѣе древній, чѣмъ самъ высшій главенствующій богъ, его родъ и его царство; онѣ происходятъ изъ сѣрой туманной старины, мы сказали бы, пожалуй, изъ вѣчности. Надо полагать, этотъ мнѣ порожденъ неяснымъ чувствомъ того, что злое является зломъ, не потому, что его порицаютъ люди и запрещаютъ боги; очевидно, Злое чувствовалось, какъ нѣчто, что само по себѣ есть зло, такъ сказать, вѣчно злое, независимо отъ того, прощаютъ ли его живущіе въ это время люди или нѣтъ. Но, съ другой стороны, это не походитъ на сознаніе, а является лишь темнымъ, неяснымъ предчувствіемъ, догадкой. Не забудемъ, что о совѣсти тогда еще не говорили, она еще не была «открыта», хотя уже тогда замѣчали бросающіяся въ глаза явленія, вызываемыя воспоминаніемъ о зломъ поступкѣ. Въ эпоху, когда всѣ явленія, причины которыхъ не были извѣстны,—просто приписывались сверхестественнымъ существамъ, люди удовлетворялись и въ

¹⁾ Римляне называли эти мифологическія созданія *фуріями*, позже сами древніе народы Европы видѣли въ нихъ олицетвореніе злой совѣсти.—Подобныя же представленія мы находимъ и у другихъ народовъ.

этомъ случаѣ тѣмъ, что и эти обнаруживаемыя человѣкомъ душевныя переживанія приписывали дѣйствию мифологическихъ существъ.

в) *Философія.*

Объ великія гомеровскія поэмы мы назвали первыми памятниками духовной работы грековъ. Тремя столѣтіями позже въ 600 г. до Р. Х. мы констатируемъ начало новой колоссальной умственной работы—философіи.

Задачей философіи является сознательное разсмотрѣніе вещей, пониманіе ихъ въ ихъ первоосновѣ и ихъ взаимной связи для цѣлей сознательнаго и связаннаго размышленія—познанія.

Какъ повсюду, гдѣ человѣческая культура выросла за предѣлы заботъ о пищѣ и безопасности, и у грековъ тогда возникли великіе вопросы: «Откуда, какимъ образомъ и для чего существуетъ все окружающее? Что такое вся жизнь и что такое мы сами въ ней?»

Унаслѣдованное отъ отцовъ почитаніе боговъ, такъ же, какъ и окружающая природа, не давали отвѣта, другіе люди—тѣмъ паче. Тогда стали размышлять. Общее стремленіе къ прочному знанію, къ обоснованному міровоззрѣнію способствовало постепенному раздѣленію самихъ по себѣ еще неясныхъ вопросовъ на три болѣе опредѣленные большія группы.

Все, что мы видимъ вокругъ, это «все» къ которому принадлежимъ и мы сами, направило мысль на первый великій вопросъ: «откуда все это? Откуда произошелъ міръ и что лежитъ въ основѣ его?» Удовлетворительный отвѣтъ найти было трудно. Часто казалось, что найдено достаточное основаніе для объясненія всего, что существуетъ и что совершается вокругъ, но вскорѣ приходилось убѣждаться, что это было сплошное заблужденіе, совершенно неосновательная гипотеза. Тогда задали себѣ второй вопросъ: «Какъ дойти вообще до познанія? Какъ можемъ мы увѣренно и правильно познавать?» А за этими двумя вопросами слѣдовалъ и третій. Міръ не стоялъ въ это время на мѣстѣ и каждодневная жизнь предъявляла свои все новые большіе и малые вопросы и, такъ какъ отвѣты на оба первые большіе вопроса порождали новые взгляды на жизнь вообще, то на ряду съ первыми двумя вопросами былъ поставленъ и третій: «Какъ мы должны жить, какъ должны поступать и почему такъ, а не иначе?» — (1) метафизика, 2) теорія познанія (логика), 3) этика.

Предположеніе, что такое планомѣрное разсужденіе философовъ должно было обратить ихъ вниманіе на нравственное значеніе совѣсти, вполне умѣстно, но оно все же не вѣрно. Философы не «открыли» совѣсти.

Такъ какъ мы ищемъ того, когда впервые появляется понятіе «совѣсть», мы могли бы пройти мимо этихъ философовъ, но для насъ весьма важно бросить взглядъ на развитіе древне-греческой философіи по двумъ основаніямъ именно въ ней можно прослѣдить то разрушеніе міра боговъ и упадокъ авторитета общественнаго мнѣнія, которое должно было неизбѣжно предшествовать познанію совѣсти, во всемъ ея своеобразіи. Во-вторыхъ, этотъ обзоръ исторіи греческой философіи покажетъ намъ почему она не могла обратить своего вниманія и признаетъ существованіе совѣсти, покажетъ, что она находилась подъ вліяніемъ того теченія, которое мы наблюдаемъ позже во всякомъ міросозерцаніи, отрицающимъ совѣсть, и которое можно назвать «Интеллектуализмомъ».

Первые греческіе философы.

Первые греческіе философы, какъ я говорилъ, искали первоосновы міра. Они различно представляли се себѣ... «Все произошло изъ воды», говорилъ

одинъ. «Нѣтъ, училъ другой, воздухъ, двигающій, всеоживляющій, онъ въ ступеніи и разжиженіи составляетъ весь міръ». Третій считалъ такимъ же началомъ началъ—огонь, четвертый возвращался къ великому, неопредѣленному «безграничному нѣчто», объединявшему въ себѣ всѣ противоположности.

Иныя изъ этихъ гипотезъ въ теченіе нѣкотораго времени пользовались успѣхомъ, но затѣмъ люди снова убѣждались, что это объясненіе не достаточно. Сколько разъ казалось, что истина достигнута, столько же разъ приходилось снова разочаровываться въ результатахъ найденнаго.

И все-таки при этихъ размышленіяхъ о сущности міра было сдѣлано одно открытіе, истинное зерно котораго сохранилось и послѣ того, какъ всѣ остальные случайныя гипотезы были совершенно заброшены или полузабыты.

«Все течетъ».

Философъ Гераклитъ первый замѣтилъ, что вещи, которыя намъ при взглядѣ на нихъ кажутся неизмѣнными въ дѣйствительности находятся въ постоянномъ процессѣ измѣненія. Рѣка, въ которую погружаемся утромъ,—къ вечеру или даже въ слѣдующій же моментъ совершенно измѣняется: постоянно прибываетъ новая вода. Дерево, стоящее передъ нами неподвижнымъ въ полуденный зной, съ каждой секундой, съ каждой частицей секунды измѣняется немного, такъ какъ изъ множества этихъ частицъ секунды состоитъ вся его жизнь, начиная отъ сѣмени и кончая спившимъ стволомъ, сваленнымъ бурей. Обобщая эту мысль Гераклитъ учить: въ дѣйствительности въ природѣ нѣтъ ничего неизмѣннаго, все находится въ теченіи, все постоянно преобразуется, течетъ, измѣняется. Намъ кажется, что вещи существуютъ такими или мы ихъ видимъ потому, что наши глаза недостаточно совершенный органъ, чтобы замѣчать постоянную перемѣну, тѣмъ болѣе, что въ этой перемѣнѣ предыдущее очень схоже съ непосредственно слѣдующимъ.

Это открытіе, съ перваго взгляда подѣйствовало ошеломляюще, но затѣмъ поняли, какъ многое въ немъ глубоко поучительно. Оно захватывало и увлекало.

Софисты.

Явились наслѣдники и извлекли послѣдствія изъ открытія отцовъ. Возникло философское направленіе, приобрѣвшее вскорѣ во всей Греціи сторонниковъ, получившихъ названіе «софистовъ».

Само по себѣ слово «софистъ» значить очень умный человѣкъ. И эти люди были дѣйствительно умны. Они интересовались всѣмъ, приобрѣтали необыкновенно обширныя познанія во всѣхъ отрасляхъ науки и любили ораторствовать. Такъ какъ познанія ихъ были очень разносторонни, говорили же они больше, чѣмъ знали, то постепенно они стали придавать большее значеніе умѣнію обо всемъ говорить, чѣмъ основательному изслѣдованію, спокойному мышленію, серьезной сосредоточенной работѣ. Благодаря этому названіе «софистъ» приобрѣло постепенно другой характеръ, который нѣмцы передаютъ словомъ «Klugredner» (Краснобай).

Софисты имѣли мнимое право на свою философію. Заключалось оно въ изложенномъ выше открытіи, что окружающія насъ вещи въ дѣйствительности не всегда таковы, какъ онѣ намъ кажутся, что многое о чемъ наше зрѣніе, слухъ или осязаніе говорятъ намъ, что оно болѣе или менѣе продолжительное время остается такимъ, какъ мы его воспринимаемъ—въ дѣйствительности находится въ постоянномъ процессѣ преобразованія. Они разсуждали такъ: разъ вещи не таковы, какъ мы ихъ видимъ, каковыми ихъ воспринимаетъ наша

мысль, затѣмъ тогда вообще подробное разсматриваніе ихъ, затѣмъ задавать своему мозгу трудную работу яснаго представленія.

Этотъ выводъ, сдѣланный изъ вѣрнаго открытія Гераклита о постоянномъ процессѣ превращенія всякой вещи въ природѣ—очевидно слишкомъ поспѣшенъ. Поспѣшенъ и опасенъ потому, что онъ заранѣе отвергаетъ всякую серьезную работу по разслѣдованію природы.

Но софисты не ограничивали свою критику однимъ изслѣдованіемъ природы, свои сокрушающіе выводы они распространяли и на область нравственныхъ поступковъ. Они утверждали: то, что люди считаютъ нравственно допустимымъ, отличается отъ, такъ называемаго, непозволительнаго только тѣмъ, что въ то время, когда состоялся этотъ, принятый нами на вѣру приговоръ, первое считалось полезнымъ и здоровымъ, а второе—нѣтъ. Но обстоятельства мѣняются. Быть можетъ теперь для насъ полезно совершенно противоположное тому, что было полезно раньше, тогда именно это второе будетъ «хорошимъ», «добрымъ». Если, въ случаяхъ сомнѣнія, для меня дѣйствительно важно знать, что позволительно и что нѣтъ, у меня есть одинъ способъ узнать это:—разсудить разумно или неразумно предъявленное ко мнѣ требованіе. И тогда одинъ будетъ думать такъ, а другой иначе. Такимъ образомъ, это будутъ отдѣльные взгляды: дозволено то, что мнѣ правится. Каждый индивидуумъ можетъ произвольно опредѣлять, что хорошо и справедливо, онъ самъ является «мѣриломъ вещей».—Ну, а законы? Что такое законы? Законы давно установлены властью имѣвшими людьми, это власть отцѣвѣтнаго властителя. Что намъ до нихъ? Если у меня есть возможность поступать иначе, чѣмъ приказываютъ законы, и если мнѣ это кажется удобнымъ,—я такъ буду поступать и «по праву».

И въ этой критикѣ софистовъ нельзя отрицать доли истины. Какъ противовѣсь безмысленной, закоснѣлой вѣрности традиціямъ старины, какъ противовѣсь полному отождествленію нравовъ и нравственности, особенное подчеркиваніе измѣчивости воззрѣній людей въ связи съ измѣняющимися внѣшними отношеніями—вполнѣ уместно. Но здѣсь опять-таки бросается въ глаза неосновательность, безграничнаго обобщенія мысли, вѣрной лишь въ приложеніи къ отдѣльнымъ, опредѣленнымъ случаямъ. Болѣе же всего замѣчательно то, что только софисты обосновываютъ личное убѣжденіе каждаго отдѣльнаго человѣка, которымъ однимъ лишь онъ и руководится въ своихъ поступкахъ, исключительно на своемъ «разумномъ мнѣніи»,—совѣсть остается внѣ круга сихъ воззрѣній,—на томъ самомъ «мнѣніи», которое именно по ихъ утвержденію не способно познать истину. Остается въ концѣ концовъ полнѣйшій нравственный нигилизмъ, который поступаетъ такъ, какъ ему подсказываетъ моментъ.

Это софистическое ученіе о нравственности вскорѣ должно было выдержать испытаніе. Главные представители его жили въ знаменитомъ городѣ Греціи, Афинѣхъ и расцвѣтъ софистической философіи относится, приблизительно, къ 430 г. до Р. Х. Какъ разъ въ это время началось несчастье Афинъ—тридцатилѣтняя война со Спартой, неоднократно приводившая Афины на край гибели. Какъ могло сохраниться во время внѣшней войны—это новое мировоззрѣніе?

У насъ есть свидѣтельство современнаго историка (Фукидида). Предоставимъ ему слово.

«Обычное значеніе словъ измѣняютъ произвольно, когда стремятся къ чему-либо опредѣленному. Безразсудство и удалство называли храбростью; умѣренностью называли то, что въ дѣйствительности было трусостью; без-

разсудную страстность считали мужскою чертой; тотъ, кому помогало коварство, считался умнымъ. Благодаря партійнымъ раздорамъ, развелись всякія претупленія, и прямодушіе, съ которымъ такъ связано благородство убѣждений, исчезло, потому что оно осмѣивалось.. Провѣтало коварство и взаимное недовѣріе, и это недовѣріе не могло уничтожить ни честное слово, ни торжественная клятва... На второй годъ войны въ Афинахъ началась чума. «Захваченные бѣдствіемъ», говоритъ нашъ историкъ, «люди, не знавшіе, что будетъ съ ними завтра, перестали дѣлать различіе между человѣческимъ и божественнымъ... Что раньше тщательно скрывалось и дѣлалось вообще лишь по принужденію, на то отваживались теперь съ циничною, откровенностью, такъ какъ у всѣхъ на глазахъ все низвергалось и измѣнялось; видѣли какъ умирали богатые и немущіе получали богатства. Отсюда желаніе скорѣе и какъ можно лучше насладиться этими богатствами, такъ какъ жизнь и богатства казались одинаково недолговѣчны. Ни у кого не было склонности къ тому, что раньше считалось првственнымъ и благороднымъ—къ жертвѣ, такъ какъ онъ не зналъ, не похитить ли его смерть раньше, чѣмъ онъ достигнетъ цѣли. Но то, что обѣщало мгновенное удовольствіе сейчасъ,—то считалось прекраснымъ. Страхъ передъ богами или людьми теперь не удерживалъ» и т. д.

Было бы, конечно, ошибочно дѣлать однихъ софистовъ отвѣтственными за этотъ пабашъ вѣдьмъ. Всемирная исторія заключаетъ въ себѣ много страницъ, когда при аналогічныхъ обстоятельствахъ просыпался звѣрь въ человѣкѣ. Но, съ другой стороны, нельзя отрицать и того, что здѣсь теорія и практика, софистическое ученіе и дѣянія преступниковъ и безумцевъ шли, до извѣстной степени, въ унисонъ. Это должно было возбудить недовѣрчивое отношеніе къ софистикѣ. Наступили болѣе спокойныя времена, люди стали задумываться сами надъ собою и стыдиться своихъ поступковъ. Снова они стали приходить къ той мысли, что въ области нравственности должно существовать нѣчто прочное, неизмѣняющееся сообразно желанію каждаго отдѣльнаго человѣка, нѣчто такое, отъ внимательнаго отношенія къ чему зависить достоинство и цѣнность отдѣльнаго человѣка и блага общества. Мысль эта однако еще висѣла въ воздухѣ; это было больше требованіе чувства. Долженъ былъ явиться великій человѣкъ, чтобы дать выраженіе этому чувству, и онъ явился, какъ всегда въ мировой исторіи въ такіе моменты появляются великіе личности. Звали его Сократомъ.

Сократъ.

Сократъ не былъ реакціонеромъ. Онъ не отступилъ назадъ къ предшественникамъ софистовъ, онъ не объявилъ ихъ ученіе дьявольскимъ измышленіемъ, потому что оно принесло дурные плоды. Онъ воспринялъ зерно истинно духовныхъ приобрѣтеній новаго времени, а затѣмъ самъ поднялся своимъ умомъ надъ кругозоромъ своего времени. Владѣвшіе въ то время умами всѣхъ не могли разубѣдить его въ томъ, что хорошее—хорошо, а дурное—дурно, дѣйствительно таковы, независимо отъ того какъ относится къ нимъ отдѣльный человѣкъ. Онъ видѣлъ, какое опустошеніе произвели софисты въ нравственной жизни его согражданъ, и онъ задумался надъ тѣмъ, въ чемъ, собственно заключалась ошибка софистовъ.

Сократъ внимательно наблюдалъ людей и думалъ... Вообще говоря, люди, повидимому, стремятся, быть можетъ сами того не сознавая, къ общимъ опредѣленнымъ великимъ цѣлямъ своихъ желаній. Определенныя качества, какъ самообладаніе, храбрость и т. п. цѣнятся вообще очень высоко послѣ того какъ прошелъ пылъ разнузданныхъ страстей, господствовавшихъ во время печаль-

ныхъ событій той несчастной войны;—немногіе люди, презирающіе эти качества, повидимому, господа сомнительные.

Надо полагать, что Сократъ здѣсь основывался на томъ очевидномъ фактѣ, что добро какимъ-либо образомъ представляется человѣку какъ нѣчто такое, къ чему онъ долженъ стремиться, что истина представляется ему разумной, что непозволительное кажется даже и отдѣльному человѣку вреднымъ. Это вѣдь очевидно, это и должно быть непременно такъ, ибо и въ этой вѣрной мысли Сократъ совершенно согласенъ съ софистами:—вѣдь каждый же долженъ умѣть самостоятельно рѣшать, что позволительно и что непозволительно; человѣкъ не можетъ иначе направлять свою мысль и поступки, какъ сообразно своему собственному рѣшенію. Чѣмъ же объясняется тотъ, столь же несомнѣнный фактъ, что, не смотря на это, во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ одинъ считаетъ данное допустимымъ, другой—недопустимымъ, одинъ хвалить то, что другой порицаетъ. Да, говоритъ Сократъ, и этимъ онъ сразу сразилъ софистику, дѣло обстоитъ не такъ просто; о томъ истинно ли что-либо данное, допустимо ли оно, не можетъ рѣшать просто всякій прохожій, всякій ребенокъ и всякій необразованный власть имущій человѣкъ, этого не можетъ рѣшить и моя случайная, поверхностная мысль, которая обыкновенно затуманена сотнями побочныхъ соображеній, предразсудковъ, плотскихъ наслажденій, неуступчивостью, быть можетъ врожденною глупостью или дешевымъ удовольствіемъ разыграть вольнодумца. Позволительно или непозволительно, что-либо, справедливо ли и хорошо ли оно или нѣтъ, это можетъ рѣшить только глубокомысленное раздумье,—разумное во мнѣ дастъ вѣрное рѣшеніе, то разумное, которое въ концѣ концовъ можно раскопать у всѣхъ людей, если взять на себя трудъ проникнуть черезъ всю толщу ихъ неразумнаго. Разумное можетъ и должно создаться у человѣка и тогда оно, во всякомъ случаѣ, будетъ безупречнымъ судьей о томъ, что есть ложь, справедливость и несправедливость, судьею, законамъ котораго я безусловно подчиняюсь.

Мы видимъ, что Сократъ сдѣлалъ громадный шагъ впередъ. Изложимъ сущность всего сказаннаго другими словами: софисты говорили: ничто не можетъ быть названо нами хорошимъ или дурнымъ, само по себѣ; это зависитъ отъ того, съ какой точки зрѣнія мы его разсматриваемъ; если оно для насъ полезно, тогда именно оно хорошо, если оно неудобно для меня—значить оно дурно. Сократъ говоритъ: нѣтъ,—многое дѣйствительно хорошо и противоположно дурному. Истинное—истинно и противоположно заблужденію и обману. Отъ добра и истины безусловно зависитъ мое благо и благо человѣческаго общества. Если я не познаю это, то это лишь моя ошибка. Я могу это познать, если я сдѣлаю разумное мышленіе своимъ надежнымъ орудіемъ. Разумному, спокойному, скромному мышленію, которое одно и можетъ искать истину,—эта истина дѣйствительно является въ видѣ истины, добро—въ видѣ добра. Если же я сознаю, что хорошаго въ истинѣ, я буду поступать согласно ей, и я былъ бы глупцомъ, если бы я не дѣлалъ того, что, я знаю, полезно мнѣ.

Погодите!—скажетъ вѣроятно благосклонный читатель послѣ этой фразы. Ясно, конечно, что положеніе Сократа: для дѣланія добра,—достаточно познаніе добра, что человѣкъ, конечно, дѣлаетъ добро, если онъ сознаетъ его невѣрно. Что самъ Сократъ лично, могъ имѣть такой взглядъ это понятно: онъ былъ съ дѣтства склоненъ къ добру, съ сильной волей и сильно развитымъ нравственнымъ чувствомъ, тѣмъ, что называютъ благороднымъ характеромъ. «Его самообладаніе» говоритъ о немъ Ф. А. Ланге не было душевнымъ спокойствіемъ натуры, которой не съ тѣмъ бороться въ себѣ, а по-

бѣдой великаго духа надъ сильною чувственностью и страстнымъ темпераментомъ. Всѣ его мысли и усилія были сконцентрированы исключительно на пѣстолюбныхъ важныхъ вопросахъ и скрытый въ немъ пылъ уходилъ на службу этихъ мыслей и усилій».—Но какъ быть, если человекъ не вдохновленъ этимъ стремленіемъ къ истинѣ и добру. Печальный примѣръ этого является собою ученикъ того же Сократа (Алкивиадъ). Онъ поучался у своего учителя, съ горячими слезами, онъ каялся передъ нимъ въ своей прежней жизни и съ лучшими намѣреніями общалъ слѣдовать его ученію, и все-таки сталъ плутомъ.

Совѣстливость отнюдь не основывается на одномъ п о з н а н і и добра.

Сократъ считалъ себя призваннымъ принести истинну своимъ согражданамъ, считалъ себя способнымъ создать для нихъ возможность и сдѣлать ихъ способными къ доброй, прекрасной и счастливой жизни въ семьѣ и въ государствѣ; онъ хотѣлъ сдѣлать ихъ способными къ свободной самостоятельной духовной жизни, хотѣлъ воспитать въ нихъ чистую, самостоятельную личность способную самостоятельно искать и распознавать истину, добро, красоту. Съ необычайною скромностью и самоотреченіемъ онъ жилъ жизнью своей профессіи, какъ бы одной изъ самыхъ почетныхъ и въ концѣ концовъ его 70-лѣтняго старика казнили его сограждане.

При глубокой вѣрѣ Сократа въ прирожденную людямъ способность познанія истины и добра и осуществленіе ихъ, казалось бы само собою очевиднымъ, что онъ долженъ былъ имѣть вполне ясное понятіе о своей совѣсти. Но въ дѣйствительности этого не было. Ни въ словѣ, ни въ сущности это понятіе не встрѣчается въ его, дошедшихъ до насъ, рѣчахъ. Хотя Сократъ чаще говоритъ о чемъ то, такъ сказать, божественномъ въ немъ, предостерегающемъ его въ случаяхъ сомнительныхъ, и до недавняго времени, смотрѣли на это какъ на своеобразное познаніе и названіе имъ совѣсти, но этотъ взглядъ ошибоченъ. Тамъ, гдѣ вопросъ идетъ о допустимости или недопустимости чего-либо, Сократъ полагается исключительно на разумное мышленіе, которое обнаружить истину.

Интеллектуализмъ.

Мы должны здѣсь твердо установить, что Сократъ повидимому обладалъ тѣмъ, что мы называемъ совершеннѣйшею совѣстью. Въ пользу этого говоритъ и вся его жизнь, которую одинъ изъ его учениковъ называетъ лучшею, самую счастливою жизнью, какую можно себѣ представить. Но онъ не зналъ тогда, что у него есть совѣсть. Вліяніе, которое позже въ отличіе разума, приписали совѣсти, онъ приписывалъ разумному мышленію. Не трудно понять, что это не могло быть иначе, если мы вспомнимъ основныя практическія положенія Сократа: всякая низость—просто невѣжество. Чтобы поступать хорошо, нужно воспитать въ себѣ здравый умъ. Эта мысль была его собственною и совершенно основательно указываютъ именно на Сократа, какъ на примѣръ того, какъ новая идея ослѣпляетъ мыслителя, незамѣчающаго всѣхъ фактовъ, противорѣчащихъ ей. Положеніе это не позволяло Сократу признать какой-либо другой инстанции для сужденія о поступкахъ, кромѣ развитого, привычнаго къ здоровому мышленію разума. Оно скрывало отъ него тотъ фактъ, что одна лишь ясность представленія и сознаніе полезности не могутъ опредѣлить поведеніе человека. Эта односторонность, эта чрезмѣрная, а потому и невѣрная оцѣнка силы разума за счетъ чувства, воли, моральныхъ чувствъ и составляетъ то, что называютъ интеллектуализмомъ (отъ слова intellec-

tus—разсудокъ, разумъ). Обратить на это вниманіе тѣмъ важнѣе, что та же односторонность и позже является типичной чертой всей греческой философіи и что именно она съ самаго начала препятствовала философіи обратить вниманіе и сдѣлать оцѣнку того, что мы называемъ совѣстью.— На примѣръ: самаго выдающагося ученика Сократа—Платона мы увидимъ къ чему долженъ былъ привести интеллектуализмъ.

Платонъ.

Платону понадобилась аллегорическая картина для изображенія внутренней жизни человѣка. Безсмертную душу, порожденную небомъ и оттуда принесшую «идеи» добра, истины, красоты, онъ сравниваетъ съ возникшимъ, который ѣдетъ на парѣ дикихъ коней. Одинъ конь—это низшіе инстинкты,—стремится постоянно внизъ въ земную пыль и грязь. Другой болѣе благородный конь—олицетворяетъ собою идеальное стремленіе способность человѣка къ воодушевленію; какъ и возница, онъ стремится вверхъ, но благодаря своей порывистости, онъ часто дѣлаетъ поѣзду очень опасной и долженъ постоянно бороться со своимъ сосѣдомъ, конемъ, становящимся на дыбы, чтобы свернуть колесницу съ дороги, опрокинуть ее, увлечь въ бездну. Если возницѣ, съ благородной душою, удастся обуздать злобу безсознательныхъ страстей, сдержать чрезмѣрную порывистость и огненную отвагу, онъ поѣдетъ къ небесамъ, къ цѣли стремленій души, къ созерцанію вѣчной истины, къ дѣйствительно долговѣчнымъ добру и красотѣ.

Но оставимъ эту аллегорію. Кто, согласно Платону, хорошій человѣкъ? Кто можетъ претендовать быть истиннымъ человѣкомъ, исполняющимъ свое назначеніе? Мудрецъ, вполне разумный, философски-образованный. Что же способно придать ему силу, укротить его чувственность, удержать въ извѣстныхъ рамкахъ его энтузіазмъ? Одна лишь философія. Такимъ образомъ, мы дѣлаемъ лишь тѣ выводы, которые сдѣлалъ и самъ Платонъ. Такимъ образомъ, познать хорошо истину можетъ только философъ, и такъ какъ для философствованія нужно время и деньги,—только аристократъ, т. е. принадлежащій по рожденію или богатству къ привилегированному классу. Собственно и по своей природѣ только рожденный аристократомъ обладаетъ дѣйствительною способностью къ философскому мышленію, онъ сдѣланъ изъ другого тѣста, чѣмъ народная масса. Если кто-либо изъ этой народной массы и является примѣръ разумной жизни, то только, говоритъ Платонъ, по привычкѣ или вслѣдствіе естественной склонности, а это не имѣетъ никакой цѣнности.

Понятно, что эти воззрѣнія Платона были встрѣчены сочувственно, при тогдашнемъ всеобщемъ пренебреженіи къ физическому труду. Само собою понятно и то, что женщина была отнесена къ людямъ второго сорта, такъ какъ она отъ природы должна быть менѣе способною чѣмъ мужчина къ философіи, къ истинному мышленію, не останавливаясь на внѣшнемъ, но случайномъ. Мысль о всеобщемъ человѣческомъ достоинствѣ была совершенно чужда Платону.

Пусть не покажется читателю ненужнымъ трудомъ наше обозрѣніе древне-греческой философіи. Хотя мы и не нашли то, чего искали, возникновеніе сознанія совѣсти,—но если мы поняли во-первыхъ, какъ философія не смотря на энергичное исканіе не могла прийти къ тому выводу, что за понятіемъ хорошаго и дурнаго дѣйствительно кроется нѣчто, и, во-вторыхъ, почему она все же не обнаружила и не могла обнару-

жить того внутреннего судью, который непосредственно рѣшаетъ когда въ отдѣльных случаяхъ надо употребить понятие «хорошо», а когда «дурно», если все это стало понятно для насъ, то наше обозрѣніе не напрасно, оно придаетъ вѣрное освѣщеніе дальнѣйшему изслѣдованію.

с) «Открытіе совѣсти».

Исторія философіи не есть исторія развитія умственной жизни народовъ вообще. Умственная жизнь «широкой массы» до сихъ поръ все еще опредѣляется въ большой степени другими факторами—(экономическими и политическими, особыми крупными событіями и т. п.), чѣмъ результатами трудовъ, философовъ, которые вообще обыкновенно становятся «популярными» лишь поколѣніе спустя. И, наоборотъ, распространенныя въ народѣ воззрѣнія и сужденія вообще всегда оказывали развѣ лишь самое незначительное вліяніе на строй мысли философовъ. Понятно поэтому, что познаніе совѣсти могло давно жить въ народѣ, въ то время какъ философы, слѣдуя принятому ими направленію мысли, не замѣчали тѣхъ фактовъ, которые и привели народъ къ этому познанію. Такъ именно и случилось въ Греціи. Какъ же пришелъ народъ къ мысли о совѣсти?

Это было во время Сократа, когда окончился разцвѣтъ Афинъ, когда благодаря ужасамъ войны наступило время созрѣванія самыхъ печальныхъ плодовъ софистики, когда социальная и политическая жизнь находилась въ состояніи самаго крайняго разстройства, такъ что Афины въ короткій промежутокъ времени четыре раза совершенно измѣняли свою конституцію. Тогда, во всеобщей революціи умовъ пошатнулась и вѣра въ награждающихъ и наказующихъ боговъ. Жрецы думали, что они должны опираться на религію, но они, не понимавшіе своего времени, не уловили истиннаго момента новаго возрожденія, и ихъ слѣпое усердіе повредило лишь тому дѣлу, которому они служили.

Такъ какъ вѣра въ боговъ издавна была тѣсно связана съ законами нравственности, то ожидали, что вмѣстѣ съ низверженіемъ боговъ рухнетъ и пониманіе добра и зла. Въ теченіе непродолжительнаго времени въ періодъ войны, о которомъ говоритъ Фукидидъ, казалось, что это крушеніе дѣйствительно произошло, но затѣмъ снова стали прекрасно отличать добро отъ зла, правду отъ неправды. Если дѣйствительно и не вѣрили уже по настоящему въ старый міръ боговъ, то все же еще громомъ рукоплесканий встрѣчали въ театрѣ героиню, оправдывавшую нарушеніе безбожнаго королевскаго приказа словами: „не столь всемогущей представляется мнѣ моя власть, чтобы передъ нею должно было преклониться неписанное и неопровержимое право боговъ. Оно еще дѣйствуетъ и не только сегодня и вчера, нѣтъ оно живетъ вѣчно и никто не знаетъ откуда оно появилось на свѣтъ“.

Развѣ это не было раздвоеніе психики? Въ боговъ больше не вѣрили, но еще вѣрили въ вѣчное право. Старые боги умерли и все же люди чувствовали себя подчиненными неписаннымъ, неопровержимымъ законамъ „ты долженъ“, „ты не долженъ!“ Въ Эриніи больше уже не вѣрили, и все-таки послѣ каждаго злодѣянія чувствовали безпокойство, мученіе. Простолудинъ напрягалъ свою мысль.—Быть можетъ это была лишь боязнь общественнаго мнѣнія? Ахъ, это „общественное мнѣніе!“ Это легкомысленное, постоянно мѣняющееся существо. Не было ничего болѣе непостояннаго, чѣмъ общественное мнѣніе въ Афинахъ того времени. Нѣтъ, оно не могло быть тѣмъ прочнымъ, устойчивымъ, котораго боялись, предъ

которымъ преклонялись. Быть можетъ боязнъ осужденія отдѣльными согражданами? Нѣтъ!—атимъ другимъ дѣйствительно не въ чемъ упрекнуть меня; нѣтъ,—заключали они,—если меня мучить что-то послѣ совершенія дурного поступка, то оно не извнѣ, не чуждое мнѣ, а во мнѣ самомъ, вотъ здѣсь въ груди, въ головѣ,—здѣсь сидитъ сознаніе этого дурного поступка, оно именно и мучитъ меня, это не извнѣ дѣйствующее, а во мнѣ самомъ живущее сознаніе: то, что я сдѣлалъ,—дурно. Такъ была открыта личная совѣсть.

Отраженіе въ драматической литературѣ.

Отраженіе этого развитія народныхъ воззрѣній мы находимъ въ драматической литературѣ того времени. Дѣйствительно, драму того времени надо разсматривать какъ точное отраженіе духовной жизни народа. Театръ въ Афинахъ былъ народною сценой въ истинномъ смыслѣ этого слова, народной сценой и въ томъ отношеніи, что зрителями являлись люди всѣхъ классовъ населенія, не только не платившіе входной платы, но привлекаемые въ театръ вознагражденіемъ, выдаваемымъ государствомъ за потерянное рабочее время—(длинные драмы отнимали часто полъ-дня) народною сценой онъ былъ и въ томъ отношеніи, что великіе драматурги того времени (Эсхиль, Софокль, Эврипидъ) умѣли облечь событія и вопросы общественной жизни, въ красивыя и яркія формы, доступныя чувству и пониманію простолюдина. Правда, слогъ, которымъ говорили на сценѣ, былъ нѣсколько болѣе изысканнымъ, чѣмъ въ обычной рѣчи, но на сценѣ ничего не происходило такого, чего не могъ бы пережить, перечувствовать вмѣстѣ съ героями драмы зритель, на сценѣ не высказывалась ни одна мысль, которая не могла бы быть понята, не нашла бы отклика въ зрителѣ изъ народа. Такимъ образомъ, дошедшія до насъ драмы дѣйствительно представляютъ собою, быть можетъ рельефности ради немного преувеличенное, но все же вѣрное отраженіе духовной жизни народа. Здѣсь-то мы находимъ яркое изображеніе того превращенія, которое пережило народное представленіе о совѣсти во второй половинѣ пятого вѣка.

Въ 458 году до Р. Х., стало быть еще во время процвѣтанія Афинъ, была впервые представлена драма перваго изъ названныхъ драматурговъ—„Орестъ“—Эсхила.

Въ первой части этой драмы король Агамемнонъ возвращается съ Троянской войны побѣдителемъ домой, гдѣ его убиваетъ его невѣрная жена. Во второй части возвращается изъ чужихъ странъ сынъ Агамемнона—Орестъ, отсутствовавшій во время преступленія своей матери, по приказанію Бога убиваетъ мать, чтобы отомстить за отца. Но едва онъ совершаетъ убійство, какъ его охватываетъ ужаснѣйшій страхъ. Народъ хочетъ его успокоить: «Ты хорошо поступилъ!»—Тогда Орестъ неожиданно начинаетъ кричать: «Женщины тамъ... покрытыя черною... вуалью... змѣи въ ихъ локонахъ... о, это злыя собаки моей матери!» Появляются Эриніи, онѣ хватаютъ за ноги убѣгающаго убійцу. Третья часть изображаетъ какъ они преслѣдуютъ его повсюду во снѣ и на яву, пока наконецъ боги не снимаютъ вину съ него, отдавашагося добровольно суду. Надо обратить вниманіе на то, что Орестъ поступаетъ согласно волѣ боговъ, онъ исполняетъ древній обычай кровавой мести, народъ одобряетъ его поступокъ и тѣмъ не менѣе его преслѣдуютъ Эриніи. Здѣсь рѣзко очерчено то переживаніе убійцы, которое находится въ противорѣчіи съ велѣніями боговъ, но переживаніе это разсматривается не какъ черта душевной жизни са-

мого преступника, а изображается какъ выступленіе сверхестественныхъ богинь мести, стоящихъ выше причастнаго къ убійству бога въ силу своего болѣе древняго происхожденія.

Пропустимъ одно поколѣніе, поколѣніе столь богатое событіями, сыгравшее такую громадную роль въ переворотѣ въ духовной жизни грековъ.

Опять въ театрѣ идетъ „Орестъ“ на этотъ разъ третьяго изъ названныхъ драматурговъ—Эврипида. И здѣсь Орестъ страдаетъ отъ своего злодѣянія. Хотя и здѣсь оно совершено по приказанію бога, хотя народное мнѣніе въ своемъ приговорѣ по меньшей мѣрѣ раздѣлилось поровну, хотя даже самъ Орестъ всевозможными доводами опровергаетъ свою виновность, обвиняя бога, совратившаго его, судьбу и даже своего дѣда свидѣтельствовавшаго противъ его матери, тѣмъ не менѣе онъ не находитъ себѣ покоя. Но убійцу наказываютъ уже не Эриніи—которыя разсматриваются какъ созданія его больной возбужденной фантазіи, — а мститель, сидящій въ груди убійцы. Прохожіи спрашиваютъ его, что его такъ мучаетъ, что смущаетъ такъ его душу: «Сознаніе совершеннаго ужаса» отвѣчаетъ онъ. Совѣсть обнаружена.

Она обнаружена не Эврипидомъ, онъ воспользовался лишь мыслью, которая уже извѣстное время жила въ народѣ. Совѣсть впервые проснулась въ груди народа, она имъ открыта.

Заключеніе.

Путь, которымъ мы шли къ открытію совѣсти былъ немного длиннѣе, подчасъ мы не могли идти прямою дорогой къ нашей цѣли и заходили въ оковы пути и тупики. Помимо того, что это представлялось намъ цѣлесообразнымъ по разнымъ основаніямъ, оно имѣетъ еще то преимущество для насъ, что мы уже познакомились съ главными возраженіями, которыя и въ позднѣйшей исторіи признанія совѣсти высказывались противъ этого признанія.

Повторимъ вкратцѣ то, что мы нашли.

До тѣхъ поръ, покуда религія, владѣвшая умами, играла первенствующую роль въ жизни народа, покуда преданія благородныхъ мудрецовъ, лучшихъ людей старины опредѣляли общественное мнѣніе, и развитіе послѣдняго шло такъ же медленно какъ религія и преданія, человѣкъ не могъ познать свою совѣсть. Внутреннее безпокойство преступника казалось само собою понятнымъ послѣдствіемъ его поступка, если же задумывались дольше надъ этимъ, то рѣшали, что здѣсь играетъ роль наказаніе боговъ. Затѣмъ наступаетъ время революціонизированія умовъ и отношеній. Возникшій было взглядъ на добро и зло, какъ на слова, не имѣющія ни цѣны, ни значенія, въ состояніи былъ лишь разрушить счастье отдѣльнаго человѣка и общества и обнаружилъ, такимъ образомъ всю свою ложность. Вопросъ же по прежнему требовалъ отвѣта: что же истинно, что хорошо? Философія тщетно пыталась дать ясный отвѣтъ и то, что она предлагала, имѣло значеніе лишь для аристократіи. Жизнь же ставила вопросъ нѣсколько проще: она не спрашивала о понятіи добра или принципѣ добра, но заставляла каждого спрашивать самого себя: на основаніи чего я заключаю что хорошо это, именно то, что я дѣлаю сейчасъ? А затѣмъ сама жизнь предложила и отвѣтъ. Она неспровергла старые авторитеты, регулировавшіе до сихъ поръ поведеніе отдѣльнаго человѣка и, когда онъ былъ предоставленъ самому себѣ—она указала ему, что, не

смотря на это, онъ не всецѣло зависѣть отъ своихъ мнѣній и желаній, своихъ разумныхъ и неразумныхъ мыслей, но что въ его собственной груди живетъ судья его поступковъ, оставшійся вѣрнымъ ему, не смотря на всѣ пріобрѣтенія и утраты новаго времени, не смотря на революціонный вѣкъ и совершившійся переворотъ отношеній. И человѣкъ изъ народа почувствовалъ себя прочно стоящимъ на собственныхъ ногахъ; и когда онъ раздумывалъ надъ тѣмъ, что же это собственно одно- временно сдѣлало его и самостоятельнымъ и отвѣтственнымъ, тогда онъ началъ говорить о «совѣсти».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Греческое и латинское слово, передающее понятіе „Совѣсть“.

Послѣдующія столѣтія греческой исторіи не даютъ для нашей цѣли интереснаго матеріала, и мы ограничимся короткою замѣткой о греческомъ и латинскомъ названіи совѣсти:

συνείδησις

Отвернувъ греческій словарь и поискавъ, греческое слово передающее понятіе совѣсть, мы найдемъ: совѣсть,—*syneidesis* (или *syneidós*) это существительное, которое и въ производныхъ словахъ совершенно соответствуетъ нашему «совѣсть» но оно не пріобрѣло права гражданства тотчасъ послѣ того, какъ совѣсть была открыта. Старѣе этого существительнаго глаголь, отъ котораго оно произведено. Глаголь этотъ (*syneidenai heautoi*—значило сперва: быть своимъ собственнымъ соучастникомъ) въ его особомъ значеніи не можетъ быть переведенъ однимъ словомъ. Онъ встрѣчается впервые у упомянутаго выше Эврипида и еще одного современнаго ему драматурга. Начиная отсюда онъ все чаще встрѣчается въ рѣчи и все болѣе опредѣленно указываетъ на дурные поступки, за которые чувствуешь себя отвѣтственнымъ. Не смотря на это существительное «совѣсть» появляется въ совершенно ясномъ видѣ лишь незадолго до начала нашего лѣтосчисленія, въ первомъ вѣкѣ до Р. Х. и вскорѣ затѣмъ встрѣчается у многихъ писателей, при чемъ оно не сопровождается какимъ либо объясненіемъ, изъ чего можно заключить, что слово это было уже тогда значительно распространено, такъ что всякій понималъ, что хотятъ имъ выразить. Прежде полагали, что въ предшествоующій промежутокъ времени слово это уже пріобрѣло точное значеніе благодаря одной философской школѣ (стоиковъ), но предположеніе это, какъ показали новѣйшія изслѣдованія—неосновательно. И слово совѣсть не искусственнаго происхожденія; какъ открытіе самой совѣсти принадлежитъ народной массѣ, такъ и названіе ея очевидно заимствовано изъ народной рѣчи.

Conscientia.

Подобно тому какъ возникло греческое слово, и на языкѣ римлянъ латинскомъ—возникло слово *conscientia* для обозначенія совѣсти. Однако здѣсь нельзя съ такою точностью прослѣдить развитіе его, какъ въ Греціи, такъ какъ здѣсь возникла литература значительно позже и при томъ, въ то время, когда духовная жизнь Рима находилась подъ исключительно сильнымъ вліяніемъ греческой культуры. Несомнѣнно однако, что и здѣсь понятіе и слово «совѣсть», не были переняты какъ готовое произведеніе грековъ, а выросли въ народной жизни. Хотя и позже слово *conscientia*

употреблялось часто для обозначенія «сознанія» вообще, однако не менѣе употребительнымъ было оно въ смыслѣ «совѣсти»; подъ нимъ понималось: «сознаніе или воспоминаніе человѣка о своихъ собственныхъ поступкахъ, связанныхъ съ насиліемъ, сознаніе появляющееся у человѣка одновременно съ совершеннымъ поступкомъ, судящее о немъ, оправдывающее или осуждающее его, сообразно чему въ душѣ человѣка рождается радость или скорбь».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Изъ римскаго міра.

Выдержки изъ римскихъ авторовъ.

Римляне вполнѣ точно наблюдали вліяніе совѣсти и часто изображали его въ своей литературѣ. Любопытно познакомиться съ нѣкоторыми выдержками изъ дошедшихъ до насъ римскихъ авторовъ.

Цицеронъ (умеръ въ 43 году до Р. Х.) пишетъ: «моя совѣсть для меня представляетъ большую цѣнность, чѣмъ людскіе толки». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «легко можетъ казаться, что дурной поступокъ оправдывается уже тѣмъ, что преступникъ остается ненаказаннымъ». Но, говоритъ онъ дальше, это можетъ оказаться и въ дѣйствительности справедливымъ, хотя и не тогда, когда забываютъ о судѣ боговъ. Но каждый преступникъ можетъ искать свое въ своей собственной совѣсти, какъ судью о добромъ и зломъ».

«Если-же устраняютъ и совѣсть, все разслабляется и валется во прахъ».

Потому-что, какъ семья или государство безсистемны, анархичны, если они не награждаютъ хорошіе поступки и не наказуютъ дурные, точно такъ же не существовало-бы божественнаго управленія міромъ для людей, если бы совѣсть не устанавливала различія между хорошимъ и дурнымъ.

«Свой собственный приговоръ ты долженъ приводить въ исполненіе: если ты доволенъ собою, потому, что ты признаешь справедливость, ты станешь побѣдителемъ не только надъ самимъ собою, но и надъ всѣмъ и надъ всѣми... Достойно похвалы все, что дѣлается, не считаешь съ толками и тѣмъ впечатлѣніемъ, которое оно производитъ среди народа, не потому-что съ ними долженъ уединиться, а потому, что нѣтъ лучшей арены для добродѣтели, чѣмъ собственная совѣсть».

Изъ Сенеки (умеръ въ 65 г. послѣ Р. Х.). «Кто отдалъ свою душу добродѣтели и знаетъ дорогу, куда зоветъ она... Кто, какъ существо общественное, глядитъ на міръ, какъ на единственное убѣжище всѣхъ, открываетъ свою совѣсть богамъ и живетъ такъ, какъ если бы всѣ взоры были устремлены на него, потому, что онъ самъ себя боится больше, чѣмъ другихъ, тотъ стоитъ выше всякаго зла на твердой, чистой почвѣ; тотъ изучилъ полезную, необходимую науку». «Многіе (дурные люди) охраняютъ свою чистоту отъ боязни наказанія, отъ страха передъ кѣмъ-либо; тѣ, кто скрываютъ, никогда не могутъ положиться на свою скрытность, потому-что ихъ совѣсть уличитъ и предастъ ихъ самихъ».

«Совѣсть вынуждаетъ держать отвѣтъ передъ нею».

Изъ Эпиктета (жилъ во второй половинѣ I вѣка послѣ Р. Хр.). «Когда мы были дѣтьми, родители передали насъ въ руки воспитателя, который слѣдитъ за тѣмъ, чтобы мы не испортились; когда же мы стали

мужами, Богъ передалъ насъ въ руки няни—врожденной совѣсти, какъ нашему хранителю; мы не должны пренебрегать этой охраной, такъ какъ иначе мы были бы неугодны Богу и враждебны нашей собственной совѣсти».

Таковы нѣсколько случайныхъ примѣровъ упоминанія о совѣсти у римлянъ позднѣйшаго періода. Изъ нихъ ясно видно, что о совѣсти говорятъ уже какъ о чемъ-то вѣсьмъ извѣстномъ, несравнимая цѣнность чего вѣсьми признана. Количество выдержекъ мы могли бы безъ труда удеситерить, такъ какъ едва-ли существовалъ римскій писатель, который не упоминалъ бы въ какой-нибудь связи о совѣсти.

Римская философія.

Несмотря на все это философія того времени, да и въ слѣдующемъ столѣтіи, еще нигдѣ не дѣлала попытки выяснить сущность совѣсти болѣе глубокими изслѣдованіями. Въ этомъ, однако, нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ дѣла съ философіей тогда обстояли вѣсьма печально. Она едва обосновалась въ Римѣ, какъ начался упадокъ римскихъ нравовъ, римской жизни, и она вскорѣ одряхлѣла. Ограничиваясь вопросомъ: какъ я долженъ устроить свою жизнь?—а это и составляло тогда предметъ философіи,—она либо питалась мыслями, оставленными греками, немного лишь измѣняя ихъ и прилаживая къ современному ей римскому міровоззрѣнію, либо на собственный страхъ и рискъ вырабатывала нѣкоторое количество житейскихъ правилъ и указаній на то, какъ по возможности предохранить свое драгоцѣннѣйшее тѣло и душу отъ всякихъ болѣзней. Это было время упадка, а въ такое время всегда считается высшею житейскою мудростью глубокомысленный совѣтъ: «человѣкъ! будь спокоенъ!» Понятно, что и въ то время отдѣльные благородные умы относились серьезнѣе къ полету своей мысли и напряженію своей нравственной силы. Но, быть можетъ, никогда въ другія времена лучшіе, наиболѣе сильные люди не поддавались въ такой степени общему настроенію, какъ въ Римѣ того времени. И это понять нетрудно, если припомнить, что Римъ, стоявшій во внѣшнихъ отношеніяхъ на вершинѣ своего могущества, находившійся въ то же время въ состояніи соціальнаго разстройства, истощилъ всѣ источники своего духовнаго вдохновенія, умственной энергіи. Религія находилась въ состояніи неудержимаго разложенія; прежде такъ высоко цѣнившаяся семейная жизнь распалась; любовь къ родинѣ, бывшая раньше плодородной почвой всякихъ добродѣтелей, оказалась трудно сохранимой, когда на тронѣ сидѣли чудовища, облеченныя деспотическою властью, когда во внѣшнихъ отношеніяхъ не было серьезныхъ задачъ или они не были обнаружены, когда вопросы внутренней жизни казались неразрѣшимыми и вся политическая жизнь застоялась. Лучшие люди замкнулись въ себя и не дали ничего ни современности, ни исторіи. Ихъ философія неизбежно должна была быть философіей самоанализа, или смиреннаго отреченія, таковой она и была. «Человѣчество хвораетъ и нуждается въ исцѣленіи», таково было признаніе лучшихъ людей. Но и они не знали средства для этого исцѣленія. Причина же того, что они не знали этого, заключалась, однако, не въ глупости, порочности, или лѣни этихъ людей; они и не могли этого знать. Духовныя силы древняго міра были къ тому времени фактически исчерпаны... Да, печальна эта исторія заката греческо-римской философіи.

Ясно, что при подобныхъ обстоятельствахъ нельзя ждать отъ философіи разработки вопроса о сущности понятія «совѣсть». Однако сочи-

ненія этого періода дали въ одномъ отношеніи новое освѣщеніе совѣсти: оно касается отношенія совѣсти къ Богу. Въ послѣдней приведенной выдержкѣ изъ Эпиктета этотъ вопросъ былъ затронутъ, но насъ бы завела слишкомъ далеко попытка собрать всѣ указанія римлянъ на какую либо связь между Богомъ и совѣстью и сравнить эти указанія. Да мы и не могли бы къ тому же представить общее воззрѣніе на эту связь, такъ какъ въ то время религіозной сумятицы разные писатели весьма различно понимали «бога». Въмѣсто этого мы предоставимъ слово другому философу того времени, обладавшему наиболѣе связнымъ воззрѣніемъ на отношеніе совѣсти къ Богу, а именно греческому еврею Филону.

Филонъ.

Мы сознательно до сихъ поръ не касались въ нашемъ изслѣдованіи духовной жизни евреевъ. Въ «Вѣтхомъ Заветѣ» не упоминается о совѣсти, древній израиль не имѣлъ понятія «совѣсти». То своеобразное положеніе, которое занялъ въ еврейской народной жизни и въ духовной жизни отдѣльныхъ іудеевъ «законъ», препятствовало тому, чтобы израильтянинъ самостоятельно пришелъ къ понятію обособленной совѣсти. —Такимъ образомъ и Филонъ познакомился съ понятіемъ «совѣсть» не изъ родной религіи или традицій своего народа. Родиной его была Александрія и здѣсь онъ выросъ подъ вліяніемъ греческой философіи и въ частности того философскаго направленія, которое больше другихъ говорило о врожденномъ всякому человѣку «божественномъ», «частицѣ бога въ человѣкѣ». Услышавъ въ народной греческой рѣчи, на которой говорили въ Александріи, выраженіе «совѣсть», читая что давно говорятъ о нашемъ внутреннемъ судѣ, благочестивый и при томъ самостоятельно мыслящій еврей съ жадностью воспринялъ это новое слово, какъ вполне подходящее выраженіе того внутреннего переживанія, которое часто испытывалъ онъ самъ, не отдавая себѣ отчета въ своеобразности его, и связалъ его съ мыслями, взятыми частью изъ религіи его отцовъ, а частью изъ своей собственной философіи.

Согласно ему совѣсть это и есть «Божественное» въ насъ. Главнымъ назначеніемъ совѣсти онъ считаетъ не мечь, какъ полагали древніе греки, а воспитаніе. При помощи совѣсти Богъ хочетъ приблизить къ себѣ человека путемъ самопознанія и покаянія. Если человѣкъ слѣдуетъ этому побужденію...—тогда онъ станетъ «истиннымъ» или «Божіимъ человѣкомъ».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Исусъ и первые христіане.

Отсутствіе новаго ученія о совѣсти.

Приблизительно къ этому времени относится рожденіе Исуса изъ Назарета времени, взывавшему о помощи, о новыхъ духовныхъ силахъ, Онъ предложилъ свою помощь. Онъ не только провозгласилъ заповѣдь: «Ты долженъ любить Бога больше всего, а своего ближняго какъ самаго себя» какъ заповѣдь, но Онъ обладалъ и силой для исполненія ея. Всѣмъ «страждущимъ и обремененнымъ» и въ особенности всѣмъ тѣмъ, кто тщетно ищетъ прощенія грѣха, ищетъ чистоты, истины, нравственнаго познанія, нравственной энергіи,—Онъ обѣщаетъ исполненія ихъ желаній. Тогда пошли Его ученики по всему міру возглашая «радостную вѣсть» о

Спасителѣ міра. И вскорѣ появились тысячи, миллионы дѣйствительно нашедшихъ помощь и прославляющихъ Его.

Исусъ, поскольку можно судить на основаніи свѣдѣній, сохранившихся въ „Евангеліяхъ“, никогда не говорилъ о совѣсти. Ему это слово было такъ же чуждо, какъ и его соплеменникамъ, въ средѣ которыхъ онъ вращался, но оно не было таковымъ для его учениковъ. Въ посланіяхъ «Апостоловъ», собранныхъ въ «Новомъ Завѣтѣ» очень часто упоминается о совѣсти. Эти посланія обыкновенно посылались римскимъ или греческимъ общинамъ, въ которыхъ во время миссіонерской дѣятельности апостолы, конечно, часто слыхали о побужденіяхъ совѣсти и часто имѣли дѣло съ сознательными переживаніями совѣсти. Но не смотря на сравнительно частое упоминаніе совѣсти во всемъ «Новомъ Завѣтѣ» нѣтъ настоящаго „Ученія о совѣсти“. Первые христіане не измѣнили произвольно понятіе совѣсти, сложившееся у народа и не имѣли ни интереса, ни времени для научнаго изслѣдованія ея сущности.

Новая оцѣнка личности.

Нигдѣ въ новозавѣтныхъ писаніяхъ не проглядываетъ претензія считать, что только у христіанъ впервые появляется настоящая совѣсть въ противоположность язычникамъ. Наоборотъ, нигдѣ въ мірѣ раньше не утверждалось такъ рѣшительно о нравственной склонности всякаго человѣка, какъ именно здѣсь. Съ другой стороны само собою понятно, что новое міросозерцаніе разсматривало съ новой точки зрѣнія и совѣсть дѣлая новые практическіе выводы. Насколько мнѣ извѣстно, нигдѣ раньше не говорилось о правѣ на самостоятельность совѣсти другихъ людей ¹⁾. Это находится въ тѣснѣйшей связи съ тѣмъ, что при свѣтѣ христіанства значительно увеличилась цѣнность отдѣльной личности. Древніе культурные народы считали истинными людьми только гражданъ своего государства, остальные же были въ ихъ глазахъ варварами, дикими или полудикими. Цѣнность же тѣхъ отдѣльныхъ истинныхъ людей заключалась, главнымъ образомъ, лишь въ томъ, что они были гражданами государства и въ лицѣ своихъ сыновей давали государству людей, продолжавшихъ его въ будущемъ. Подобнымъ же образомъ и древній Израиль смотрѣлъ на отдѣльнаго человѣка, какъ на сына «избраннаго народа». Исусъ, говорившій, что одна человѣческая душа дороже всего внѣшняго міра, впервые нашелъ вѣрное мѣрило отдѣльной личности и этимъ мѣриломъ приходилось, конечно, измѣрять значеніе приговоровъ совѣсти отдѣльнаго человѣка. Понятно поэтому, что отъ христіанъ требовали наибольшаго уваженія чужой совѣсти. Требовали не потому, что хотѣли этимъ объявить равноправными всякіе поступки, и не потому, что первые христіане не знали, что существуетъ и заблуждающаяся, и тупая, и уснувшая совѣсть, но по глубокому убѣжденію въ томъ, что каждой совѣсти врожденно стремленіе къ вѣчному добру, требовали изъ увѣренности, что непослушаніе своей совѣсти знаменуетъ собою нравственное паденіе, считали низкимъ легкомысленно обсуждать чужія рѣшенія совѣсти и запрещали, какъ дьявольское преступленіе, принуждать другихъ поступать противно ихъ совѣсти. Не принужденіе, а убѣжденіе направляетъ совѣсть. Не насиліемъ надъ совѣстью, а просвѣтленіемъ и возвышеніемъ взглядовъ людей, возвыщеніемъ

¹⁾ Тогда какъ христіанство самымъ рѣшительнымъ образомъ требуетъ уваженія чужой совѣсти.

ніемъ истины можно направить «заблудшихся» на истинный путь. — Христіане, позже забывшіе это, вступили въ самое рѣзкое противорѣчіе съ тѣмъ ученіемъ, представителями котораго они себя считали.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Изъ средневѣковья.

Средневѣковая наука.

Прошло тысяча лѣтъ, настали новые, такъ называемые, средніе вѣка. Міровое владычество римлянъ, подточенное изнутри социальнымъ неравенствомъ и ужасающимъ развратомъ, было сломлено крѣпкимъ кулакомъ германцевъ. Но жизнеспособныя цѣнности духовной жизни побѣжденных оказались способными привлечь къ себѣ и дикаго завоевателя. Германскіе народы приняли христіанство, многіе изъ нихъ стали затѣмъ обучаться чтенію и письму. На дѣвственную, мало разработанную почву стали падать одно за другимъ сѣмена древняго духовнаго развитія и изъ нихъ выросли чудесныя растенія. Начинаящаяся самостоятельная научная работа мысли, въ особенности теологической или философски-теологической въ первомъ столѣтіи срѣднихъ вѣковъ носитъ чудесный, привлекательный для насъ отпечатокъ: могучая и неловкая, выдающая колоссальное прилежаніе и честное стремленіе, на ряду съ наивною непрактичностью, она часто вызываетъ недоумѣнный вопросъ: къ чему все это?

Въ двѣнадцатомъ столѣтіи ученые впервые занялись научною разработкой вопроса о совѣсти. Въ безчисленныхъ научныхъ системахъ этого времени, въ колоссальныхъ, охватывающихъ небо и землю, ученіяхъ, долженствовавшихъ изложить до мелочей какое-либо законченное міросозерцаніе, находилось мѣсто и для совѣсти. Здѣсь мы впервые встречаемъ научное изслѣдованіе о томъ, что же такое собственно совѣсть.

Теорія совѣсти.

Трудность установленія постоянной основной черты совѣсти при различіи проявленій совѣсти у разныхъ людей ощущалась и этими учеными. Они пытались слѣдующимъ путемъ превозмочь эту трудность: они полагали, что въ основѣ всѣхъ побужденій и всѣхъ сужденій совѣсти у всѣхъ людей лежитъ нѣчто однообразное, что они, на основаніи невѣрно понятаго выраженія одного древняго учителя церкви, называли—*synteresis*, охраняющая или повелѣвающая сила. Отъ нея надо отличать то, что мы называемъ побужденіями совѣсти, а они называли самою совѣстью. Эта послѣдняя возникаетъ не непосредственно подъ дѣйствіемъ этого самаго *synteresis'a*, а при помощи разума. Разумъ же у различныхъ людей весьма неодинаково развитъ и часто находится во власти личныхъ наклонностей, и если онъ плохо работаетъ, не понимаетъ значенія какого-либо поступка—то результатомъ этого является «заблуждающаяся» совѣсть.—Это легко пояснить на примѣрѣ: есть христіане, которые, благодаря своей совѣсти, предпочитаютъ смерть нарушенію клятвы, иначе говоря: согласно *synteresis'u* предпочтутъ смерть совершенію грѣха, разумъ же этихъ людей, согласно ошибочному взгляду, говоритъ, что Іисусъ объявилъ грѣхомъ всякую клятву. Отсюда слѣдуетъ приговоръ совѣсти: лучше умереть, чѣмъ дать какую либо клятву. Такъ же поступаемъ мы, на основаніи двухъ предпосылокъ, дѣлая согласно своему разуму заключеніе.

Любопытно разбраться подробнѣ въ этой попыткѣ разложенія на части того, что предшествуетъ функціи совѣсти. Ученіе о *synteresis* развивалось въ самыхъ различныхъ видахъ въ теченіе двухъ вѣковъ, часто со всевозможными хитросплетеніями, и разсмотрѣніе его до мелочей завело бы насъ слишкомъ далеко, ничего не давъ намъ. Копались, главнымъ образомъ, въ выдуманномъ въ тиши кабинета терминѣ и придавали ему ту или иную форму въ зависимости отъ того, какъ онъ лучше сочетался съ остальными воззрѣніями даннаго ученаго. Не было единодушія относительно этого искусственнаго созданія — *synteresis*'а. Совѣсть же продолжала переходить изъ рода въ родъ, не заботясь о научныхъ изслѣдованіяхъ, и опыты, которые продолжалъ съ нею каждый человекъ и раньше и позже, были въ существенномъ одинаковы. Это подтверждается уже тѣмъ необыкновеннымъ сходствомъ выраженій, въ которыхъ говорили о совѣсти въ народной рѣчи въ средніе вѣка, съ тѣми, которыя употреблялись тысячу годами раньше или употребляются тысячу годами позже—теперь.

Существованіе „заблуждающей“ совѣсти хотѣли объяснить *synteresis*'омъ. Разбираясь въ этомъ, обратили вниманіе на то, что совѣсть «простолюдина» сомнительнаго достоинства, такъ какъ его разумъ весьма ограниченъ.

«Простолюдина» обуялъ страхъ. Онъ очень бы хотѣлъ быть добрымъ христіаниномъ, но у кого же спрашивать совѣта, разъ онъ не можетъ положиться на свою совѣсть? Ему отвѣчали: у священника, въ церкви, на исповѣди.

Ученіе о *synteresis*, конечно, возникло не по полномочію властолюбивыхъ священниковъ, но оно внесло свою лепту для укрѣпленія ихъ господства.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Изъ эпохи реформациі.

а) Реформація.

Приблизительно въ это время началась революція. Можно, какъ угодно, думать о реформациі и «реформаторахъ», но несомнѣнно, что Лютеръ, превозгласившій реформацію, серьезно думалъ объ освобожденіи «бѣдной совѣсти». То, что онъ считалъ освобожденіемъ совѣсти, и что соответствовало требованіямъ его совѣсти, дало толчекъ всему дѣлу его жизни, и это дѣло было для него дѣломъ совѣсти. Такъ, передъ первымъ сеймомъ, занимавшимся его дѣломъ онъ прямо заявилъ, что не можетъ отказаться отъ него, „такъ какъ безнадежно и бесполезно поступать противно своей совѣсти...“ „Я хочу спасти свою совѣсть и свободно говорить, хотя бы это раздосадовало папу, епископа или еще кого-либо“—эти слова постоянно звучали въ его рѣчахъ и писаніяхъ, какъ и въ рѣчахъ и писаніяхъ его товарищей, находя себѣ широкій откликъ.

Можно утверждать, что экономическія отношенія XVI вѣка имѣли огромное вліяніе на реформацію, и было бы нелѣпо отрицать то колоссальное и, во многихъ отношеніяхъ, рѣшающее вліяніе, которое они оказывали на ходъ реформациі, но нельзя такъ же отрицать и того, что тысячи нѣмцевъ, смотрѣли на новое міросозерцаніе и на жизнь, какъ училъ Лютеръ, какъ на освобожденіе совѣсти, что бесчисленное количество мужчинъ и женщинъ во всѣхъ странахъ Европы претерпѣвали тогда гоненіе, матеріальный разгромъ, даже смерть „во имя совѣсти“.

в) Шекспиръ.

Обратимся теперь снова къ драматическому писателю, величайшему, какого мы встрѣчаемъ въ исторіи 2000 лѣтъ—къ Шекспиру. Ему, великому знатоку и изобразителю душевной жизни человѣка, особенно удавалось изображеніе переживаній совѣсти, удавалось съ захватывающей живостью изображать, какъ совѣсть свободно повелительною рѣчью прерываетъ обычный ходъ мысли и желаній ¹⁾. Его „драма совѣсти“ „Макбетъ“ всѣмъ извѣстна. Мы приведемъ здѣсь лишь одно мѣсто изъ «Ричарда III.—Этотъ величественный коронованный плутъ былъ сперва того мнѣнія, что «только баба вѣрить въ совѣсть; для сильнаго же духомъ это лишь пустое пугало; наше оружіе—является нашей совѣстью, нашъ мечъ нашимъ закономъ», но вскорѣ онъ испытываетъ на себѣ, что это не совсѣмъ такъ. Когда передъ нимъ встаютъ тѣни его жертвъ, онъ обнаруживаетъ, что у него есть совѣсть... „Чего же я боюсь? Самого себя, что-ли?... Вѣдь здѣсь нѣтъ больше никого. Здѣсь убійца? — Нѣтъ — Да, я здѣсь... Такъ бѣги! Но куда же? Отъ себя къ себѣ же самому?... Чтобы не вздумалъ отомстить!... Кому? Самому себѣ? Я вѣдь люблю себя... За что же? За то добро, которое я себѣ сдѣлалъ?... О, къ несчастію нѣтъ! Скорѣе я ненавижу себя за ненавистныя дѣла, совершенныя черезъ мое посредство ²⁾.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Изъ новой философіи.

Мы пришли къ зарожденію новой философіи.—Тѣсная связь философіи съ теологіей въ средніе вѣка вредила, какъ первой, такъ и второй. Но вотъ въ умственную жизнь проникла новая свѣжая струя. Она разорвала тѣ путы, которыми владычество церкви и общая вѣра въ авторитетъ традицій сковывала умы. Измѣненіе экономическихъ отношеній, географическія и въ особенности, имѣвшія огромное значеніе, естественно-историческія открытія (открытіе вращенія земли) обнаружили новыя точки зрѣнія для мышленія.

Въ новой наукѣ были новыми не только эти точки зрѣнія, интересы и постановка вопросовъ, новымъ былъ и методъ, новымъ былъ тотъ путь, которымъ шли къ познанію.

Тогда какъ философія древности и среднихъ вѣковъ свою главную задачу видѣла въ выработкѣ, путемъ глубокомысленнаго умозрѣнія, высшаго принципа, на основаніи котораго она могли бы объяснить всѣ частности, въ то время, какъ она полагала возможнымъ, путемъ исключительной работы ума, указать, каковы должны были бы быть вещи, теперь, на-

¹⁾ Кстати мы можемъ указать здѣсь на то, какъ многіе наши современные поэты необыкновенно часто изображаютъ возбужденную совѣстью душевную жизнь съ такимъ реализмомъ, что они говорятъ не только на основаніи рассказовъ и переживаній другихъ, но и на основаніи пережитаго и перечувствованнаго ими самими.

²⁾ Въ противоположность этому сравните поэтическое изображеніе дѣйствія совѣсти у Гете:

Тихо говоритъ Богъ въ нашей груди
Тихо, ясно онъ указываетъ намъ
Что мы принять должны, чего избѣгнуть“.

оборотъ, все больше стали склоняться къ необходимости исходить отъ отдѣльныхъ наблюдаемыхъ явленій жизни, и затѣмъ уже, на основаніи точнаго наблюденія и изслѣдованія дѣйствительныхъ непосредственныхъ данныхъ, перейти къ изслѣдованію законовъ, которые всѣмъ управляютъ, чтобы этимъ путемъ достигнуть во всякомъ случаѣ глубочайшей истины вещей, въ которой непосредственное наблюдение исправлено разумомъ. Само собою разумѣется, что этотъ новый методъ научной работы не сразу принесъ свои плоды. И тѣ, кто первые признали этотъ новый путь истиннымъ и рекомендовали его, сами, благодаря старой привычкѣ и склонности къ спекулятивному мышленію, продолжали дѣлать попытки строить систему міровоззрѣнія, въ которомъ всякая вещь дѣйствительнаго міра занимала бы опредѣленное положеніе, независимо отъ ея желанія. Характерно, какимъ путемъ пришелъ къ своей системѣ одинъ изъ первыхъ принципіальныхъ представителей новаго метода, Декартъ, (ум. въ 1650 г.). Онъ не признавалъ авторитеты на вѣру, онъ ничего не признавалъ за истину. Онъ подвергалъ сомнѣнію все, что считалось до тѣхъ поръ твердо установленнымъ, говоря, что онъ ничего не знаетъ, кромѣ того, что онъ во всемъ сомнѣвается. Но этотъ ничтожный фактъ оказался пригоднымъ фундаментомъ для новаго начала: сомнѣваться, значитъ думать; то, что я думаю это ясно, стало быть я существую. Слѣдовательно, слѣдовательно и слѣдовательно, и передъ нимъ снова вырастала охватывающая весь міръ система красивыхъ, вѣчныхъ выводовъ, которые, казалось, не нуждаются въ наблюденіяхъ для доказательства и проверкѣ ихъ.

Изъ числа философовъ новаго времени мы возьмемъ трехъ, представленія о совѣсти которыхъ особенно интересны для насъ: Спинозу, еврея изъ Амстердама, умершаго въ 1677 году, Гетчисена въ Шотландіи, умершаго въ 1747 году и Канта, въ Германіи, умершаго въ 1840 году.

а) Спиноза.

Спиноза былъ однимъ изъ тѣхъ философовъ, которые приступали къ своимъ изслѣдованіямъ съ искреннимъ намѣреніемъ говорить только о непосредственно наблюдаемомъ, изъ тѣхъ, которые слишкомъ скоро затѣмъ воздвигаютъ великій, сверхчувственный принципъ, со изволеніемъ котораго они пытаются обосновать отдѣльныя явленія¹⁾. Поэтому Спинозу, такъ же, какъ и другихъ философовъ этого направленія, искушало желаніе замалчивать тѣ явленія, которыя не могли быть включены въ его систему.

Въ своей «Этикѣ» Спиноза дѣлаетъ попытку разсмотрѣнія явленій духовной жизни путемъ математическаго метода, «какъ будто мы имѣемъ дѣло съ линіями, плоскостями и тѣлами». Въ числѣ этихъ явленій «совѣсть» вовсе не упоминается. Намъ интересуетъ, однако, не само это слово и, когда Спиноза говоритъ о раскаяніи, стыдѣ, недовольствѣ самимъ собою, это и есть несомнѣнно то, что интересуетъ насъ. Какъ же объясняетъ онъ эти проявленія душевной жизни? Поясненія эти мы находимъ въ трехъ листахъ его «Этики».

1. «Когда кто-либо дѣлаетъ что-нибудь, доставляющее, по его мнѣнію, другимъ радость,—онъ и самъ испытываетъ радость при мысли, что онъ причина радости другого, или станетъ съ чувствомъ удовлетворенія думать о себѣ. Когда же онъ сдѣлалъ что-либо, по его мнѣнію, причиняю-

¹⁾ У Спинозы таковымъ былъ метафизическій принципъ: „Богъ“ или, лучше сказать, всеобъемлющая субстанція.

щее другимъ печаль, онъ самъ съ грустью думаетъ о себѣ». Это вполнѣ вѣрно сдѣланное наблюденіе того явленія, которое мы въ первомъ случаѣ называемъ обыкновенно справедливостью, добротою, любовью къ ближнему, чистою совѣстью—и во второмъ угрызеніями совѣсти.

2. «Человѣкъ часто самъ можетъ быть причиной своей радости или печали, или самъ можетъ быть охваченъ радостью или печалью, связанной съ мыслью, что онъ самъ является виновникомъ ея. Мы понимаемъ тогда безъ труда, что такое раскаяніе, что такое довольство собою». Мы опять-таки скажемъ, что мы это испытали, напримѣръ, въ нашей совѣсти.

3. «Стыдъ—это печаль, порожденная сознаніемъ, что нашъ поступокъ порицается другими людьми».

Читатель вѣроятно думаетъ, что представлять себѣ то, что другіе будутъ порицать нашъ дурной поступокъ—это значить итти кружнымъ путемъ, въ которомъ мы однако не нуждаемся, такъ какъ это порицаніе уже существуетъ въ насъ самихъ, въ нашей совѣсти. Наше вниманіе привлекаетъ къ себѣ еще и тотъ фактъ, что Спиноза вообще повсѣхъ трехъ выдержкахъ старательно избѣгаетъ употреблять слово «совѣсть» и читатель, вѣроятно, предугадываетъ на основаніи этихъ выдержекъ почему Спиноза такъ поступаетъ. Спиноза вообще не хочетъ знать области нравственности, въ собственномъ смыслѣ этого слова; онъ не хочетъ ничего знать о добрѣ и злѣ въ смыслѣ этическомъ, объ обязанности, отвѣтственности, законахъ нравственности; онъ не можетъ признать поэтому и наличность совѣсти.—Передъ нами здѣсь представляется случай, когда философъ, фактически признающій тѣ переживанія въ душевной жизни человѣка, которыя мы называемъ побужденіями совѣсти, не хочетъ знать ничего о совѣсти. Возникаетъ вопросъ, какъ же онъ объясняетъ такія переживанія, какъ: сожалѣніе о причиненномъ другому злѣ, раскаяніе и недовольство самимъ собою, стыдъ за содѣянное? Поищемъ разъясненія въ связи съ тремя, приведенными выше, выдержками.

Въ послѣдней выдержкѣ, какъ мы видѣли, Спиноза объясняетъ происхожденіе стыда тѣмъ, что человѣкъ представляетъ себѣ, что другіе люди порицали бы его поступокъ. Но развѣ это дѣйствительно объясненіе? Во всякомъ случаѣ только тогда, если я вынужденъ признать этихъ порицающихъ меня людей правыми. Когда Спиноза отказался отъ профессорской кафедры, чтобы сохранить за собою полную свободу, и предпочелъ кафедрѣ—работу шлифовщика оптическихъ стеколъ днемъ для заработка и занятіе философіей по ночамъ,—многіе упрекали его въ упрямствѣ и прочемъ; не смотря на это мы не подумаемъ, что онъ самъ стыдился этого своего «упрямства и пр.». Общественное мнѣніе только тогда можетъ пристыдить до нѣкоторой степени разумнаго человѣка, когда онъ, своею совѣстью, вынуждается согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Это основаніе для объясненія, такимъ образомъ, недостаточно.

Разсмотримъ теперь вторую изъ приведенныхъ выдержекъ, въ которой говорится о раскаяніи и недовольствѣ самимъ собою, виною которыхъ являешься самъ. Спиноза объясняетъ это движеніе души тѣмъ, что сужденія человѣка измѣнчивы, что онъ дѣйствуетъ часто сперва на основаніи непровѣренныхъ предразсудковъ и поверхностнаго впечатлѣнія и т. п., почему легко можетъ случиться, и дѣйствительно случается, что его поступокъ, позже причиняетъ ему страданіе... Мы знаемъ все это и называемъ это чаще всего досадою на свою глупость, которую совершили, на поспѣшность или на свою неудачливость. Это чувство досады можетъ быть, во-

нечно, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, названо раскаяніемъ, но само понятіе раскаянія далеко не исчерпывается имъ. Есть, какъ мы опять-таки всѣ знаемъ, совѣсмъ иное раскаяніе, совершенно иного характера, чѣмъ то раскаяніе, къ которому мы приходимъ путемъ сознанія, это—раскаяніе, наступающее послѣ такихъ поступковъ, которые мы называемъ не недуманными или глупыми, а дурными. Это раскаяніе—такой же установленный фактъ, какъ и сожалѣніе о совершенной глупости. Спиноза просто не обращаетъ на него вниманіе, хотя въ жизни человѣка оно должно было играть гораздо большую роль. Такимъ образомъ и движеніе души—раскаяніе—опять-таки не объяснено Спинозой.

Разсмотримъ теперь первую изъ приведенныхъ выдержекъ. Въ ней говорится о томъ, что мы преисполняемся радостью, сдѣлавъ другимъ добро, и недовольны самимъ собою, опечаливъ другихъ или причинивъ другимъ вредъ. Это явленіе, согласно Спинозѣ, можетъ быть объяснено даже двоякимъ образомъ.—Но, не желающій ничего знать о нравственныхъ обязанностяхъ, Спиноза знаетъ въ концѣ концовъ лишь одно основаніе, способное побудить насъ поступать разумно: это наша собственная польза. Но приносишь себѣ пользу, только обращаясь хорошо съ другими людьми, такъ какъ «ничто не столь полезно человѣку, какъ человѣкъ». Не нужно понимать это въ грубо эгоистическомъ смыслѣ; въ отдѣльномъ выводѣ изъ этого принципа Спиноза приходитъ, напримѣръ, къ тому, что по отношенію къ врагу на ненависть и злобу надо отвѣчать любовью и великодушіемъ и побѣдить его этимъ. Если же мы часто, поддавшись порыву, совершаемъ глупости, вреда другимъ, а стало быть и себѣ самимъ, то вскорѣ разумъ все-таки возьметъ верхъ. Эта же работа разума предохраняетъ человѣка отъ неразумныхъ поступковъ... да они, въ концѣ концовъ, и не могутъ быть пріятными кому-либо.—Второе объясненіе приводитъ въ другомъ мѣстѣ самъ Спиноза. Онъ говоритъ: человѣкъ 'отъ природы склоненъ къ переживанію чужихъ радостей и печалей. Хотя это слабость человѣка, но это—такъ: если представимъ себѣ кого-либо, для насъ самого по себѣ безразличнаго, находящимся въ состояніи какого-нибудь «аффекта», напр. радости или печали, мы сами придемъ въ состояніе такого же «аффекта». Само собою понятно также, что человѣкъ, находящійся въ полномъ сознаніи и причинившій какую-либо непріятность другому, ничѣмъ предъ нимъ непровинившемуся человѣку,—долженъ быть недоволенъ самъ собою.

Противъ обѣихъ этихъ объясненій можно возразить однимъ и тѣмъ же. Опять-таки мы видимъ, что въ объясненіи есть доля истины, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ естественное человѣческое состраданіе (или мысль, что въ лицѣ другого вредишь и самому себѣ) является причиной того переживанія, о которомъ идетъ рѣчь. Но это объясненіе не всегда приложимо и не всегда достаточно. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ мое благо противорѣчитъ чужому благу, согласно Спинозѣ, мысль о собственномъ благѣ породитъ тотъ аффектъ, при которомъ исключается возможность появленія аффекта состраданія (или непріятнаго чувства отъ сознанія, причиненнаго другому вреда). Вопросъ о вниманіи къ чужому благу у Спинозы является простою арифметической задачей и никто, конечно, не будетъ испытывать недовольства, отъ потери франковой монеты, если онъ обмѣняетъ ее на талеръ.

Спиноза чувствовалъ, что онъ не объяснилъ всего, что мы ощущаемъ, какъ побужденія совѣсти, существованіе которой онъ не совѣсмъ

отрицалъ. Поэтому, онъ дѣлаетъ при случаѣ, слѣдующую попытку, разъяснить этотъ досадный «остатокъ» отъ его анализа. «Не слѣдуетъ удивляться тому,—говоритъ онъ, что всѣ вообще поступки, которые мы считаемъ несправедливыми вызываютъ въ насъ чувство неудовольствій, и тѣ, что мы признаемъ справедливыми — чувство радости. Это, главнымъ образомъ, зависитъ отъ воспитанія. Такъ какъ родители порицали первые и бранили за нихъ дѣтей, тогда какъ вторые поощряли и хвалили, то они способствовали этимъ тому, что съ первыми связано у насъ чувство непріятности, со вторыми — чувство радости. Это и подтверждается въ жизни. Такъ какъ привычки и религія не у всѣхъ людей одинаковы, то, что для одного свято, — для другого не свято, что этотъ человѣкъ считаетъ честнымъ—тотъ считаетъ постыднымъ. Стало быть въ зависимости отъ того, какъ человѣкъ воспитанъ, онъ порицаетъ какой либо поступокъ или прославляетъ его».

Эта мысль встрѣчается и позже въ исторіи философіи, но опять-таки и она не является дѣйствительнымъ объясненіемъ того, что она должна объяснить. Что воспитаніе у всѣхъ оказываетъ огромное вліяніе на развитіе моральнаго сужденія—это несомнѣнно, но вѣдь Спиноза не произноситъ такого приговора, какъ французъ прошлаго столѣтія, объявившій, что «человѣкъ весь одно воспитаніе», вѣдь Спиноза же говорить, что моральное сознание человѣка зависитъ, главнымъ образомъ, отъ воспитанія—значить, опять-таки остается открытымъ вопросъ о непріятномъ «остаткѣ». Къ нему въ придачу возникаетъ еще и новый вопросъ: какъ возможно было бы воспитаніе вообще, если бы у ребенка не было нравственныхъ задатковъ, развиваемыхъ воспитаніемъ? (Къ этому вопросу мы еще вернемся). Ссылка Спинозы на практику мало увеличиваетъ основательность его выводовъ. Конечно, мы наблюдаемъ, что внѣшнія обстоятельства оказываютъ весьма значительное вліяніе на нравственные воззрѣнія и что воззрѣнія эти крайне разнообразны, однако, не взирая на это, нельзя отрицать и основного направленія, въ которомъ совершается развитіе нравственности повсюду. Какъ разъ «Этика» Спинозы, исходящая изъ принципа, отрицающаго всякую моральную систему и все-таки приходящая къ предписаніямъ или совѣтамъ весьма схожимъ съ тѣми, какія почитались, какъ Божьи заповѣди 200 лѣтъ до него и которыя требуетъ теперь, при совершенно измѣнившихся условіяхъ, наша совѣсть, какъ разъ эта книга Спинозы, указываетъ на то, что въ самомъ авторѣ ея было заложено нѣчто такое, что заставило его сдѣлать именно эти прагматическіе выводы, а не какіе-либо другіе. Развѣ этотъ фактъ, безконечно часто повторяющійся въ исторіи при одинаковыхъ условіяхъ, не указываетъ на существованіе одного нравственнаго стремленія, присущаго вообще человѣку—на существованіе основны совѣсти? То, что Спиноза не удѣляетъ ей мѣста въ своей «Этикѣ»—это вполне понятно, но, очевидно, также и то, что онъ принималъ ее самъ за нѣчто отличное отъ жизни его разума. «Что касается меня,—говоритъ онъ въ своихъ письмахъ, то я избѣгаю дурного или стараюсь его избѣгать, потому-что оно противно моей натурѣ». Надо полагать, что Спиноза обладалъ выдающеюся совѣстью; то, что мы знаемъ о его жизни подтверждаетъ это предположеніе. Приходится сожалѣть о томъ, что онъ не подошелъ въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ ближе къ этому «естественному» противорѣчію, существованіе котораго, хотя часто и въ меньшемъ размѣрѣ, онъ признавалъ и у другихъ. Итоги получаются слѣ-

дующія: опредѣленные, закономѣрные явленія душевной жизни человѣка, обыкновенно называемыя движеніями совѣсти, фактически признаны Спинозой. То же обстоятельство, что онъ сумѣлъ лишь въ очень недостаточной степени ихъ объяснить, не можетъ служить доказательствомъ противъ признанія существованія особой нравственной склонности человѣка, а составляетъ лишь съ сомнѣніемъ относиться къ основамъ системы Спинозы. Тотъ фактъ, что самъ Спиноза чувствовалъ себя до нѣкоторой степени связаннымъ въ своихъ моральныхъ поступкахъ чѣмъ-то, явившимся совершенно необъяснимымъ его системѣ, долженъ указывать на то, что, дѣйствительно, въ жизни человѣка играютъ роль и другіе факторы, помимо признаваемыхъ системой Спинозы, преслѣдующей его основную мысль. Для нашего изслѣдованія имѣетъ значеніе еще слѣдующее обстоятельство: Спиноза хочетъ вести человѣка къ «добродѣтели», въ этомъ заключается для него все. Въ сообщники себѣ онъ беретъ не совѣсть, а одинъ лишь разумъ. Въ результатѣ этого получается, что добродѣтельнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно Спинозѣ — счастливымъ можетъ быть только тотъ, кто при серьезномъ стремленіи къ добродѣтели имѣетъ достаточно времени для мышленія и обладаетъ способностью къ ясному и точному мышленію. Иначе говоря: добродѣтельнымъ можетъ быть только умственный аристократъ. (Ср. интеллектуализмъ греческой философіи). Сострадательный человѣкъ — лучше грубаго, усердный — лучше лѣниваго, человѣкъ сильной воли, борящійся за то, что онъ считаетъ справедливымъ — пріятнѣе человѣка слабаго духомъ или раба своихъ прихотей, но и они все еще не могутъ быть добродѣтельными; если ихъ умъ не въ состояніи подняться къ вершинамъ чистаго познанія, не способенъ къ высшему мышленію... И несчастные продолжаютъ ползать въ пыли. Сторонникъ Спинозы возмущенъ бы современными экономическими условіями, не предоставляющими человѣку достаточнаго времени и силъ для размышленія и умственнаго развитія. Мы готовы возмущаться вмѣстѣ съ ними, но вѣдь менѣе одаренные мужчины и женщины, не способные подняться на вершины чистаго мышленія существуютъ и теперь, даже и при самыхъ благопріятныхъ для нихъ экономическихъ условіяхъ и какъ можно заключить изъ всего того, что мы знаемъ о человѣкѣ — будутъ существовать постоянно. Именно послѣдовательное мышленіе Спинозы подтверждаетъ, что человѣкъ можетъ познать добро и инымъ путемъ, помимо философскаго познанія, что онъ приходитъ къ совершенію добра другимъ путемъ, помимо чистаго мышленія; иначе говоря, человѣкъ долженъ имѣть нѣчто отличное отъ его разума или его разсудка, что рекомендуетъ ему непосредственно добро, нѣчто, непосредственно ведущее его по пути къ добру. Такимъ образомъ въ результатѣ философіи Спинозы дѣлается во всѣхъ отношеніяхъ вѣроятнымъ, предположеніемъ, что человѣчество не заблуждается и не фантазируетъ изъ головы, говоря о совѣсти.

в) Гёрисенъ.

Въ противоположность Спинозѣ, Гёрисенъ не спекулируетъ въ высяхъ и глубинахъ, а пытается обосновать свое ученіе о нравственности (дополняя непосредственно предшествовавшихъ ему англійскихъ философовъ) на вопросѣ сущности природы человѣка. Онъ хочетъ на основаніи точнаго наблюденія характера человѣка, а не на основаніи гипотетическихъ религіозныхъ или философскихъ понятій, сдѣлать выводъ относительно того, какъ долженъ поступать человѣкъ, чтобы достигнуть высшаго совершенства и блаженства.

Самонаблюдения и другіе изслѣдованія приводятъ его къ слѣдующимъ выводамъ:

Предположеніе, что человѣкъ руководится исключительно собственной пользой, что всё, даже повидимому самыя благородныя побужденія его, являются лишь болѣе или менѣе замаскированнымъ эгоизмомъ—это предположеніе совершенно необосновано и даже противорѣчитъ фактамъ. Столь же существенною, хотя и не всегда столь активной, какъ потребность собственнаго благополучія, живетъ въ груди человѣка и потребность благополучія другихъ. Этому учить насъ простое испытаніе. Иначе вѣдь было бы невозможно пожертвованіе чѣмъ либо для чужого блага, было бы необъяснимо то удовольствіе, которое мы испытываемъ, читая о безкорыстныхъ поступкахъ, имѣвшихъ мѣсто столѣтія тому назадъ и бессмысленно было бы то одобреніе, съ которымъ мы относимся къ добрымъ дѣламъ, лично намъ не приносящимъ пользы, или даже прямо вреднымъ для насъ. „Наша натура дѣйствительно часто склонна къ тому, что дѣйствительно совершенно безкорыстно, что не вызывается эгоизмомъ и что, въ конечномъ счетѣ, не имѣетъ въ виду личную пользу“.

Далѣе нашъ философъ говоритъ и о третьей чертѣ человѣческаго характера, самостоятельно занимающей мѣсто на ряду съ стремленіемъ къ собственному и чужому благополучію—о стремленіи къ нравственному совершенству.

Эти три основныя черты нашего существа повидимому могутъ, согласно Гёрсену, иногда вступать въ противорѣчіе другъ съ другомъ: а именно первая—эгоистическая, со второй и третьей. Что же тогда происходить? Какъ всякое животное создано наиболѣе приспособленнымъ къ своей жизни, такъ и въ человѣкѣ заложено нѣчто, являющееся его руководителемъ при конфликтѣ различныхъ его стремленій. Это нѣчто—«моральное чувство» (совѣсть). Что понимаетъ подъ нимъ Гёрсенъ?

Это—своеобразное непосредственное чувство добра, способность чувствовать моральное превосходство добрыхъ склонностей и вытекающихъ изъ нихъ поступковъ, не считаясь съ тѣмъ, представляютъ ли собою эти поступки выгоду или нѣтъ, разрѣшены ли они закономъ или запрещены, считаются ли они благопристойными или нѣтъ.

Въ этомъ чувствѣ мы своеобразно познаемъ и своеобразную цѣнность добра. Моральное чувство указываетъ на добро, какъ на то, къ чему мы должны безусловно стремиться.

Въ другихъ областяхъ стремленіе къ чему-либо, что само по себѣ является желаемымъ, умѣряется представленіемъ о тѣхъ трудностяхъ и непріятностяхъ, съ которыми сопряжено пріобрѣтеніе его. Моральное чувство не позволяетъ этимъ соображеніямъ умалить цѣнность того, что оно одобряетъ. Мало того, «нравственное превосходство рекомендуемаго моральнаго чувства часто даже возрастаетъ отъ того, что оно сопряжено съ большими жертвами».

Также безусловно моральное чувство оберегаетъ и отъ дурныхъ, поступковъ! Оно не допускаетъ «и самое незначительное зло,—которое всегда останется зломъ—совершать съ намѣреніемъ этимъ путемъ принести другую значительную пользу». Вообще оно заставляетъ насъ чувствовать, что рекомендуемое имъ добро «вообще выше, достойнѣе» всего, что кажется намъ достойнымъ стремленій.

Никогда моральное чувство не оправдываетъ и не порицаетъ поступковъ самихъ по себѣ, независимо отъ намѣреній совершившаго ихъ.

Склонность воли, намѣреніе человѣка весьма важны. Счастливый изобрѣтатель, некрасиво, жадно использовавшій для себя свое изобрѣтеніе, не заслужить одобренія со стороны нашего моральнаго чувства, даже если бы онъ спасъ своимъ изобрѣтеніемъ отечество. То же происходитъ всегда, «когда мы обращаемъ вниманіе на основанія, по которымъ мы привыкли превозносить или прощать, оправдывать или обвинять поступки людей. Когда мы хотимъ похвалить или защитить отъ порицанія какой-либо поступокъ, мы стараемся приписать совершившему его самыя добрыя или благія намѣренія» и мы поступаемъ наоборотъ, когда хотимъ обвинить кого либо.

Моральное чувство, берущее верхъ надъ всѣми другими чувствами, живущими въ человѣкѣ, только и способно—говорить Гёрисенъ, —сдѣлать его истиннымъ человѣкомъ. Если бы этого не было, «вся человѣческая жизнь была бы нѣсколько другою, чѣмъ та, которую мы видимъ ежедневно: это была бы печальная жестокая, холодная, скучная жизнь недовѣрія и непостоянства».

Ученіе Гёрисена о совѣсти имѣетъ, конечно, свои слабыя стороны. Нельзя отрицать того, что «характеръ человѣка» онъ рисуетъ слишкомъ однообразнымъ, почему онъ представляется ему слишкомъ несложнымъ. Кажется также, что въ своихъ, вообще самихъ по себѣ интересныхъ наблюденіяхъ, онъ не пошелъ дальше наблюденія самого себя и небольшого круга взрослыхъ хорошихъ людей. Наконецъ, психологическія понятія, которыми онъ оперируетъ, не смотря на ихъ неопредѣленность, кажутся слишкомъ неподвижными, слишкомъ схематичными. Но все это такіе недостатки, которые Гёрисенъ раздѣлялъ со всею наукою своего времени.

Основная мысль Гёрисена заслуживаетъ разсмотрѣнія: совѣсть въ своей основѣ—это чувство. Чувство, при помощи котораго мы узнаемъ нравственно-хорошее и нравственно-дурное, добро—познаемъ какъ нѣчто безусловно цѣнное, къ чему нужно стремиться, зло—какъ нѣчто такое, чего надо избѣгать.

с) Кантъ.

На рубежѣ XIX столѣтія стоитъ величайшій философъ Германіи—Эммануиль Кантъ.

Его стремленія заключаются въ томъ, чтобы разъ навсегда вывести философію изъ мышленія о сверхчувственномъ въ мірѣ познаваемой дѣйствительности. Ясно, какъ никто до него, онъ показалъ, что мы никогда не сможемъ узнать вещи, каковы они есть, что мы никогда не можемъ уйти за предѣлы міра явленій и должны смотреть на нихъ такъ, какъ это соответствуетъ нашей природѣ, нашей склонности, нашимъ умственнымъ способностямъ, все только въ тѣхъ формахъ, окраскѣ, связи, для которыхъ мы обладаемъ глазами и ушами, для воспріятія которыхъ приспособленъ нашъ мозгъ и душа. Вполнѣ понятно, поэтому, что главную задачу философіи онъ видѣлъ въ изслѣдованіи умственныхъ способностей человѣка, что главный интересъ свой онъ сосредоточилъ на изслѣдованіи жизни разума и жизни души, которое онъ производилъ, опираясь на правила и законы, управляющіе нашимъ мышленіемъ и находящіе себѣ выраженіе въ нашей волѣ.

Читатель, быть можетъ, уже слышалъ о «категорическомъ императивѣ» Канта? Заключается онъ въ слѣдующемъ:

Воля человѣка находится подъ влияніями самыхъ разнообразныхъ факторовъ: ее опредѣляютъ и внѣшнія условія и личныя наклонности

даннаго момента, и принципы, созданные когда-либо, и общественное мнѣніе и предписанія законодателей и моралистовъ. Но надъ всѣмъ этимъ высоко и священно царить неизмѣнный законъ, который каждый человекъ носить въ себѣ, это законъ нравственности ¹⁾. Волю, подчиняющуюся ему, онъ дѣлаетъ доброй волей. Не надо, однако, понимать этого въ томъ смыслѣ, что этотъ законъ собственно до нѣкоторой степени чуждъ человеку, подчиняющемуся ему благодаря принужденію, что онъ является господствующимъ, надменнымъ тираномъ, подобно общественному мнѣнію; нѣтъ, законъ этотъ есть собственно ничто иное какъ наша собственная воля, если мы отбросимъ всѣ упомянутыя выше вліянія жизни; онъ выражалъ бы лишь направленіе нашей собственной воли, если бы она не была выбита изъ своей колеи толчеями внѣшнихъ условій и пр. Теперь же, наша воля является полемъ сраженія, которое мы наблюдаемъ. Всѣ эти чужеродныя внушенія, желающія овладѣть человѣческою волей, борются другъ противъ друга и особенно часто всѣ сообща ведутъ борьбу противъ закона нравственности и часто одерживаютъ побѣду надъ нимъ. Тогда возникаетъ склонность къ мудствованію, направленному «противъ законовъ долга, къ сомнѣнію въ ихъ пригодности или, по крайней мѣрѣ, ихъ чистотѣ и серьезности и къ возможному приспособленію ихъ ко всѣмъ прихотямъ и склонностямъ, что равносильно уничтоженію ихъ самихъ, поруганію ихъ достоинства». — Но нравственный законъ и тогда не отступаетъ. Послѣдствіемъ же временной побѣды посторонняго насилія является то, что онъ, законъ, выступаетъ въ болѣе опредѣленной формѣ, какъ категорическій (безусловный) императивъ (приказъ), который повелѣваетъ: «ты долженъ»...

Приказаніе этого закона нравственности не считается съ послѣдствіями, съ тѣмъ, что получится, если человекъ исполнитъ его, будетъ ли человекъ счастливъ или несчастенъ (хотя, согласно Канту, фактически блаженство и нравственность неразрывно связаны между собою). Законъ этотъ продолжаетъ такъ же твердо и опредѣленно дѣйствовать, хотя бы рождались и умирали міры, равно относящійся и къ человеку, и къ Богу, и къ ангелу, и къ черту и къ любому другому сознательному существу, какое только мы можемъ себѣ представить.

Въ этой мысли многое знакомо намъ. Это та мысль, которая со времени Сократа въ другихъ выраженіяхъ снова и снова встрѣчается намъ въ исторіи; мысль, въ которой результатъ внутренней несвободной воли, достовѣрность личной отвѣтственности—снова и снова находятъ себѣ выраженіе; мысль, раньше способствовавшая открытію совѣсти, мысль, встрѣчавшаяся намъ постоянно хотя въ иномъ пониманіи—какъ, напр., у Герисена,—въ связи съ дѣйствительнымъ наблюденіемъ совѣсти.

Кантъ въ системѣ своей философіи уже охватываетъ понятіе совѣсти, хотя и у него случайно встрѣчается это выраженіе въ общеупотребляемомъ теперь смыслѣ и даже тѣ общія выраженія, въ которыхъ Кантъ говоритъ о совѣсти, извѣстны намъ еще съ древности: «у каждаго человека есть совѣсть, и его наблюдаетъ внутренній судья, угрожаетъ ему и держитъ его въ почтительномъ повиновеніи, (связанномъ съ боязнью); и эта бодрствующая въ немъ сила не создана имъ самимъ произвольно, а врожденна

¹⁾ Кантъ полагалъ, что этотъ законъ во всемъ его объемѣ можно выразить образомъ: поступай всегда такъ, чтобы мотивы твоего поступка могли бы служить закономъ для всѣхъ сознательныхъ существъ.

ему». Не смотря на это тамъ, гдѣ Кантъ научно вводитъ совѣсть въ систему своего ученія, онъ понимаетъ подъ нею лишь часть того, что мы охватываемъ этимъ понятіемъ.

Слѣдую своему обыкновенію, возможно рѣзче различая различныя духовныя силы человѣка, Кантъ различаетъ „совѣсть“, съ одной стороны отъ „практическаго разума“, который напоминаетъ, обуреваемой всевозможными страстями душѣ, о вѣчномъ законѣ нравственности, и, съ другой стороны отъ „моральнаго чувства“, заключающагося въ испытываніи радости или печали въ зависимости отъ оправдательнаго или обвинительнаго приговора совѣсти. Задача самой „совѣсти“ ограничивается, такимъ образомъ, лишь установленіемъ того, находится ли совершенный поступокъ въ согласіи съ закономъ нравственности. Если совѣсть обвинить насъ въ дѣйствіи, противномъ лучшимъ нравственнымъ намѣреніямъ или въ томъ, что мы недостаточно безпристрастно и чистосердечно обдумали свой поступокъ,—то приговоръ влечетъ за собою наказаніе со стороны „моральнаго чувства“. Если же она насъ оправдаетъ, мы не получаемъ награды въ видѣ приобрѣтенія чего-либо, чѣмъ мы до тѣхъ поръ не обладали, но мы переживаемъ пріятное чувство успокоенія послѣ пережитаго безпокойства.

Интересно также Кантъ устанавливаетъ тотъ фактъ, что съ ощущеніемъ совѣсти часто связана мысль о высшей силѣ. Прислушиваясь внимательно къ велѣніямъ своей совѣсти, человѣкъ, говоритъ Кантъ, познаетъ Бога. Такъ какъ представляется нелѣпымъ противорѣчіемъ, что я въ одномъ лицѣ долженъ совмѣщать на судѣ совѣсти и обвинителя и защитника, то „совѣсть человѣка представляетъ себѣ, что кто-то другой, а не она сама является судьей поступковъ человѣка“, по порученію этого другого до извѣстной степени судить и совѣсть. Но этотъ „другой“ долженъ быть въ то же время „сердцевѣдомъ“, предъ которымъ открыта вся внутренняя жизнь человѣка, „все-обязывающимъ“, превращающимъ должное въ велѣніе и противоположное ему—въ запрещеніе, онъ долженъ быть, наконецъ, всемогущимъ моральнымъ существомъ, способнымъ придать своимъ повелѣніямъ соотвѣтствующую силу. Такое существо называлось бы Богомъ.—Конечно, въ этой мысли, которая по мнѣнію Канта, хотя бы и въ смутной формѣ живетъ въ нравственномъ самосознаніи каждаго человѣка,—Кантъ не видитъ доказательства существованія Бога.

Мы закончимъ эту главу часто цитируемыми словами Канта:

„Двѣ вещи наполняютъ душу постоянно новымъ и растущимъ восхищеніемъ и благоговѣніемъ, чѣмъ чаще и долѣе думаешь о нихъ: звѣздное небо надъ нами и моральный законъ въ насъ... Первый взглядъ уничтожаетъ мое тщеславіе, второй—безконечно подымаетъ мою цѣнность“.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Матеріализмъ.

а) Философскій матеріализмъ.

Въ то время какъ, въ Германіи, Кантъ вырабатывалъ свою теорію познанія, и его ученіе о нравственности приобрѣтало широкое вліяніе, въ другомъ мѣстѣ процвѣтало мировоззрѣніе очень далекое отъ того, чтобы не переступать границъ познаваемаго опытнымъ путемъ; исходя изъ опыта, оно не дѣлало его исходной точкой и мѣриломъ вещей, но въ основу своего

объясненія міра оно опять таки приняло положеніе, лежащее внѣ предѣловъ опыта; это міровоззрѣніе—матеріализмъ.

Рѣчь идетъ не о томъ практическомъ матеріализмѣ, который стремится исключительно къ достиженію матеріальныхъ благъ жизни. Настъ покуда интересуется здѣсь и не такъ называемый, историческій матеріализмъ, а только матеріализмъ, какъ теоретическій методъ міропониманія, философскій матеріализмъ въ узкомъ смыслѣ.

Онъ заключается въ попыткѣ рѣшенія міровой загадки положеніемъ, что вообще не существуетъ ничего, кромѣ «вещества», «матеріи», не существуетъ духовнаго въ отличіе отъ тѣлеснаго, не существуетъ другихъ силъ кромѣ механическихъ. Все совершается благодаря движенію видимой, ощущаемой, обоняемой, вѣсомой и измѣряемой матеріи, движенію, сообразному съ общими законами движенія. И самыя чувствованія человѣка есть ничто иное, какъ движеніе частицъ его собственнаго тѣла, вызванное движеніемъ внѣшнихъ предметовъ; равнымъ образомъ и наше мышленіе и то, что называютъ волей—суть ничто иное, какъ движеніе, напримѣръ мозговыхъ нитей, движеніе съ естественною необходимостью долженствовавшее совершаться именно такъ, какъ оно совершалось.

Само собою понятно, что въ подобномъ міросозерцаніи не было мѣста для совѣсти. И со стороны матеріалиста является послѣдовательнымъ разсмотрѣніе понятія совѣсти, какъ дѣтскаго заблужденія, послѣдовательнымъ является совѣтъ при такъ называемыхъ, укорахъ совѣсти, обращаться къ врачу, который помощью микстуры и предписанія соотвѣтствующей діеты излѣчитъ немного ненормально дѣйствующій мозгъ.

б) Историческій обзоръ.

Идеи матеріализма не новы. Уже среди греческихъ философовъ мы встрѣчаемъ нѣсколькихъ, выставившихъ положенія, подобныя тѣмъ, что лежатъ въ основѣ современнаго матеріалистическаго міровоззрѣнія.

Въ XVII столѣтіи матеріализмъ снова возродился, на этотъ разъ въ аристократическихъ кругахъ Англіи.

Характерно было положеніе, которое занялъ тогда матеріализмъ по отношенію къ ученію о нравственности. Отецъ англійскаго матеріализма (Гобсъ) поступилъ вполне послѣдовательно замѣнивъ понятія добра и зла понятіями—полезное и вредное. Несмотря на это, онъ однако признаетъ въ общемъ унаслѣдованную мораль, такъ какъ иначе эгоистичныя животныя, какъ онъ называетъ людей, уничтожили бы другъ друга. Такъ и въ дальнѣйшемъ англійскій матеріализмъ не вступалъ въ противорѣчіе съ господствовавшей моралью; мало того, при всемъ своемъ личномъ свободомысліи матеріалисты обнаруживали особое почтеніе даже къ установленіямъ церкви. «Англійскіе дѣлцы смотрѣли на всякія сомнѣнія въ истинахъ, провозглашенныхъ религіей, какъ на «непрактичность», больше думая при этомъ о прочномъ порядкѣ этой жизни, чѣмъ объ ожидаемой «загробной жизни». Не надо, однако, думать, что здѣсь играетъ исключительно роль ханжество. Съ одной стороны вѣдь и у матеріалистовъ на самомъ дѣлѣ не исчезла совѣсть и она то препятствовала полному торжеству матеріалистическихъ убѣжденій, съ другой стороны надо полагать, хотя это и покажется страннымъ, что величайшіе представители естествознанія того времени, (Ньютонъ и Бойль), съ которыми такъ охотно роднился матеріализмъ, сами по себѣ были людьми, „вѣрующими въ Бога“: вселенная, именно потому, что она представляетъ собою колоссальный

механизмъ, двигающійся на основаніи прочныхъ законовъ—должна такъ же, какъ и искусственные часы на Страсбургскомъ соборѣ, имѣть своего виновника.

Иначе было во Франціи. Когда въ XVIII-мъ столѣтіи матеріализмъ сдѣлался моднымъ ученіемъ, ему обрадовались какъ новому средству для борьбы противъ нравственности и религіи, борьбы, которая велась уже въ то время. Необычайно развратнымъ, разлагавшимся придворнымъ и аристократическимъ кругомъ пришлась весьма по нраву возможность играть мыслями, которыя были такъ просты, легко усвояемы и пикантны, и допускали, въ тоже время отрицаніе всякой нравственной отвѣтственности. Съ большимъ удовольствіемъ была возвышена новая истина, что душа это лишь второе имя мозга. Въ мозгу вращаются колеса машины, именуемой человѣкомъ съ такимъ же успѣхомъ какъ и во всякой другой машинѣ, поэтому бессмысленно говорить о нравственной отвѣтственности, о совѣсти. Человѣкъ думаетъ, говорить, дѣйствуетъ сообразно тому, какъ была сдѣлана разъ навсегда машина, вплоть до своей смерти съ „которою кончается вся суета суетъ“.

Это было какое то бѣшенство разрушенія со стороны этихъ „высшихъ“ слоевъ общества, удовольствіе отрицанія, безъ созданія чего-нибудь лучшаго, вмѣсто разрушеннаго худшаго. Наконецъ, нечего стало разрушать—тогда началась великая революція и знатные любители матеріализма были казнены.

Уклонимся немного въ сторону, чтобы бросить взглядъ на экономическія отношенія того времени. Интересно наблюдать, какъ въ теченіе этихъ двухъ столѣтій вмѣстѣ съ матеріализмомъ оживала та форма частно-капиталистическаго хозяйства, которую называли «мануфактурой». Мануфактура явилась связующимъ звеномъ между средневѣковымъ ремесленнымъ производствомъ и современною крупной промышленностью съ ея машинами. Марксъ считаетъ этотъ періодъ отъ середины XVI столѣтія до послѣдней трети XVIII вѣка. Главной отличительной чертой ея, наиболѣе рѣзко выдѣляющей, опять таки въ Англіи,—является, какъ извѣстно, объединеніе предпринимателями мастерскихъ различныхъ ремесленниковъ для производства одного товара. Строго проведенное раздѣленіе труда, та форма труда, при которой, напримѣръ, изготовленіе булавокъ распределено между восемнадцатью рабочими (не считая машинъ), каждый изъ которыхъ исполняетъ лишь часть работы,—даетъ мануфактурѣ свой особый отпечатокъ. Послѣдствія этого раздѣленія труда для рабочихъ извѣстны. «Умъ громаднаго большинства людей»,—говоритъ знаменитый экономистъ Адамъ Смитъ,—развивается изъ и во время его ежедневной работы. Человѣкъ, всю жизнь свою занятый самыми простыми операціями, не имѣетъ возможности упражнять свой умъ. Обыкновенно онъ бываетъ настолько тушъ и невѣжественъ, насколько это возможно для человѣческаго созданія». Другой современникъ говоритъ: «Невѣжество, какъ и суевѣріе,—мать промышленности. Размышленіе и воображеніе часто впадаютъ въ ошибку, привычка же двигать ногою или рукою не зависитъ ни отъ перваго, ни отъ втораго. Такимъ образомъ, относительно мануфактуры можно сказать, что совершенство ея заключается въ возможности отказатся отъ разума рабочихъ въ томъ смыслѣ, что она мастерскую разсматриваетъ, какъ машину, частями которой являются люди». Марксъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что близко стоящій къ матеріализму философъ, разсматривавшій животныхъ, какъ простыя машины, «смотрѣлъ глазами мануфактурнаго періода»; въ

средние вѣка животныя принимали близкое участіе въ промышленной дѣятельности. Не случайно, поэтому, также, что въ томъ же столѣтіи, когда производственные отношенія заставили такого человѣка, какъ Адамъ Смитъ, объявить само собою понятною истиной, что тѣлесное и духовное вырожденіе и изуродованіе «во всякомъ промышленномъ и цивилизованномъ обществѣ является тѣмъ состояніемъ, въ которое долженъ неизбѣжно впасть работающій бѣднякъ, т. е. громадная народная масса». Не случайно, что именно въ этомъ столѣтіи первый французскій матеріалистъ смотрѣлъ на людей, какъ на машины.—Если теоретически смотрѣть на человѣка, какъ на машину, и практически, какъ на машину или часть машины, то это обнаруживаетъ лишь соотвѣтствіе между теоріей и практикой эпохи.

Во время французской революціи матеріализмъ не исчезъ. Въ XIX столѣтіи онъ восторжествовалъ въ Германіи въ тѣмъ большей степени, что въ открытіяхъ естествознанія онъ нѣкоторое время, какъ полагали, получалъ подтвержденіе своей истинности. Наконецъ, онъ провнѣзъ и въ широкія народныя массы и не въ скромномъ видѣ научной «гипотетической» теоріи, а въ видѣ догмы. Талантливые глашатаи матеріализма въ своихъ популярныя статьи и книжкахъ заявляли, что матеріализмъ разрѣшилъ всѣ міровыя загадки. Въ широкихъ кругахъ общества дѣйствительно полагали, что «наука доказала», что не можетъ существовать ни Бога, ни души, ни добра, ни зла, ни нравственности, ни отвѣтственности, ни возмездія. — Матеріалисты - естествоиспытатели и натуръ - философы вскорѣ стали смотрѣть болѣе трезво. При болѣе глубокомъ изслѣдованіи они все болѣе стали убѣждаться въ послѣднія десятилѣтія XIX вѣка въ томъ, насколько матеріализмъ неспособенъ объяснить сущность міра и міровыхъ явленій. Важнѣйшіе основные принципы, съ которыми тѣснѣйшимъ образомъ былъ связанъ матеріализмъ, между тѣмъ измѣнились и въ настоящее время научныя «чистые» матеріалисты вымерли, среди же пролетаріата не смотря на это все еще есть сторонники этого ученія. Многіе пролетаріи все еще полагаютъ, что въ концѣ концовъ все—«матерія», глупая, холодная, бездушная, безнравственная матерія, которая, на основаніи неизмѣнныхъ законовъ, случайно объединилась въ образъ человѣка и въ теченіе 30—60 лѣтъ надуваетъ свои пузыри въ видѣ мыслей и воли, благодущія и угрызений совѣсти.

Тотъ фактъ, что теорія, отъ которой отказалась наука, продолжаетъ жить въ пролетаріатѣ, какъ догма, странно, но все же понятенъ. Матеріализмъ предлагаетъ такое міропониманіе, которое настолько просто и поверхностно, что неудивительно если люди, работающіе по двѣнадцать и больше часовъ въ сутки, признаютъ его и продолжаютъ придерживаться его. Даже больше того: нельзя отрицать, что для встрѣтившаго въ лицѣ матеріализма законченное міровоззрѣніе или для того, кто до того времени былъ наученъ пренебрежительному отношенію къ матеріальнымъ факторамъ,—матеріализмъ представляетъ собою нѣчто привлекательное. Каждый изъ насъ нѣкоторое время можетъ увлечься имъ, пока болѣе глубокомысленное размышленіе, нравственныя требованія и тяжелое чувство долга или религіозное переживаніе не разрушили этихъ чаръ.

с) Критическія замѣчанія.

Безполезно конечно пытаться мимоходомъ «уничтожить критикою» серьезно понимаемый матеріализмъ. Лишь съ цѣлью очистить путь для

дальнѣйшей бесѣды о совѣсти, мы просимъ тѣхъ читателей, которые, исходя изъ принциповъ матеріализма отрицаютъ существованіе совѣсти, обдумать слѣдующія положенія:

1. До сихъ поръ еще иногда приходится слышать: наука до в а з а л а, что душа не имѣетъ никакого самостоятельнаго значенія, что Богъ существуетъ лишь въ воображеніи человѣка, что личное безсмертіе души—невозможно и т. д.—Все это нелѣпость. Наука не занимается этими вопросами и не можетъ ими заниматься. Такъ не думали и самые рѣшительные матеріалисты ученые. Они остались при томъ убѣжденіи, что въ этой области невозможно привести достаточныхъ доказательствъ. Такъ же, какъ вѣрующій въ Бога не можетъ доказать существованіе его, такъ же и невѣрующій не докажетъ того, что не существуетъ творческаго духа.

2. Цѣнность теорій зависитъ отъ того, насколько она способна разъяснить непонятныя до нея явленія, до нея невыясненные связи. Теоретическій матеріализмъ плохо выдержалъ это испытаніе. Онъ оказался совершенно неспособнымъ ни для разрѣшенія старой міровой загадки, ни для п о н и м а н і я того, что называютъ духовною жизнью человѣка. Что касается перваго то онъ не сдѣлалъ ничего существеннаго для облегченія разрѣшенія ея; его же познаніе духовной жизни было всегда безконечно убого. Производило впечатлѣніе точно оно умышленно закрываетъ глаза на обиліе и разнообразіе душевныхъ переживаній.

3. Что касается собственно области работы матеріализма, то надо считать совершенно неудавшейся его попытку объяснить механическими проявленіями въ мозгу и другихъ органахъ, такъ называемыя, «душевные» проявленія. Съ полнымъ основаніемъ матеріализмъ постоянно указывалъ на то, какъ близко соприкасаются проявленія такъ называемыхъ духа и тѣла, какъ тѣсно они зависятъ другъ отъ друга, что многое, считавшееся прежде сверхъчужденными силами или таинственными явленіями жизни души, оказалось порожденіемъ естественныхъ явленій въ жизни тѣла—и въ этомъ одномъ я признаю нѣкоторую заслугу за матеріализмомъ: но онъ не умѣлъ объяснить к а к ъ рождается хотя бы малѣйшее проявленіе духовной силы, какъ мозговое явленіе переходитъ въ безплотное проявленіе души. «Объ отношеніи частей мозга къ функціямъ души—мы фактически почти ничего не знаемъ» признается извѣстный матеріалистъ Фогтъ. „Внутренняя связь мозга и души—необъяснима“—говоритъ другой извѣстный матеріалистъ Бюхнеръ. Въ срединѣ XIX вѣка еще надѣялись, что позже удастся найти это объясненіе, но теперь уже отказались отъ этой надежды. Такимъ образомъ, была признана невозможность просто-на-просто исключить всякое нефизическое обоснованіе душевныхъ проявленій.

4. Вмѣстѣ съ этимъ, благодаря дальнѣйшему прогрессу естествознанія и работъ по теоріи познанія, у матеріализма окончательно ушла почва изъ подъ ногъ. Понятіе «матеріи» было признано однимъ изъ самыхъ сложныхъ, а потому и негоднымъ для основанія на немъ философской системы. Далѣе фізіологическая психологія показала, что между духовными и физическими проявленіями безусловно существуетъ опредѣленная связь, что духовныя проявленія не могутъ быть разсматриваемы просто какъ продуктъ проявленій физическихъ, не говоря уже о томъ, что они не могутъ быть объяснены просто механическимъ вліяніемъ. Чѣмъ далѣе развивается современная психологія, тѣмъ яснѣе становится, какъ поверхностно философствовалъ матеріализмъ. Наконецъ было указано (въ пре-

красной книгѣ Ф. А. Ланге »Исторіи матеріализма») на то, что сама матеріалистическая философія выходила за собственные предѣлы, т. е. сама принудила себя выйти изъ предѣловъ матеріалистическихъ понятій.

Такимъ образомъ, матеріализмъ является плохо обоснованной гипотезой, противорѣчащей наблюдаемымъ явленіямъ и неспособной, хотя бы въ самой незначительной степени, объяснить то, для объясненія чего онъ возникъ. Не можетъ быть конечно рѣчи о томъ, что подобная теорія можетъ привести какія-либо доказательства противъ самого существованія или значенія совѣсти.

(Совершенно иной вопросъ, чѣмъ занимающій теперь насъ—это вопросъ о томъ—должно ли считаться естествознаніе и со сверхчувственнымъ или должно ограничиться видимымъ, вѣсомымъ, измѣряемымъ. Но естествознаніе не есть сама наука, оно лишь одна изъ наукъ и результаты его могутъ устанавливать истину только въ точно ограниченныхъ предѣлахъ. Уже попытки введенія въ политическую экономію метода естествознанія привели къ самымъ нелѣпымъ результатамъ. Совершенно неспособенъ этотъ методъ выработать и «основанія» всеобъемлющаго міросозерцанія).

Что не существуетъ совѣсти безъ одновременной работы мозга—это ясно. Мы все таки знаемъ, что именно эти побужденія совѣсти находятся въ связи съ сильнымъ физическимъ возбужденіемъ или усиленнымъ сердцебіеніемъ, покраснѣніемъ, поблѣднѣніемъ, дрожью, что иногда болѣзненно „перегруженная“ совѣсть, является результатомъ дурного пищеваренія. Но что движенія совѣсти столь же мало являются движеніемъ мозга или продуктомъ его, какъ и изверженіями переполненнаго желудка—это столь же несомѣнно.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Изъ современности.

а) Совѣсть въ воззрѣніи, наиболѣе распространенномъ среди современнаго городского пролетаріата.

Матеріалистическое міросозерцаніе въ своемъ чистомъ видѣ теперь мало гдѣ «популярно». Въ интересъ къ вопросамъ совѣсти мы съ радостью можемъ констатировать что и большинство съ гордостью называющихъ себя матеріалистами удѣляютъ въ своемъ міросозерцаніи мѣсто для совѣсти. Мы попытаемся вкратцѣ изложить это, все же вѣроятно наиболѣе распространенное среди современнаго городского пролетаріата, міросозерцаніе въ самыхъ существенныхъ чертахъ его. Сущность его сводится, приблизительно, къ слѣдующему:

Послѣ смерти человѣкъ возвращается во вселенную; міръ движется по опредѣленнымъ въ немъ самомъ заложеннымъ законамъ; это движеніе міра и есть развитіе отъ простѣйшихъ началъ къ самымъ разнообразнымъ и прекраснымъ формамъ. Матерія міра (откуда она взялась—неизвѣстно, думаютъ, что она вѣчна) въ то время, которое можно назвать началомъ міра собралась во множество міровыхъ тѣлъ; одно изъ меньшихъ тѣлъ—наша земля. На землѣ изъ мертвой матеріи образовалась маленькая зародышевая кѣлочка (Keiwszelle) или что-либо подобное, живое—какъ это возможно—неизвѣстно, но думаютъ что это произошло само по себѣ. Изъ

перваго или изъ первыхъ живыхъ существъ развилось много другихъ. Эти послѣднія и ихъ потомство въ теченіе миллионовъ лѣтъ, или еще большаго промежутка времени, въ зависимости отъ внѣшнихъ условій, въ которыхъ они находились различно развивались; постоянно возникали все новые виды и, такъ какъ изъ каждаго вида переживали и развивались въ борьбѣ за существованіе наиболѣе сильные и красивые экземпляры, то различные виды живыхъ существъ — растеній и животныхъ (между прочимъ изъ чисто растительныхъ существъ, необъяснимымъ для нашего разума образомъ, развились существа съ животными чувствами) принимали все болѣе опредѣленные и разнообразныя формы. Высшую ступень развитія мы видимъ въ человѣкѣ, въ которомъ — опять-таки необъяснимымъ образомъ — развилось мыслящее самосознаніе. И онъ, такимъ образомъ, является лишь продуктомъ природы. Его «духъ» есть какое то механическое движеніе частицы его мозга, движеніе, происходящее отъ внѣшнихъ толчковъ, передаваемыхъ мозгу органами чувствъ и совершающееся, поэтому, всегда сообразно естественной необходимости. Можно также сказать поэтому: человѣкъ есть продуктъ тѣхъ условій, въ которыхъ онъ живетъ; о свободной волѣ, отвѣтственности, нравственности не можетъ быть собственно и рѣчи. Тѣмъ не менѣе все же люди склонны къ тому, чтобы считать людей по всякому серьезному поводу отвѣтственными за ихъ дѣла и свои собственные поступки разсматриваютъ какъ «хорошіе» или «дурные»; самое тяжкое оскорбленіе — назвать человѣка безсознательнымъ. Отсутствіе эгоизма, любовь или благоволеніе къ другимъ людямъ восхваляется во первыхъ — именно потому, что мы чувствуемъ — «это хорошо», во-вторыхъ потому, что это полезно; безъ этого едва-ли была бы возможна совмѣстная жизнь людей, такъ какъ, завися другъ отъ друга они сильно вредили бы себѣ. Наконецъ — человѣкъ отъ природы любвеобиленъ и только обстоятельства сдѣлали его надменнымъ. — Какъ и отдѣльный человѣкъ и человѣческая исторія является продуктомъ внѣшнихъ условій, въ которыхъ жило человѣчество; хозяйственные отношенія являются всегда почвой, на которой съ естественною необходимостью выросла соотвѣтствующая религія, воззрѣнія на нравственность и право. Эти экономическія отношенія развиваются самостоятельно и, къ счастью, весьма разумно, т. е. такъ, какъ люди считаютъ разумнымъ; вся дѣятельность людей можетъ свестись поэтому лишь къ незначительному ускоренію или замедленію темпа развитія. Теперь мы находимся на рубежѣ двухъ формъ хозяйства — капиталистическаго хозяйства послѣднихъ столѣтій и социалистическаго. Такъ какъ послѣднее является болѣе прогрессивнымъ, высшею ступенью хозяйства, то и воззрѣнія и характеръ людей, вслѣдствіе лучшихъ отношеній этого времени будутъ болѣе развиты, болѣе чисты. Религія исчезнетъ, такъ какъ она возникла благодаря чувству зависимости отъ невидимыхъ силъ, эти же силы будутъ тогда частью объяснены естествознаніемъ, частью сами исчезнутъ, какъ напримѣръ таинственная сила существовавшей до тѣхъ поръ анархіи производства. Нравственная жизнь станетъ всеобщей, для нея тогда уже не надо будетъ личныхъ усилій, она станетъ вполне естественной для людей, которые всѣ будутъ жить въ благоприятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, гдѣ будетъ отсутствовать основаніе для совершенія дурныхъ поступковъ.

Ни одинъ читатель вѣроятно ни въ одномъ пунктѣ этого міровоззрѣнія не признаетъ его своимъ, но, то, что въ общемъ таковы, приблизительно, основныя мысли міросозерцанія, все еще моднаго въ средѣ го-

родского пролетариата этого онъ отрицать не станетъ. Относительно отдѣльных пунктовъ, напримѣръ, пункта о религіи, существуютъ очень значительныя разногласія; въ вопросѣ о душѣ, кажется, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ немного популяренъ спиритизмъ; въ области нравственности социализмъ оказываетъ свое вліяніе, дѣйствуя скорѣе на чувства, чѣмъ на отвлеченный разумъ въ формѣ ученій.

Не трудно замѣтить, что изложенное въ своихъ грубыхъ чертахъ міровоззрѣніе не представляетъ собою чего либо цѣльнаго, а является смѣсью вѣрныхъ, извращенныхъ и просто невѣрныхъ идей, взятыхъ главнымъ образомъ изъ теорій Дарвина и изъ матеріалистическаго пониманія исторіи, представляемаго Марксомъ и Энгельсомъ и все это приправленное немного спинозизмомъ, анархическимъ мистицизмомъ и матеріалистическими боевыми словечками. Популярная міросозерпцанія вообще не могутъ претендовать на цѣльность, которая въ концѣ концовъ и не нужна имъ; но во всякомъ случаѣ еще болѣе изорванное міровоззрѣніе большинства „состоятельныхъ и образованныхъ“ круговъ не имѣетъ въ этомъ отношенія преимущества передъ первыми.

б) Опытъ разсмотрѣнія совѣсти, какъ продукта экономическаго развитія.

Принимая во вниманіе натуралистическія тенденціи этихъ міросозерпцаній вполне понятно, что и сторонники ихъ, въ практической жизни не желающіе обходиться безъ участія совѣсти, все же съ симпатіей привѣтствуютъ всякую теоретическую попытку разсмотрѣнія совѣсти, какъ продукта экономическаго развитія. Мы остановимся поэтому на самой серьезной попыткѣ, которая была сдѣлана въ этомъ направленіи, а именно книжкѣ П. Рэ (P. Rée), «Происхожденіе совѣсти» (Берлинъ 1885 г.) Съ удовольствіемъ мы дадимъ высказаться этому нашему противнику, обосновывающему свое мнѣніе, — что за словомъ «совѣсть» не скрывается ничего реальнаго — не громкими фразами и обрывками мыслей, а усердно собраннымъ социальнымъ - историческимъ и психологическимъ матеріаломъ, которымъ онъ и пытается объяснить «порожденіе фантазіи» совѣсти.

Рэ съ жаромъ приступаетъ къ своей задачѣ, какъ человѣкъ, избавившійся отъ глубоко вкоренившихся предрасудковъ и тяжелыхъ суевѣрій. До сихъ поръ, полагаетъ онъ, вообще еще не было философіи, которая возникаетъ лишь теперь. Онъ сулитъ познакомить насъ съ «естественными причинами» тѣхъ душевныхъ переживаній, которыя мы называемъ движеніями совѣсти. Раньше довольствовались „сверхестественными“ объясненіями, говорили о томъ впечатлѣніи, которое производитъ на человѣка добро само по себѣ, говорили вздоръ о какихъ то основныхъ чертахъ прирожденнаго человеку закона нравственности; все это лишь безудержный полетъ суевѣрнаго скудоумія. Совѣсть такъ же имѣетъ свои «естественныя причины», какъ, напримѣръ, буря, землетрясеніе и другія явленія природы, въ которыхъ прежде видѣли проявленіе мощи сверхестественныхъ существъ, не думая при этомъ о причинахъ естественныхъ. И такъ же, какъ Бога или боговъ исключили изъ объясненія происхожденія бури, какъ только нашли естественную причину ея, точно такъ же и совѣсть лишится навсегда своей святости, какъ только она будетъ поставлена на своей „естественный“ фундаментъ.

Къ сожалѣнію Рэ съ самаго же начала слишкомъ упрощаетъ свою обѣщанную работу, выбравъ изъ всей области движеній совѣсти — только,

«сознаніе, одобряющее добрые поступки и порицающее поступки эгоистическіе, жестокіе», о которомъ онъ исключительно и говоритъ въ дальнѣйшемъ. Это сознаніе онъ просто на-просто называетъ «совѣстью» и полагаетъ, что объяснивъ его—онъ объяснилъ сущность совѣсти. Мы еще вернемся къ недопустимости такого произвольнаго суживанія понятія. Какъ же Рэ пытается исторически объяснить это сознаніе?

На низшихъ ступеняхъ культуры, говоритъ онъ, нестойкость часто одобрялась. Доказательство — сообщенія о жителяхъ нѣсколькихъ острововъ Тихаго океана и другихъ «дикихъ», пожиравшихъ людей прежде и пожирающихъ теперь, и совершающихъ другіе подобные ужасы съ чувствомъ удовольствія. Мы, и вообще цивилизованные народы, ничего подобнаго не дѣлаемъ и не только не считаемъ это похвальнымъ, но, наоборотъ, достойнымъ самаго рѣзкаго порицанія. Откуда это различіе въ оцѣнѣ жестости у насъ по сравненію съ дикарями? Естественная причина этого различія, говоритъ Рэ, должна заключаться во внѣшнихъ перемѣнахъ, совершившихся при переходѣ изъ варварства къ цивилизаціи. Приглядѣвшись поближе къ этимъ перемѣнамъ, мы обратили вниманіе на отсутствовавшій въ тѣ времена институтъ—н а к а з а н і е.

Во время варварства, наказанія не существовало. Обычай предоставлялъ тогда каждому, терпѣвшему неправду мстить самостоятельно; за совершенное убійство родственники убитаго мстили убійцѣ кровавою местию. Прежде полагали, что въ этой отплатѣ играло роль чувство справедливости, что несправедливость должна быть отомщена какъ таковая. По мнѣнію Рэ это совершенно ложное предположеніе. Такъ называемаго чувства справедливости тогда не было. Кровавую месть и тому подобное можно объяснить исключительно тѣмъ, что «человѣкъ отъ природы не склоненъ къ подчиненію, равному себѣ, скорѣе онъ самъ поработитъ другихъ, хотъ бы такое доказательство его мощи и не приносило бы ему пользы».

Въ болѣе позднія времена стали смотрѣть на это съ болѣе дѣловой точки зрѣнія: пострадавшій или его родственники довольствовались тѣмъ, что причинившій равы, или убійца деньгами откупался отъ мести пострадавшихъ. Хозяйственные соображенія, какъ, напр. совмѣстное пользованіе враждебными племенами однимъ лѣсомъ или озеромъ или страданіе время жатвы, владавшее въ руку потерпѣвшаго серія и грабли вмѣсто меча и копья, часто способствовали такому заключенію мира, избавленію отъ мести деньгами. Съ развитіемъ культуры все болѣе поощрялось общиной и государствомъ это мирное разрѣшеніе дѣлъ, такъ какъ страна предпочитала миръ войнѣ. Такимъ образомъ, постепенно посредничество въ дѣлѣ выкупа права мести взяла въ свои руки община или ея представитель, напр., король, и, такъ какъ эта посредническая дѣятельность оказалась вскорѣ весьма удобной для обоихъ заинтересованныхъ сторонъ, то вскорѣ оно признано было заслуживающей вознагражденія, и государство, король, начинаетъ съ тѣхъ поръ получать за труды по прекращенію мести, часть выкупной суммы.

Дальнѣйшее развитіе сдѣлало государство въ этомъ процессѣ главнымъ лицомъ, которому было поручено сохраненіе драгоценнаго внутренняго мира. «Уплатѣ» государству за то, что виновный причинилъ вредъ (чтобы онъ впередъ не поступалъ такъ) придавали больше значенія, чѣмъ простому примиренію съ потерпѣвшимъ. Плата деньгами — стала «наказаніемъ» въ собственномъ смыслѣ слова. Такимъ образомъ, наказаніе яви-

лось поздно изобрѣтеннымъ, самымъ дѣйствительнымъ, средствомъ для возстановленія и поддержанія внутренняго мира».

Такимъ образомъ, изъ простыхъ соображеній полезности, государство вначалѣ налагало наказаніе за опредѣленные поступки, вредящіе другимъ эгоизмъ. Однако, легко могло случиться, что съ теченіемъ времени совершенно забыли эти обоснованія публичнаго права и, когда новыя поколѣнія видѣли и слышали, что извѣстныя дѣянія всегда наказуются, то въ ихъ сознаніи, напримѣръ, убійство и наказаніе, обманъ и наказаніе, настолько сплелись другъ съ другомъ, что при одномъ словѣ «убійство» или «обманъ», въ глубинѣ ихъ сознанія вставало представленіе о „наказаніи“, какъ необходимомъ, естественномъ послѣдствіи. Проворность не есть колдовство, человѣкъ же отъ природы немного лѣнивъ думать: позднѣйшимъ поколѣніямъ убійство уже само по себѣ казалось наказуемымъ, порицаемымъ, дурнымъ поступкомъ.

Но этимъ дѣло не ограничилось: нравственные понятія, основанныя на недоразумѣніи, были освящены религіей. Люди создали себѣ боговъ по своему подобію. То, что людямъ казалось похвальнымъ, они считали угоднымъ Богу. Боги людодовъ когда-то одобрительно улыбались при жестокихъ пирахъ своихъ поклонниковъ; теперь считаютъ наказаніе, наложенное «начальствомъ», соотвѣтствующимъ гнѣву и наказанію Божію. Съ своей стороны въ связи съ религіей продолжало дальше оформляться и человѣческое представленіе о «добрѣ» и «злѣ». Больше всего это замѣтно въ христіанствѣ. Иисусъ отличался выдающимся добродушіемъ и вполне естественно, что Онъ объявлялъ Бога любящимъ Отцемъ. «Богъ Иисуса изъ Назарета, любящій людей, какъ своихъ дѣтей, хочетъ также, чтобы и они любили другъ друга, и наказуетъ жестокость не только въ поступкахъ, но и въ мысляхъ, жестокость саму по себѣ».

Оба эти момента, а именно, наказуемость извѣстныхъ эгоистичныхъ поступковъ властями и представленіе о томъ, что божество порицаетъ эти поступки, породили, такъ называемое, «чувство справедливости», такъ называемую, совѣсть. Представленіе о хорошихъ поступкахъ совершенно произвольно связывается у насъ съ похвальнымъ отзывомъ, а противоположное имъ съ порицаніемъ.

Отсюда выводы. Мы видимъ, полагаетъ Рэ, что чувство справедливости или сознаніе, одобряющее добрые поступки и порицающее противоположные имъ, является лишь «естественнымъ» послѣдствіемъ историческаго развитія взглядовъ на полезное и вредное, почему и совѣсть утратила для насъ теперь свое значеніе. «Жестокость и убійство», говоритъ онъ «не зло само по себѣ, они лишь вредны». Разъ мы узнаемъ, что убійство лишь потому кажется «само по себѣ» порицаемымъ, что не знаютъ основаній, по которымъ оно первоначально порицалось, что оно лишь потому казалось заслуживающимъ страданія въ видѣ возмездія, что мы не знаемъ, что страданіе тяготѣло надъ нимъ собственно, какъ средство безопасности; тогда мы исключили изъ своей рѣчи приговоровъ слова: «заслуживающій порицанія, достойный наказанія, хотя они произвольно будутъ проситься намъ на языкъ». Независимо мыслящій человѣкъ не станетъ руководиться бабушкиными сказками. Для него совѣсть уже сошла со сцены. Практически это не имѣетъ значенія. Во-первыхъ, говоритъ Рэ очень трудно отвыкнуть отъ привычки сужденія ставшей, чувствомъ, во-вторыхъ, совѣсть вообще порождаетъ мало поступковъ. Эгоизмъ и (врожденная) склонность къ добру порождаютъ почти всѣ наши поступки, полез-

ные для другихъ, то же будетъ продолжаться и въ будущемъ, все стало-быть останется по прежнему.

Раньше чѣмъ обратиться къ оцѣнкѣ доводовъ Рэ, мы констатируемъ еще разъ, что онъ, въ общемъ довольно болѣзненное сознание въ насъ того, что хорошіе поступки похвальны, а эгоистическіе или жестокіе заслуживаютъ порицанія, рассматриваетъ подъ названіемъ совѣсти. Будь даже доказательства Рэ во всемъ основательны и вѣрны, онъ объяснилъ бы ими происхожденіе лишь строго опредѣленнаго ряда нравственныхъ сужденій, но не совѣсть, во всемъ ея объемѣ, ни возможность существованія чувства, характерно отличающагося отъ боязни наказанія. Свидѣтельства изъ разныхъ вѣковъ, съ которыми мы познакомились, говорятъ о томъ, что область совѣсти несравненно шире, что формы проявленія ея безконечно разнообразны, начиная съ неяснаго недовольства совершеннымъ поступкомъ, въ которомъ не видишь ничего дурного и который повидимому никому не причинилъ вреда и ужаснѣйшаго, всепожирающаго страха и раскаянія.

Мы все же соглашаемся, что съ тою областью побужденій совѣсти, съ которою исключительно считался Рэ, мы хорошо знакомы. Мы должны такимъ образомъ признать, что хоть часть того, что мы считали побужденіями совѣсти должна быть объяснена на совершенно другихъ основаніяхъ, если бы доказательства, приведенныя Рэ, были бы вѣрны.

Этого однако въ дѣйствительности нѣтъ.

Хотя мы и признаемъ безусловно, и этимъ предупреждаемъ возможность недоразумѣнія, что нравственныя сужденія въ различные времена у разныхъ народовъ очень значительно отличаются и часто даже совершенно противорѣчатъ одно другому, однако для полноты картины слѣдовало бы добавить, что на ряду съ этимъ многообразіемъ нравственныхъ сужденій несомнѣнно одна постоянная основная черта въ развитіи нравственныхъ воззрѣній проходитъ красною нитью черезъ много вѣковъ, напримѣръ та, что и понынѣ заставляетъ насъ признавать наши обязанности по отношенію къ ближнимъ, обязанности, которыми чувствовали себя связанными еще древніе израильтяне тысячи лѣтъ тому назадъ. Мы указывали уже на это однажды и не станемъ придавать ему особаго значенія здѣсь.

Далѣе мы хотѣли бы заранѣе предупредить читателя, что и мы признаемъ, что вліяніе соціальнаго развитія на развитіе нравственныхъ воззрѣній колоссально, (объ этомъ мы будемъ еще говорить подробнѣе позже). И не смотря на это мы утверждаемъ, что доказательство, приведенное Рэ не состоятельно, и несостоятельно именно потому, что оно, по крайней мѣрѣ въ двухъ пунктахъ основывается на положеніяхъ, противорѣчащихъ всѣмъ психологическимъ наблюденіямъ.

Первый изъ этихъ пунктовъ заключается въ слѣдующемъ.

Такъ какъ, по мнѣнію Рэ, человѣкъ отъ природы соглашается только съ мотивами собственной пользы и эгоизма, то Рэ и утверждаетъ, что «чувство справедливости» развилось впервые благодаря потребности возмездія, каковая потребность, въ свою очередь, была порождена непріятнымъ чувствомъ отъ сознанія, что другой сильнѣе тебя, или же какого-либо члена изъ твоего рода. Онъ прямо утверждаетъ, что въ кровавой мести никакое чувство справедливости не могло играть какой-либо роли. Онъ предпосылаетъ то, что нужно было бы доказать, но онъ предпосылаетъ и то, что не находитъ себѣ подтвержденія въ исторіи, такъ какъ повѣствованія о кровавой мести въ

древне-германскомъ эпосѣ прекрасно отличаютъ справедливость отъ несправедливости. Онъ исходитъ изъ той предпосылки, которая, съ точки зрѣнія психологии, является весьма неосновательною. Не во всякомъ насиліи чувствуешь несправедливость. Изъ собственного опыта мы знаемъ насколько разнится чувство, отъ сознанія собственной слабости по сравненію съ превосходствомъ силы другого, отъ чувства, испытываемаго нами благодаря поступку болѣе сильнаго, поступку который мы считаемъ «несправедливымъ». Уже у дѣтей прямо по выраженію ихъ лица можно замѣтить ту разницу чувствъ, которыя они переживаютъ при претерпѣваемой ими несправедливости и при простой потребности не быть въ подчиненномъ положеніи. Это два совершенно различныхъ чувства, которыя можно переживать и одновременно, но изъ которыхъ каждое можетъ быть налицо при отсутствіи другого. Смѣшиваніе этого второго чувства съ первымъ, поэтому, совершенно недопустимо. Съ такимъ же правомъ можно, утверждать, что, напримѣръ, эстетическое чувство, испытываемое при видѣ красиваго яблока «развилося» изъ чувства вкуса, испытываемаго при ѣдѣ яблока, или что пріятность умственного труда, является результатомъ побоевъ, перенесенныхъ въ дѣтствѣ за лѣнность, или что истинное чувство дружбы покоится ни на чемъ другомъ, какъ на увѣренности, что при случаѣ можно у друга взять деньги взаймы.

Второй пунктъ, въ которомъ теорія Рэ оперируетъ съ совершенно неприемлемой предпосылкой, это то положеніе, согласно которому позднѣйшія поколѣнія забыли, что всѣ понятія долга и справедливости были основаны исключительно на соображеніяхъ полезности. Эта забывчивость невѣроятна. Людямъ, отъ природы несклоннымъ къ этическимъ соображеніямъ, настолько импонируетъ простая внѣшняя ассоціація идей, что у нихъ, до извѣстной степени противоестественнымъ путемъ возникаетъ сознаніе долга, особенно высоко цѣнимое и одерживающее побѣду въ борьбѣ съ еще столь привлекательною непосредственною пользою? Правда, человекъ иногда склоненъ къ самымъ удивительнымъ иллюзіямъ, но такой упорный самообманъ слишкомъ невѣроятенъ, чтобы, не подтвердивъ его примѣромъ, оперировать имъ.

Кромѣ того Рэ и не доказалъ своего утвержденія, которое оказывается прямо противорѣчащимъ фактомъ. Это станетъ ясно на основаніи одного простого соображенія.

Если бы совѣсть отдѣльнаго человѣка являлась лишь продуктомъ и отраженіемъ воли общества, заботящагося о свей пользѣ, было бы невозможно, противорѣчіе чьей-либо совѣсти отжившимъ порядкамъ того же общества, а стало быть естественно, что и всякая попытка выступленія противъ отжившихъ институтовъ и возрѣній самымъ рѣзкимъ образомъ порицалась бы совѣстью. Реформаторъ, какъ и честный революціонеръ должны были обладать весьма дурною совѣстью, никто никогда не смѣлъ бы утверждать, что онъ борется противъ устарѣвшихъ общественныхъ порядковъ съ лучшими намѣреніями. А если бы и удалось кому-нибудь въ концѣ концовъ заставить молчать свою совѣсть, онъ сталъ бы презираемъ всѣми «совѣтливыми» людьми.

Утвержденіе Рэ, что «совѣсть есть продуктъ развитія, не доказано имъ и противорѣчить наблюдаемымъ фактамъ.

Однако мы все-таки, на всякій случай рассмотримъ тотъ выводъ, который дѣлаетъ Рэ изъ этого своего утвержденія. Мы признаемъ непод-

лежащимъ сомнѣнію, что на образованіе извѣстныхъ этическихъ сужденій огромное вліяніе оказало развитіе соціально-политическихъ отношеній; не умѣющій строго разграничивать всегда будетъ склоненъ допустить хотя бы возможность того, что и совѣсть сама является продуктомъ этого развитія. Какое значеніе и цѣнность это будетъ имѣть для совѣсти...

Рѣ говоритъ: съ этимъ признаніемъ совѣсть потеряетъ для насъ всю цѣну и значеніе. Такъ ли это?

Разъ мы на основаніи личнаго опыта знаемъ, что прислушиваніе къ требованіямъ совѣсти и исполненіе этихъ требованій дѣлаетъ человѣка свободнымъ, сильнымъ и энергичнымъ; разъ самымъ дорогимъ въ жизни личности признано развитіе ясной самопознающей воли, получающей свое выраженіе именно въ сужденіяхъ совѣсти; разъ для меня, такимъ образомъ, цѣнность моей личности зависитъ отъ обладанія этою совѣстью,—то я лично могу сравнительно равнодушно относиться къ тому, ка к и м ѣ путемъ человѣчество пришло къ обладанію совѣстью. Значеніе, которое имѣетъ для меня моя совѣсть, не зависитъ отъ какихъ-либо историческихъ изслѣдованій или теоретическихъ измышленій, а исключительно отъ того опыта, который я продѣлалъ съ моею совѣстью. Настоящая книжка можетъ послужить свидѣтельствомъ того, что мы не въ меньшей степени, чѣмъ Рѣ интересуемся изслѣдованіемъ совѣсти, хотя и съ другой точки зрѣнія, но личная оцѣнка собственной совѣсти основывается не на подобныхъ изслѣдованіяхъ. Даже если-бы первобытные люди и не имѣли еще совѣсти, если бы совѣсть была продуктомъ развитія культуры, я былъ бы доволенъ, что развитіе это ушло настолько далеко, что я могу обладать тѣмъ, что придаетъ особую цѣнность моей личной жизни. Заключение Рѣ: разъ совѣсть есть продуктъ развитія культуры,—она не имѣетъ цѣнности для человѣка, мы утверждаемъ слишкомъ поспѣшно.

Намъ остается еще коснуться заключительнаго утвержденія Рѣ: если люди снова отвыкнутъ отъ понятія совѣсти—на практикѣ все останется по старому. Нужно обладать большою отвагою, чтобы на такомъ «если» строить свои заключенія. Намъ кажется, что съ исчезновеніемъ совѣсти, въ дѣйствительности далеко не все осталось бы по старому, а что вся жизнь приобрѣла бы совершенно иной характеръ. Разъ съ совѣстью исчезнетъ и всякое чувство отвѣтственности, чувство долга, то станутъ невозможны всякія сношенія между людьми, основанныя «на вѣрѣ». И намъ думается, что наступила бы, выражаясь словами Герисена, «холодная жестокая жизнь». Рѣ пытается подтвердить свое пророчество утвержденіями, что и теперь вліяніе совѣсти на поступки людей почти совершенно прекратилось. Вѣроятно, большинство читателей, съ полнымъ правомъ могутъ протестовать противъ этого, ссылаясь на собственный опытъ. Тогда не нужны никакія доказательства, сознаніе рѣшаетъ само за себя.

Мы должны были отвергнуть ученіе Рѣ о происхожденіи совѣсти, ибо оно оказалось невѣрнымъ; это однако не мѣшаетъ намъ быть благодарными ему за его попытку разсмотрѣнія совѣсти, какъ результата чисто экономическаго развитія. Подобная, даже и неудавшаяся, попытка даетъ во первыхъ болѣе разностороннее освѣщеніе вопроса; во-вторыхъ именно такая попытка особенно обращаетъ наше вниманіе на то вліяніе, которое могутъ оказывать экономическія отношенія на образованіе этическихъ воззрѣній. До сихъ поръ съ этимъ факторомъ либо вовсе не считались, либо считались слишкомъ мало; въ дальнѣйшемъ мы попытаемся сдѣлать дѣйствительную оцѣнку его значенія.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Попытка позитивнаго обоснованія сущности совѣсти на основѣ наблюдаемыхъ явленій.

Въ этой заключительной главѣ мы попытаемся изложить въ общихъ чертахъ то, что намъ извѣстно о сущности совѣсти и ея развитіи изъ нашего собственнаго опыта и историческихъ фактовъ.

а) Совѣсть базируется на общей склонности человека чувствовать добро, какъ добро, и зло, какъ зло.

Обще-человѣческій зародышъ совѣсти.

Сопоставимъ два слѣдующіе факта:

1. Мы безусловно одобряемъ опредѣленные поступки и намѣренія и порицаемъ противоположные имъ, основываясь на своемъ своеобразномъ непосредственномъ чувствѣ, которое даетъ намъ понять, что одни поступки, какъ хорошіе, слѣдуетъ совершать, опредѣленные намѣренія, какъ добрыя, слѣдуетъ поддерживать, противоположные же имъ надо избѣгать.

2. Поступки и намѣренія, одобряемые или порицаемые этимъ чувствомъ у народовъ, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ культуры, у разныхъ круговъ общества и у отдѣльныхъ членовъ одной и той же общественной группы, не всегда одни и тѣ же. Не смотря на это однако у всѣхъ народовъ, стоящихъ на высшихъ ступеняхъ культуры существуетъ извѣстное, очень значительное и все растущее сходство въ оцѣнкѣ этихъ поступковъ, и, поскольку объ этомъ можно судить на основаніи опыта—оно не можетъ быть объяснено исключительно экономическимъ развитіемъ.

Отсюда мы можемъ заключить: всѣмъ людямъ обща однообразная склонность совѣсти, совѣсть покоится на врожденной склонности человека, благодаря которой онъ чувствуетъ добро, какъ хорошее и зло, какъ дурное.

Попытаемся путемъ сравненія пояснить это.

У человека есть много склонностей, изъ которыхъ, каждая въ отдѣльности хотя лишь съ одной стороны, можетъ быть сравнена съ этою склонностью.

Наше мышленіе, управляемое опредѣленными законами, совершается согласно опредѣленнымъ правиламъ. Если мы, напримѣръ, считаемъ какое либо дѣйствіе правильнымъ, то мы требуемъ отъ нашей мыслительной способности объясненія причинъ его. Это происходитъ отъ прирожденной склонности нашей умственной жизни, склонности, соответствующей дѣйствительному положенію вещей, которое такъ же подчинено законамъ, какъ и наше мышленіе. Каковы причины каждаго отдѣльнаго наблюдаемаго нами дѣйствія—это мы во всякомъ случаѣ узнаемъ лишь изъ опыта, изъ книги или отъ учителя. Но сама та законосообразность нашего мышленія, въ силу которой мы должны искать причины дѣйствія, та законосообразность нашего мышленія, которая соответствуетъ законосообразности вѣшняго міра не внесена въ насъ, а является совершенствующеюся врожденною склонностью. Не будь ея—никакой опытъ не помогъ бы: люди могли бы видѣть, наблюдать, но никогда они не находили бы вѣрной связи между наблюдаемыми явленіями, никогда они не научились бы понимать или дѣлать логическое умозаключеніе. Никогда они не пришли бы къ выработкѣ языка, на которомъ они могли

бы понимать другъ друга. Задача обученія и воспитанія заключается лишь въ развитіи этой врожденной способности.

Возьмемъ другую склонность изъ области чувства—музыкальную способность отличать гармоничное сочетаніе звуковъ отъ кокофоніи, которое всегда связано съ чувствомъ пріятности при вѣрныхъ аккордахъ и чувствомъ непріятности—при фальшивыхъ звукахъ. Эта способность у разныхъ людей въ различной степени врождена, различно развивается и достигаетъ полного развитія только при музыкальномъ упражненіи и обученіи дѣйствительно красивымъ музыкальнымъ звукамъ. Не имѣй мы этой способности, мы слышали бы звуки, но никогда не могли бы судить «прекрасны» они или «отвратительны».

Въ этомъ смыслѣ мы и говоримъ, что совѣсть врождена всякому, что человѣкъ склоненъ чувствовать добро, какъ хорошее, а противоположное ему—какъ дурное. Однако врождена совѣсть человѣку не въ томъ смыслѣ, что у человѣка всегда было сознаніе того, что онъ не долженъ красть, убивать и т. д. Возникновеніе этихъ принциповъ находится въ связи съ развитіемъ этой совѣсти, ея ростомъ и совершенствованіемъ.

Хотя наличность этой склонности несомнѣнна, мы однако не можемъ точно описать ее по двумъ причинамъ: во-первыхъ, если она уже такъ развита, что мы наблюдаемъ ее, то она находится постоянно въ процессѣ своего дальнѣйшаго развитія и во-вторыхъ, что вообще постоянно затрудняетъ научное обсужденіе нашего вопроса,—совѣсть по самому своему существу есть чувство; чувство же, сравните хотя бы чувства, пробуждаемыя въ насъ музыкой, живописью, поэзіей и т. д.—трудно поддаются описанію вообще, точному же описанію—не поддаются никогда, ихъ нужно переживать.

Эта нравственная склонность должна развиться у человѣка; если она не будетъ развита—она останется безъ вліянія; но если бы ея вовсе не было—то самое лучшее воспитаніе было бы безрезультатно. Нравственное воспитаніе предполагаетъ существованіе чего-то, что подлежитъ развитію, т. е. какого либо зародыша, всякому развитію долженъ предшествовать зародышъ. Если бы у ребенка не было этой этической склонности,—я не желалъ бы быть его воспитателемъ, такъ какъ не будь у него склонности къ самостоятельной, нравственной жизни, къ которой долженъ быть воспитанъ ребенокъ, нравственныя наставленія не имѣли бы точки опоры, они висѣли бы въ воздухѣ. Математику, счисленіе можно было бы преподавать такому ребенку, такъ какъ способность пониманія онъ получилъ отъ законовъ мышленія своего маленькаго мозга, но если бы мы стали знакомить его съ нравственнымъ ученіемъ, приводить ему примѣры нравственности и поощрять его поступать такъ же, онъ бы удивленно глядѣлъ на насъ, совершенно насъ не понимая.

Въ лучшемъ случаѣ воспитаніемъ можно было бы лишь способствовать выработкѣ у него того взгляда, что, такъ называемыя, нравственныя предписанія—въ общемъ суть полезныя совѣты, быть можетъ, такъ сказать, прекрасны; можно было бы, пожалуй, пробудить въ немъ нѣчто вродѣ благоговѣнія передъ изстари почитаемыми законами. Въ дѣтскомъ мозгу вѣроятно запечатлѣется сознаніе: этого и того не дѣлають, оно не красиво, этого не дѣлали и мои родители. Но никогда ребенокъ этотъ не придетъ къ сознанію: ты долженъ дѣлать это, а не то; было бы необъяснимо именно у дѣтей такое тонкое чувство справедливости и несправедливости и т. п., если бы оно не было врождено имъ. Знаніе того, что

за опредѣленные поступки государствомъ установлены наказанія, могло бы отразиться въ сознаниі: если кто-нибудь уличенъ въ такихъ-то и такихъ-то поступкахъ, государство примѣняетъ свою власть, наказуя его, но никогда оно не вызоветъ неизбежнаго сознания того, что я не долженъ это дѣлать, сознания несправедливости этого поступка, сознания долга. Дурной поступокъ можетъ вызвать чувство стыда отъ сознания того, что ты поддался мимолетной страсти вопреки благоразумію, чувство досады благодаря совершенной глупости, чувство печали изъ за того, что огорчилъ уважаемыхъ людей, если они видѣли этотъ поступокъ. Люди, на основаніи какихъ-либо предубѣжденій, отрицающіе моральную склонность человѣка, оказываются стоящими какъ передъ загадками даже передъ дѣйствительными фактами нашей внутренней жизни, которые по ихъ рецепту, вообще не могутъ быть объяснены.

б) Образованіе опредѣленныхъ нравственныхъ принциповъ.

У насъ далѣе встаетъ вопросъ: какимъ же образомъ человѣческій мозгъ, на основаніи этого ощущенія добра и зла, развившагося изъ упомянутой склонности человѣка, можетъ выработать опредѣленные нравственные принципы? Мы хотѣли сказать, что первоначальное простое участіе совѣсти относится скорѣе къ области ощущеній, чувствованій; въ всѣхъ случаяхъ, съ которыми мы встрѣчаемся (или при самооцѣнкѣ или оцѣнкѣ нашей собственной воли) у насъ въ совѣсти возникаетъ лишь ощущеніе «хорошо», «дурно», напротивъ, нравственные принципы, представленіе о законѣ морали, лежатъ въ нашемъ разумѣ, въ мышленіи. Это происходитъ слѣдующимъ образомъ:

Какой-либо опредѣленный поступокъ вызываетъ у насъ своеобразное чувство непріятности, какъ бы боли; другой—такое же своеобразное чувство радости, удовлетворенія, веселья. Наша мысль это своеобразное чувство, отличное отъ другихъ чувствъ радости или печали, выражаетъ словами хорошо или дурно. Но такъ какъ при мышленіи мы охотно обобщаемъ, охотно вырабатываемъ общія положенія, располагаемъ всѣ явленія съ вышихъ точекъ зрѣнія, то наше мышленіе выноситъ общее сужденіе: какъ эти такъ же дурны, (либо хороши) и всѣ другіе подобные поступки. Когда наша совѣсть испытываетъ новыя переживанія и мы, сообразно этому произносимъ новыя нравственные сужденія, нашъ разумъ снова располагаетъ ихъ согласно опредѣленнымъ точкамъ зрѣнія, какъ то: съ точки зрѣнія долга, любви къ ближнему, правдивости и т. д. Короче говоря, мы, благодаря дѣятельности совѣсти, создаемъ себѣ вполне законченный законъ морали. И на этотъ, созданный путемъ опыта законъ переходитъ кое-что изъ абсолютности сужденій совѣсти; отдѣльныя велѣнія его до извѣстной степени объединены въ нашемъ сознаниі съ тѣми ощущеніями, которые переживаетъ обыкновенно наша совѣсть, благодаря дурнымъ или хорошимъ поступкамъ. Тѣмъ не менѣе законъ морали остается тѣмъ то отвлеченнымъ. На практикѣ же всегда бываетъ такъ, что не нашъ умъ самостоятельно, спокойно вырабатываетъ этотъ законъ, а мы знакомимся съ нимъ извнѣ, и, если его одобрить наша совѣсть, онъ становится нашимъ закономъ, въ который мы вносимъ лишь нѣкоторыя поправки *).

*) Слѣдуя древнимъ и современнымъ популярнымъ оборотамъ рѣчи, мы часто говоримъ о „совѣсти“ въ аллегорическихъ выраженіяхъ. Надѣемся, это не породитъ недоразумѣній. Никто, конечно, не думаетъ, что „совѣсть“—

Ну, а людодѣды? А заблуждающаяся совѣсть? А различныя нравственныя воззрѣнія у различныхъ народовъ?

Перейдемъ къ людодѣдамъ и имъ подобнымъ. Намъ нѣтъ надобности, прежде всего, уходить такъ далеко. Намъ достаточно обратиться къ нравственнымъ воззрѣніямъ фабричныхъ бароновъ Англіи конца XVIII вѣка, называвшихъ «своихъ» рабочихъ — „руками“ и обрашавшихся съ ними часто такъ, что быстрое пожирание ихъ людодѣдами было бы вѣроятно не хуже для нихъ, и это считалось въ порядкѣ вещей. Какъ же возможно, чтобы нравственная склонность человѣка, долженствующая толкать его къ добру, была бы настолько заглушена, что люди совершаютъ спокойно постыднѣйшіе поступки и при этомъ съ наивностью доказываютъ свою правоту?

Болѣе удивительно было бы, если бы случилось обратное этому. — Мы видѣли, что совѣсть не заключаетъ въ себѣ общихъ нравственныхъ вѣлній, что ни у одного человѣка нѣтъ въ сердцѣ врожденной скрижали съ десятью или двадцатью заповѣдями, съ которой достаточно было бы лишь считывать ихъ. Совѣсть — это лишь склонность, которая развивается, которая должна совершенствоваться, а значитъ и можетъ быть совращена. Когда она находится въ развитомъ состояніи работа ея заключается въ томъ, что въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда человѣкъ останавливается передъ опредѣленнымъ желаніемъ она даетъ ему понять, что хорошо и что дурно. Въ этомъ именно и заключается ея поразительное своеобразие. Опредѣленные, общіе, выраженные словами законы никогда не могутъ быть вполнѣ приноровлены къ отдѣльнымъ случаямъ. „Если два человѣка дѣлаютъ одно и то же — это не одно и то же“ — гласитъ латинская пословица, и мы можемъ къ этому прибавить, что и одинъ человѣкъ никогда въ теченіе всей своей жизни не принимаетъ дважды одного и того же рѣшенія: его развитіе и постоянное измѣненіе внѣшнихъ обстоятельствъ

это какое то существо, сидящее въ мозгу или въ груди человѣка, что оно въ дѣйствительномъ смыслѣ слова „призываетъ“ его къ чему-либо или „предостерегаетъ“ отъ чего-либо, что она можетъ „спать“ или „бодрствовать“. Однако, мы не можемъ удовольствоваться взглядомъ на совѣсть лишь какъ на „способность души“. Мы наблюдаемъ изъ душевной внутренней жизни человѣка только происшествія, душевныя проявленія, какъ-то: ощущенія, представленія, чувства, проявленія воли. Мы говоримъ о „совѣсти“ человѣка съ тѣмъ же правомъ, съ какимъ мы говоримъ о „волѣ“ человѣка, не желая этимъ овеществить или персонифицировать предрасположеніе человѣка. (Съ точки зрѣнія психологіи отдѣльныя движенія совѣсти должны быть проанализированы: это своеобразное чувство, сопровождающее воображеніе объ опредѣленныхъ поступкахъ, чувство, на основаніи котораго, путемъ дальнѣйшихъ связей создается сознаніе долга; или же (послѣ совершенія поступка), это однородное же настроеніе совѣсти, порожденное воспоминаніемъ. Такъ какъ чувства, связанныя съ извѣстными представленіями, продолжаютъ часто жить въ сознаніи и послѣ того, какъ само представленіе вмѣстѣ съ окончаніемъ физическаго происшествія прекратилось или еще въ недостаточно ясной формѣ достигло нашего сознанія, то намъ становится понятнымъ постоянство и кажущееся непосредственнымъ возникновеніе движеній совѣсти. Мы должны отказаться покуда отъ дальшаго идущаго анализа совѣсти въ смыслѣ современной экспериментальной и фізіологической психологіи. До сихъ поръ не было сдѣлано попытки такого анализа и онъ намъ представляется невозможнымъ въ настоящее время. До сихъ поръ область этой психологіи ограничивалась простыми физическими явленіями и именно въ области чувствъ работа эта пошла слишкомъ недалеко, чтобы мы отважились на теоретизированіе).

совершенно исключаютъ возможность полного совпаденія двухъ желаній; ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ на деревѣ двухъ вполне одинаковыхъ листьевъ. Мы видѣли однако, что человѣкъ склоненъ къ обобщенію и если совѣсть его въ двухъ весьма сходныхъ случаяхъ вынесла одинаковое рѣшеніе—человѣкъ готовъ на основаніи этихъ случаевъ и всѣхъ другихъ, кажущихся его разуму аналогичными случаями, установить правило, которое, по его мнѣнію, соотвѣтствуетъ рѣшенію совѣсти. Если онъ и впослѣдствіи придерживается этихъ правилъ, не спрашивая каждый разъ свою совѣсть—то становится яснымъ, какъ мѣсто совѣсти у него занимаютъ правила, не вполне примѣнимыя къ отдѣльнымъ случаямъ и не безупречныя сами по себѣ.

Разсмотрѣвъ это, мы перейдемъ къ дальнѣйшему, чтобы подойти къ «заблуждающейся» или «уродливой» совѣсти, съ тѣмъ чтобы подойти затѣмъ и къ людодѣмъ.

Готовые формулы закона морали, которые отодвигаютъ совѣсть, часто не являются результатомъ собственной работы мысли, а переходятъ отъ родителей, священниковъ и т. д. въ облаченіи святого авторитета, заимствуются у общественнаго мнѣнія, такъ сильно импонирующаго человѣку или отъ какого либо „великаго человѣка“, представляющагося авторитетнымъ, чарами своей личности овладѣващаго и совѣстью. Это отчасти выясняетъ тотъ фактъ, что опредѣленные времена, отдѣльные народы, отдѣльные слои общества могутъ имѣть свой особый кругъ моральныхъ воззрѣній, весьма мало совпадающихъ съ истиннымъ добромъ.

Пойдемъ дальше. Человѣкъ отъ природы эгоистъ, легко поддается минутнымъ прихотямъ, въ достаточной степени лѣнивъ и склоненъ еще ко многимъ другимъ порокамъ, порицаемымъ совѣстью. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда перенятые нравственные предписанія, общественное мнѣніе и т. д. осуждаютъ какую либо группу дурныхъ поступковъ менѣе строго, нежели сама совѣсть, или даже оправдываютъ ихъ — человѣкъ, если онъ не являетъ собою сильной нравственной натуры, — склоненъ не считаться съ требованіями совѣсти, обманывать себя, оправдываясь ссылкой на другихъ, «которые должны во всякомъ случаѣ знать это». Въ худшемъ случаѣ еще какіе-нибудь льстецы увѣряютъ его въ томъ, что „конечно онъ правъ“. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени онъ можетъ сжиться съ цѣлымъ рядомъ „нравственныхъ“ убѣжденій, противорѣчащихъ первоначальному направленію его совѣсти, но все же считающихся нравственными принципами. Возможно также, конечно, что когда-либо совѣсть его освободится отъ своихъ путъ и объяснить человѣку,—все что ты дѣлаешь — несправедливо. Вообще о совѣсти можно сказать то же, что и о членахъ нашего тѣла: если она остается безъ употребленія—она становится все слабѣе и слабѣе и по истеченіи многихъ поколѣній она можетъ выродиться въ жалкій остатокъ совѣсти.

Дальше. Мы говорили уже (и еще разъ вернемся къ этому), что на развитіе нравственной склонности, называемой совѣстью, особенное вліяніе оказываетъ развитіе социальныхъ отношеній. Каковы же социальные условія у островитянъ Тихаго океана?

Это люди, въ теченіе цѣлаго дня занятые развѣ лишь точеніемъ своихъ топоровъ и приготовленіемъ стрѣлъ, такъ какъ они окружены со всѣхъ сторонъ врагами, такими же людодѣми, какъ и они сами; люди, для которыхъ мать-природа сдѣлала ненужными самыя примитивныя мысли для веденія своего частнаго или племеннаго хозяйства, которые,

такимъ образомъ, остались такими же неразвитыми, какъ родились, и умѣютъ лишь вести войны и охотиться за животными; было бы во всякомъ случаѣ удивительно, если бы у этихъ людей развился зародышъ совѣсти. Примѣры людоедства не являются доказательствомъ, опровергающимъ тотъ фактъ, что всѣмъ людямъ врожденъ зародышъ совѣсти, то же обстоятельство, что люди могутъ стать нравственными людьми, что установлено исторіей миссіонерства, является доказательствомъ существованія и у этихъ племенъ зародыша совѣсти, находящагося въ дремотномъ состояніи. Нѣкоторыя черты «дикихъ», которые все же хорошіе люди, указываютъ на то, что у нихъ въ иныхъ случаяхъ совѣсть пускаетъ свои ростки.

Такимъ образомъ, ни тотъ фактъ, что существуетъ «заблудшая» совѣсть, ни тотъ фактъ, что у нѣкоторыхъ народовъ существуютъ самыя ужасныя воззрѣнія на достойное похвалы и достойное порицанія, не могутъ служить доказательствомъ противъ существованія зародыша совѣсти и его стремленія къ истинному добру. Такъ же какъ существуетъ дѣйствительное въ противоположность кажущемуся, такъ же навѣрно существуетъ добро въ противоположность злу. Если бы кто-нибудь сказалъ: «Пошересы *) придерживаются иного взгляда на затменіе солнца, чѣмъ мы, другіе народы смотрятъ на него еще иначе,—кто можетъ знать, у кого истина?»—мы поглядѣли бы на этого добраго человѣка съ удивленіемъ. Мы знаемъ, что наша вышколенная, развитая способность мышленія приводитъ насъ ближе къ истинѣ, чѣмъ неразвитой разумъ южно-американскаго племени. Столь же нелѣпо было бы утверждать: «Другіе народы—другіе нравы, кто не знаетъ гдѣ истинное добро? Въ дѣйствительности добро, быть можетъ, лишь пустая фантазія». Мы знаемъ, что обладаемъ болѣе чистымъ чувствомъ, болѣе просвѣтленнымъ пониманіемъ добра и зла, что наша совѣсть лучше чувствуетъ и въ силу этого наша мысль способна выработать болѣе вѣрные нравственные принципы, чѣмъ мысль людоеда. Произошло это потому, что мы прошли тѣ ступени развитія, которыя способствовали развитію зародыша совѣсти, а они нѣтъ.

Во всемъ своемъ развитіи этотъ зародышъ совѣсти стремится къ добру. Правильный ростъ его можетъ быть задержанъ, можетъ быть соvrращенъ съ вѣрнаго пути и все же съ удивительнымъ упрямствомъ онъ сохраняетъ это стремленіе къ добру. Совѣсть часто сравнивали съ магнитной стрѣлкой компаса: поді внѣшнимъ давленіемъ она можетъ быть выведена изъ своего естественнаго направленія, но въ ней все-таки сохраняется стремленіе къ сѣверу.

с) Силы въ жизни народовъ и въ жизни отдѣльныхъ индивидовъ, препятствующія, способствующія и направляющія развитіе совѣсти.

Что же вызываетъ ростъ зародыша совѣсти, вліяетъ на развитіе ея, а стало быть при опредѣленныхъ обстоятельствахъ и направляетъ ее на должный путь?

Въ жолудѣ—зародышъ дуба. Для того, чтобы выросъ дубъ зародышъ его долженъ получить самое разнообразное питаніе изъ земли и изъ воздуха; ему нужны и солнечный свѣтъ и дождь, и осенняя буря и зной лѣтнаго дня. Если не положить его въ землю—изъ него вообще ничего

*) Такъ называютъ дикихъ, обитающихъ острова Огненной Земли.
Прим. перев.

не выйдетъ; если положить его въ цвѣточномъ горшкѣ въ погребѣ—онъ въ лучшемъ случаѣ дастъ нѣсколько хилыхъ ростковъ; если вырастить его на свободѣ, то при неблагоприятныхъ для него условіяхъ—изъ него не будетъ царственного дуба, а лишь низкій сильно развѣтвившійся кустарникъ. Чтобы изъ зародыша развился стройный здоровый дубъ, необходимо много благоприятныхъ условій. Главное же, благодаря чему можетъ произойти вообще какое-либо развитіе жолудя, что ставить развитіе это въ опредѣленные рамки заключается въ способности жолудя стать дубомъ.

Зародышъ совѣсти для своего развитія нуждается конечно прежде всего въ почвѣ, на которой онъ развивается. Эта почва—соціальная жизнь, сожителство съ другими людьми. Робинзонъ могъ поступать на своемъ островѣ когда ему представлялся случай «по совѣсти», такъ какъ онъ былъ уже нравственно-развитымъ человѣкомъ до того, какъ его корабль потерпѣлъ аварію. Будь онъ ребенкомъ высаженъ на этотъ островъ въ общество стада козъ—изъ зародыша его совѣсти получилось бы то же, что изъ жолудя, не попавшаго въ землю. Во второй части книжки мы приведемъ примѣры вліянія соціальныхъ отношеній на развитіе совѣсти.

Для того, чтобы совѣсть росла, необходимо также сознаніе способности мышленія. Поступки, предстоящіе предъ судомъ совѣсти должны быть ясны уму. Онъ долженъ знать ихъ происхожденіе въ волѣ, какъ они совершались, ихъ возможныя или неизбѣжныя послѣдствія. Далѣе мы видѣли, что отдѣльные нравственные законы, созданные мыслительнымъ путемъ, находятся въ тѣсной связи съ самою совѣстью, почему и вполне понятно обратное вліяніе образованія разума на образованіе совѣсти.

Вліяніе религіи, исповѣдуемой человѣкомъ на развитіе его совѣсти также очень велико; подробнѣе мы поговоримъ объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

Въ меньшей, но все же въ значительной степени вліяютъ на развитіе совѣсти и расовыя и племенные особенности, состояніе наукъ и искусствъ, наконецъ климатъ, качество почвы и т. д.

Таковы приблизительно главные факторы, вліявшіе на историческое развитіе совѣсти. Изъ того, что сами эти факторы развились въ исторіи каждаго народа и становится понятнымъ различіе историческаго развитія совѣсти у разныхъ соціальныхъ союзовъ.

Всѣ эти факторы обуславливаютъ и опредѣляютъ конечно и развитіе совѣсти у отдѣльнаго индивидуума, но на ряду съ ними есть еще два рода факторовъ, оказывающихъ на него вліяніе. Съ одной стороны то особое положеніе, которое занимаетъ человѣкъ въ соціальной группѣ оказываетъ конечно свое особое вліяніе; сюда относится вліяніе господствующихъ нравовъ и законовъ, вліяніе окружающей среды, въ особенности же тѣхъ лицъ, которыхъ онъ особенно чтитъ. Какое вліяніе оказываетъ воспитаніе на подростающее поколѣніе—это извѣстно всѣмъ. Съ другой стороны развитіе совѣсти обуславливается и факторами, заключающимися въ самомъ человѣкѣ—его поломъ, характеромъ, природными склонностями и интересами и въ особенности силою воли, которою онъ заставляетъ себя подчиняться развивающейся совѣсти. Придавая этому фактору важнѣйшее значеніе въ развитіи совѣсти отдѣльнаго взрослого человѣка, мы заключимъ слѣдующимъ:

Судьбу своей совѣсти человѣкъ до извѣстной степени держитъ въ своихъ рукахъ. Если онъ не хочетъ имѣть совѣсти—онъ можетъ достигнуть этого, хотя и безъ увѣренности въ полномъ успѣхѣ. Это заглушеніе

совѣсти, какъ мы уже говорили, не всегда надежно, такъ какъ иногда повидимому умершая совѣсть пробуждается и можетъ очень жестоко отомстить своему угнетателю. Если же человекъ хочетъ развить въ себѣ эту драгоценную способность—онъ можетъ достигъ этого, поступая всегда сообразно велѣніямъ своей совѣсти. Вспомнимъ уже употребленное нами сравненіе совѣсти съ частями тѣла: чѣмъ больше и лучше упражнять ихъ тѣмъ крѣпче и полезнѣе они будутъ. Дѣло нашей воли—хотимъ ли мы имѣть проводника къ истинному, доброму, прекрасному—или нѣтъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Совѣсть въ свѣтѣ социалистическаго міровоззрѣнія.

Предварительное замѣчаніе.

На основаніи своихъ историческихъ и экономическихъ научныхъ занятій авторъ пришелъ къ тому убѣжденію, что современныя хозяйственныя и общественныя отношенія развиваются въ направленіи социалистическомъ. Но эта книжка не заключаетъ въ себѣ ни доказательствъ справедливости или необходимости «социалистическаго міровоззрѣнія», ни защиты его отъ возможныхъ нападокъ или противоположныхъ взглядовъ.—Далѣе авторъ категорически заявляетъ, что настоящая книжка не является политической, или агитаціонной, а тѣмъ менѣе учебникомъ; цѣль ея собрать матеріалъ и предоставить его читателю, который уже самъ сдѣлаетъ изъ него выводы для своего познанія и поведенія. Чѣмъ болѣе критически отнесется онъ къ этой книжкѣ и чѣмъ „добросовѣстнѣе“, онъ будетъ поступать согласно выработаннымъ сужденіямъ, тѣмъ болѣе полно будетъ достигнута цѣль этой книжки, авторъ которой является лишь сотрудникомъ въ этой работѣ читателя.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Міровоззрѣніе.

Что надо понимать подъ социалистическимъ міровоззрѣніемъ?

Міровоззрѣніе въ широкомъ значеніи этого слова—это сумма нашихъ познаній и мыслей, касающихся сущности и жизни вселенной и въ особенности касающихся нашего положенія въ ней. Этотъ комплексъ мыслей при нормальномъ развитіи не остается безъ вліянія и на наше сознаніе, но онъ дѣйствуетъ одновременно и на наши чувства и на наши желанія. На наши чувства — оказывая вліяніе на то, какъ мы ощущаемъ все, касающееся насъ, на нашу волю,—приводя ее къ опредѣленнымъ прочнымъ принципамъ и придавая, такимъ образомъ, опредѣленное направленіе отдѣльнымъ нашимъ поступкамъ.

Выраженіе „социалистическое міровоззрѣніе“, собственно не совсѣмъ точно. Разъ наше міровоззрѣніе охватываетъ всѣ наши и установившіяся представленія о мірѣ, то конечно не всѣ эти воззрѣнія у социа-

листовъ приобѣтають особую социалистическую окраску. Такъ напримѣръ, въ области естествоиспытанія въ высшей степени безразлично социалистъ ли изслѣдователь или нѣтъ. Но съ другой стороны вліяніе социализма далеко не ограничивается областью чисто социальнo-политическихъ вопросовъ. Такъ уже въ области исторіи далеко не безразлично социалистъ ли изслѣдователь, или манчестерецъ, или это человѣкъ съ патриархально-консервативными тенденціями: социалистъ разсматриваетъ заранѣе все прошлое нѣсколько иначе, чѣмъ его противники; его особенно интересуютъ тѣ частности, которые кладутъ особенный отпечатокъ и на общую картину, онъ особенно умѣло отыскиваетъ связь событій и т. д.

Однако, не смотря на то, что выраженіе „социалистическое мировоззрѣніе“ не вполнѣ безупречно и способно породить то недоразумѣніе, что достаточно быть социалистомъ, чтобы имѣть опредѣленное установившееся сужденіе обо всемъ на небѣ и на землѣ, мы все же будемъ пользоваться имъ, такъ какъ оно наиболѣе подходяще для насъ теперь; возможность же указаннаго недоразумѣнія, думаемъ, предотвращена этою замѣткою.

Социалистическое мировоззрѣніе.

Установимъ что же слѣдуетъ разумѣть подъ социалистическимъ мировоззрѣніемъ. Мы охватываемъ этимъ выраженіемъ:

1) Сознаніе того: а) что основой всей культуры народа является его социальное положеніе, что экономическое развитіе оказываетъ, часто рѣшающее вліяніе на его духовную жизнь, что, такимъ образомъ, слѣдствіемъ экономическаго развитія является развитіе политическихъ и правовыхъ воззрѣній и институтовъ и что оно оказываетъ большое вліяніе на исторію религіозной жизни, нравственныхъ воззрѣній; философской мысли, искусства и т. д.; б) что экономическое развитіе совершается согласно опредѣленнымъ въ немъ самымъ заложеннымъ законамъ;—с) что мы въ настоящее время стоимъ у порога того періода развитія, который, въ отличіе отъ предшествующаго частно-капиталистическаго или индивидуалистическаго, называютъ социалистическимъ.

2) Социалистическая воля, въ томъ отношеніи, что мы лично въ большей или меньшей степени отдаемъ служенію этому развитію, какъ извѣстно можетъ имѣть различныя формы при чемъ уже теперь мы стараемся елико-возможно, ослабить наблюдаемую нами нужду.

3) Социалистическое чувство, благодаря которому мы смотримъ на людей какъ на своихъ братьевъ и сестеръ, сострадаемъ вмѣстѣ со всѣми, находящимися теперь подъ гнетомъ устарѣвшаго, но все еще сохраняющагося экономическаго строя, и благодаря которому мы чувствуемъ социализмъ своимъ личнымъ дѣломъ.

Къ счастью не существуетъ «нормальнаго социалистическаго мировоззрѣнія». Пониманіе законовъ народнаго хозяйства различно въ зависимости отъ способностей, образованія, прилежанія и т. д., да и вообще социалистическое мировоззрѣніе въ отдѣльныхъ случаяхъ всегда получаетъ личную окраску (что, конечно не исключаетъ соглашенія для совмѣстной дѣятельности въ практической жизни).

Разсмотрѣть совѣсть «въ свѣтѣ социалистическаго мировоззрѣнія» это значитъ отвѣтить на вопросъ: какъ социалистъ, какъ таковой смотритъ на совѣсть или какова связь между социализмомъ и совѣстью? Удобнѣе, однако, будетъ раздѣлить этотъ общій вопросъ на два, болѣе опредѣлен-

ные: 1) какое значеніе имѣетъ совѣсть для социализма, для пріобрѣтенія, сохраненія и развитія социалистическаго міросозерцанія и для осуществленія и организациі социалистическаго строя, и 2) какое значеніе имѣетъ и, вѣроятно, будетъ имѣть социализмъ на развитіе совѣсти. Первому вопросу мы посвятили вторую главу этой части, второму отношенію— третью главу.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Значеніе совѣсти для социализма.

а) *Въ настоящемъ.*

Социализмъ, какъ дѣло совѣсти.

Социалистическое міровоззрѣніе ведетъ еще повсюду борьбу. Экономическія отношенія въ которыхъ мы живемъ, и соотвѣтствующія имъ воззрѣнія болѣе или менѣе четко отпечатались на прошломъ общества и на этомъ прошломъ надпись гласитъ: «исторія сознательной экономической борьбы за существованіе». Мы не имѣемъ желанія еще разъ рассказывать эту исторію, мы доживаемъ уже конецъ ея.

Но мы и теперь еще «живемъ въ буржуазномъ обществѣ», поэтому социалистическое міровоззрѣніе и ведетъ борьбу съ наиболѣе существенными старыми воззрѣніями. Возвышеніе, съ котораго социалистъ разсматриваетъ развитіе всемірной исторіи осаждается, при случаѣ штурмуется одѣтыми въ пеструю форму толпами со знаменами, украшенными прекрасными словами. Кругомъ враги.

Но постоянно подходятъ новые полки на помощь осажденнымъ. Что же ихъ, этихъ новыхъ пришельцевъ заставляетъ разсматривать міръ также въ свѣтѣ социализма, и согласно социалистическому міровоззрѣнію, мыслить, чувствовать, желать, дѣйствовать, бороться? Заставляютъ ихъ разнообразнѣйшія факторы. Насколько различны люди, настолько же разнообразно и то, что приводитъ ихъ, сознательно или безсознательно, къ социалистическому міровоззрѣнію. Мы займемся здѣсь лишь однимъ изъ этихъ мотивовъ, однимъ основаніемъ—совѣстью.

Мы не думаемъ говорить здѣсь исключительно объ «идеалистахъ изъ буржуазіи». Къ социалистической партіи могутъ причислять себя иныя люди, напримѣръ, исключительно изъ тѣхъ соображеній, что они ничего не потеряютъ отъ этого, можетъ же случиться, что судьба улыбнется имъ здѣсь; но они не товарищи социалистическаго міровоззрѣнія. Социалистомъ можетъ себя называть всякій на основаніи изученія Маркса, пришедшій къ тому научному убѣжденію, что Марксъ вѣрно установилъ законы экономическаго развитія и что согласно этимъ законамъ социалистическій хозяйственный строй неизбеженъ; но одно это научное убѣжденіе не создаетъ еще социалистическаго міровоззрѣнія, въ жизни оно можетъ быть связано, напримѣръ, съ самымъ низкимъ эгоизмомъ.

Социалистическое міровоззрѣніе можетъ быть только у того, кто на ряду съ другими необходимыми предпосылками, по социалистически мыслить, чувствуетъ, желаетъ, поступаетъ во имя совѣсти.

Это не всегда ясно сознается имъ. Большинство, вѣроятно, предпочтутъ говорить о «чувствѣ справедливости», «чувствѣ свободы» «сознаніи долга солидарности» и т. д. Но все это пустыя слова, если совѣсть не дастъ имъ содержанія и окраски.

Мы должны, однако, предотвратить возможное недоразумѣніе: современный социализмъ основывается не на такихъ отвлеченныхъ понятіяхъ, какъ «справедливость» или «свобода». Дѣло не представляется такъ, что теперь вдругъ нѣсколько талантливыхъ людей пришли къ мысли, что отношенія, существовавшія постоянно неразумны, несправедливы или недостойны «свободнаго человѣка» и вздумали изобрѣсти новый социальный строй, который бы больше соответствовалъ ихъ здравому понятію справедливости. Представители современного социализма основываютъ свои воззрѣнія въ гораздо большей степени на научныхъ познаніяхъ и рабочій классъ, борющійся въ первыхъ рядахъ за социализмъ дѣлаетъ это прежде всего благодаря естественному эгоизму *).

Но тѣмъ не менѣе мы утверждаемъ, что ни научное познаніе, ни эгоистическій классовый инстинктъ не создаютъ сами по себѣ социалистическаго міровоззрѣнія. Оно развивается только тамъ, гдѣ социализмъ сталъ дѣломъ совѣсти.

Старый голосъ совѣсти при измѣнившихся теперь условіяхъ требуетъ новаго. Пояснимъ это примѣромъ.

Совѣсть требуетъ справедливости!

Этотъ кличъ не новъ. Сто лѣтъ тому назадъ онъ гремѣлъ по всему свѣту, и многіе полагали громче и яснѣе, чѣмъ когда либо. „Совѣстли-

*) Подъ „научными познаніями“ мы понимаемъ здѣсь тотъ взглядъ на ходъ экономическаго развитія до сихъ поръ, который приводитъ къ сознанію невозможности сохраненія экономическихъ формъ послѣднихъ столѣтій, къ сознанію того, напр., факта, что періодическое перепроизводство и порождаемый имъ кризисъ, продолжительное пониженное народное потребленіе и безработица, — не случайны, а являются признакомъ несоответствія развившихся производительныхъ силъ экономической жизни тѣмъ формамъ, въ которыя хотятъ ихъ втиснуть. Если кто-либо позналъ, что социалистическая форма хозяйства болѣе соответствуетъ новымъ экономическимъ потребностямъ, чѣмъ частно-капиталистическая, если онъ знаетъ изъ исторіи, что формы хозяйства, хотя и медленно, но измѣняются, сообразно измѣнившимся потребностямъ то социализмъ представится ему исторически необходимымъ. Но такъ какъ это познаніе приобрѣтается путемъ историческихъ и экономическихъ изслѣдованій то мы вправѣ современный социализмъ въ отличіе отъ утопическаго называть научно-обоснованнымъ. — Идеи, теоріи осуществляются въ исторіи человѣчества не иначе, какъ путемъ воспріятія ихъ людьми путемъ мысли, чувства, желанія. То обстоятельство, что идея новаго социального строя быстрѣе и энергичнѣе всего воспринята пролетаріатомъ, объясняется, по нашему мнѣнію, прежде всего тѣмъ, что этотъ слой населенія больше всего терпѣлъ отъ вреда стараго строя. Такимъ образомъ мы видимъ въ естественномъ эгоизмѣ опредѣленнаго класса ту живую силу, которая необходима социализму для того, чтобы изъ простой идеи онъ сталъ бы дѣйствительно руководящимъ принципомъ общественнаго строя; тотъ эгоизмъ, который не ограничивается чисто экономическими благами, а заключаетъ въ себѣ исторически-неизбѣжное стремленіе къ общественному развитію „четвертаго сословія“. Достаточно ли одной этой силы для достиженія цѣли, это вопросъ особый, которымъ мы займемся въ дальнѣйшемъ. Въ выраженіи „достиженіе (или осуществленіе) социализма“ мы употребляемъ слово социализмъ, конечно, не для обозначенія придуманной нами схемы технической организаціи будущаго общества, а для характеристики тенденціи, духа, руководящаго принципа всѣхъ отдѣльныхъ преобразованій, долженствующихъ быть по социалистическимъ противопоставленнымъ индивидуалистическому принципу отошедшаго экономическаго періода. Такіе вопросы, какъ вопросъ о томъ, будетъ ли „социалистическое“ производство рационально во всѣхъ отрасляхъ хозяйства или нѣтъ насъ здѣсь не касаются.

вые“ экономисты и государственные мужи послѣдовали этому призыву. На основаніи всего настроенія времени, и въ особенности подъ влияніемъ того, что новыя еще тогда экономическія отношенія дѣлали необходимымъ предоставленіе отдѣльному человѣку большей свободы движенія, чѣмъ та, которую онъ пользовался раньше при господствѣ государственныхъ, общественныхъ и цѣловыхъ ограниченій, они пришли къ убѣжденію, что наибольшая справедливость, какую можно себѣ представить, заключается въ предоставленіи каждому человѣку возможно большей свободы поступковъ, въ возможно меньшемъ количествѣ предписаній. Дѣйствительно, интересы всѣхъ находились какъ бы въ самомъ умирительномъ согласіи; надо было только дать свободу распоряженія силами,—силами отдѣльныхъ людей. Каждый будетъ такъ счастливъ, какъ онъ того заслуживаетъ, такъ какъ фактически онъ самъ можетъ „заработать“ свое счастье. Пожеланіе было хорошо и результатъ весьма значителенъ для могущественнаго развитія экономической жизни; но въ этомъ, хорошо задуманномъ соображеніи съ самаго начала заключалось нѣсколько арифметическихъ ошибокъ. Главная ошибка заключалась въ томъ, что упускалось изъ виду, что экономическая борьба должна привести къ борьбѣ за существованіе, и что въ этой борьбѣ большинство выступаетъ совершенно нагимъ, обладающимъ лишь своими рабочими руками, другіе сносно одѣтыми, съ небольшимъ состояніемъ, унаслѣдованнымъ отъ отца, и очень немногіе въ тяжелыхъ панцыряхъ, вооруженные полными денежными сундуками и обладающими почти всѣми средствами производства. И эта ошибка расчета продолжалась въ теченіе вѣкового развитія народнаго хозяйства; результаты ея у насъ передъ глазами. Производительныя силы колоссально возросли, но несмотря на это мы видимъ ужаснѣйшую нищету въ самыхъ разнообразныхъ ея формахъ; видимъ народную массу въ состояніи недостойномъ ни ея трудоспособности, ни ея способностей вообще, видимъ самые широкіе слои населенія, вплоть до находящихся въ лучшемъ социальномъ положеніи, съ крайнимъ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ и даже сверхъ силъ борющимися за кусокъ хлѣба; видимъ тысячи и тысячи мужчинъ и женщинъ тщетно ищущихъ работы; видимъ улицы и „пріюты“, переполненные дѣтьми, а дома ихъ родителей закрытыми; видимъ сотни тысячъ людей съ ранняго утра до поздней ночи занятыхъ притупляющей работой, видимъ душныя, перенаселенныя жилища, разрушающія тѣло и душу. И каждый разъ, когда мы это видимъ, а видимъ мы это ежедневно, наша совѣсть взываетъ о справедливости.

Этотъ кличъ отдается рѣзче въ нашихъ ушахъ, чѣмъ у прежнихъ поколѣній, потому что нужда захватываетъ болѣе широкіе слои населенія, чѣмъ раньше. Кличъ сталъ яснѣе и отчетливѣе, потому что и мы стали другіе, другими стали воззрѣнія на человѣческія потребности, а наше пониманіе социальной справедливости выросло вмѣстѣ съ пониманіемъ строя экономической жизни.

Въ прошлыя столѣтія противоположность между богатымъ и бѣднымъ не была такъ рѣзка какъ теперь, трудъ не былъ такъ далеко отдѣленъ отъ средствъ производства; бѣднымъ при особомъ усердіи и удачѣ была открыта возможность подняться изъ своего положенія, перейти въ сравнительно лучше обставленное среднее сословіе, дѣйствительная же нужда смягчалась церковною благотворительностью и утѣшеніемъ охотно принимаемаго указанія на загробную жизнь. Тогда на кличъ совѣсти о социальной справедливости можно было легко откликнуться щедрымъ

подаяніемъ. Именно эта милостыня подчасъ впервые и пробуждала по настоящему совѣсть. „Я переживаю въ такихъ случаяхъ постоянно тяжелое чувство какъ будто стыда, и у меня всегда оставалось своего рода сознаніе своей вины“, рассказываетъ Толстой, и это ощущеніе знакомо многимъ изъ насъ.

Совѣсть требуетъ социальной справедливости: какъ въ общемъ создать таковую — этому надо учиться: совѣсть не заключаетъ въ себѣ политической экономіи. Если ты не узналъ еще этого — совѣсть требуетъ отысканія новыхъ путей познанія, если же путь найденъ — совѣсть заставляетъ идти имъ, хотя бы это было во вредъ твоему собственному благополучію.

Соціалистъ полагаетъ, что дорога имъ найдена, что онъ знаетъ какъ можетъ быть установлена социальная справедливость въ народной жизни, и совѣсть заставляетъ его отстаивать свои воззрѣнія.

На ряду со справедливостію, требованіемъ совѣсти является и свобода и она понуждаетъ того, «кто уважаетъ справедливость и свободу» идти тѣмъ новымъ путемъ, который ему кажется, ведущимъ къ свободѣ.

Тотъ экономическій строй, основой котораго была свободная конкуренція и свободный рабочій договоръ, показали міру, что не все то есть свобода, что носитъ имя свободы. Онъ долженъ былъ создать зависимость пролетаріата отъ своего хозяина, зависимость слишкомъ часто превращавшуюся въ закрѣпленіе и даже рабство. Онъ долженъ былъ создать также рабскую зависимость пролетаріата и отъ невидимой, но тѣмъ болѣе властно дѣйствующей, силы неурегулированного мірового рынка — спроса и предложенья. И въ то время, какъ въ одномъ мѣстѣ благоприятное стеченіе обстоятельствъ порождаетъ напряженіе всѣхъ рабочихъ силъ — мужчинъ, женщинъ и дѣтей до полного ихъ истощенія, въ другомъ мѣстѣ болѣе или меньшій кризисъ сразу выбрасываетъ на улицу сотни или тысячи рабочихъ; а разъ частно-капиталистическое производство въ силу самой своей сущности заставляетъ дѣлныя профессіи рабочихъ влечь самое жалкое существованіе и по необходимости поддерживаетъ безработную резервную промышленную армію, — то въ груди рабочаго просыпается страстное желаніе свободы, и не слѣдуетъ удивляться, если оно иной разъ переходитъ границы возможнаго и желательнаго среди людей идеала свободы и порождаетъ самыя неосновательныя надежды на будущее. — Совѣсть ихъ проста, но ясна и она главнымъ образомъ требуетъ «свободы!» Отъ чего и для чего свободы? Она требуетъ для людей свободы отъ опасности вынужденнаго голоданія, не смотря на желаніе работать, требуетъ свободы для удовлетворенія стремленія къ умственному образованію, требуетъ для женщинъ и дѣтей свободы развитія, сообразнаго съ ихъ природными склонностями, но прежде всего она требуетъ свободы для самой себя — совѣсти — свободы поступать чистосердечно, согласно своей совѣсти.

За свободою слѣдуетъ дальнѣйшее требованіе совѣсти — братство.

Въ мірѣ свободной конкуренціи крупная промышленность и возникновеніе мірового рынка придали борьбѣ за существованіе особую жестокость. «Съ побѣжденнымъ обращаются самымъ беспощаднымъ образомъ. Это — дарвиновская борьба за существованіе, перенесенная изъ природы въ человѣческое общество въ самомъ ужасномъ видѣ. Естественное положеніе животныхъ становится высшею точкой человѣческаго развитія» — говоритъ Энгельсъ. Совѣсть хочетъ видѣть людей обращающимися другъ съ другомъ не какъ дикія животныя, а какъ люди, нравственные личности

и совѣсть привѣтствуетъ прозвучавшій въ экономической жизни лозунгъ: общая работа! Другъ съ другомъ, другъ за друга, и всѣ за всѣхъ! Въмѣсто лозунга—борьба конкуренція съ ближними.

Вернемся еще разъ къ сказанному раньше. Соціалистическія убѣжденія, какъ мы уже говорили, сами по себѣ зависятъ отъ нашихъ экономическихъ познаній, но и при приобрѣтеніи этихъ познаній совѣсть играетъ свою роль. Именно въ этой области свободнаго научнаго изслѣдованія самъ характеръ изслѣдуемаго матеріала вызываетъ, какъ говоритъ Марксъ, самыя пылкія, мелкія, ненавистническія страсти, какія только живутъ въ груди человѣка, вызываютъ „фурій частныхъ интересовъ“.—Одинъ философъ XIX столѣтія сказалъ: „То, что человѣкъ выбираетъ для философіи зависитъ отъ того каковъ самъ этотъ человѣкъ“, а, не помню какой, экономистъ утверждалъ, что для изученія политической экономіи недостаточно имѣть голову, нужно имѣть и сердце. Съ равнымъ правомъ и мы говоримъ: уже познаніе и пониманіе сущности социализма есть дѣло разума и совѣсти.

б) Для будущаго.

Необходимость растущей „совѣстливости“ при развитіи социализаціи отношеній.

Уяснивъ на основаніи приведенныхъ выше соображеній значеніе совѣсти уже теперь для приобрѣтенія и развитія социалистическаго міровоззрѣнія, мы займемся вопросомъ: какое значеніе будетъ имѣть совѣсть для дѣйствительной социализаціи отношеній? Сдѣлаетъ ли новый социалистическій строй излишнею совѣсть отдѣльныхъ членовъ общества или совѣсть сдѣлаетъ благодаря новому строю какое-либо приобрѣтеніе?

Мы не располагаемъ фотографическимъ снимкомъ съ будущаго общества, организованнаго на социалистическихъ принципахъ. Какъ такое общество разовьется изъ современнаго на основѣ дальнѣйшаго развитія экономической жизни — мы не знаемъ. Мы знаемъ лишь тенденцію, направленіе этого развитія и мы стараемся, чтобы это развитіе шло быстрѣе и служило бы намъ, согласно нашему практическому пониманію и нашимъ, согласнымъ съ совѣстью, требованіямъ. Съ каждымъ шагомъ, пройденнымъ по пути этого развитія открывается новая картина взаимныхъ отношеній людей и заранѣе мы можемъ лишь представить, но не установить законы такимъ образомъ измѣнившейся хозяйственной жизни; и чѣмъ глубже мы вдумываемся въ это будущее развитіе, тѣмъ дальше мы уходимъ изъ области изслѣдованія въ область фантазій. Предоставимъ эту послѣднюю людямъ, обладающимъ даромъ поэтическаго творчества, въ которыхъ—благо—нѣтъ недостатка. Тѣмъ не менѣе на основаніи двухъ пунктовъ мы можемъ уже теперь утверждать, что дальнѣйшее развитіе совѣсти, приданіе большаго значенія совѣсти является вопросомъ жизни для реорганизаціи общества на социалистическихъ началахъ.

Съ прогрессирующимъ ростомъ социалистическаго хозяйства, жажда богатства или накопленіе его перестанетъ быть побудительнымъ факторомъ въ экономической жизни.—Адольфъ Вагнеръ, выставляетъ слѣдующія пять мотивовъ, побуждающихъ человѣка къ работѣ вообще и къ напряженной работѣ въ особенности; это: 1) экономическая польза... — боязнь убытка, нужды, голода; 2) страхъ передъ наказаніемъ... надежда на вознагражденіе; 3) чувство чести, тщеславіе—боязнь позора; 4) удовольствіе,

потребность въ трудѣ — бѣзпъ тоски, 5) чувство долга — боязнъ укоровъ совѣсти. — Теперь, сообразно экономическому порядку, основанному на свободной борьбѣ за существованіе — первый мотивъ — является самымъ главнымъ побудителемъ къ напряженной работѣ у огромнаго большинства людей. Только у людей, находящихся въ болѣе или менѣе обезпеченномъ социальномъ положеніи, какъ у чиновниковъ, солдатъ, находящихся въ обезпеченномъ положеніи умственныхъ тружениковъ и у отдѣльныхъ «идеалистически», пожалуй и у немного легкомысленно настроенныхъ людей, на ряду съ этимъ мотивомъ могутъ вліять въ равной степени и другіе мотивы, хотя и эти обыкновенно, не прочь «зашибить деньгу»... Когда осуществится основная мысль социализма, то каковъ бы ни былъ этотъ новый экономическій строй — первый побудитель къ усердію по всемъ предвидѣніямъ — не исчезнетъ, но онъ будетъ менѣе сильно проявляться, чѣмъ остальные, теперь слабо проявляющіеся. Несомнѣнно также и то, что удовольствіе отъ работы, потребность труда будутъ ощущаться сильнѣе съ уменьшеніемъ рабочаго времени при физической и умственной работѣ, которую всегда по желанію можно прервать, что надежда на вознагражденіе и честолюбіе могутъ значительно возрасти при созданіи соответствующихъ институтовъ, но несомнѣнно также и то, что все эти побудители одни не въ состояніи пополнить вполне такого побудителя, какимъ являлась экономическая польза. Чтобы дополнить этотъ недостатокъ, необходима больше всего чрезвычайная жизненность и энергія послѣдняго изъ перечисленныхъ побудителей — совѣсти. Теперь, при современныхъ экономическихъ отношеніяхъ, она «подъ вліяніемъ обстоятельствъ» постыдно отодвинута на задній планъ; социализмъ долженъ разбудить ее и держать всегда бодрствующей. Одна лишь совѣсть повелѣваетъ: ты долженъ посильно служить людямъ, ты долженъ честно исполнять ту обязанность, которая выпала на твою долю въ обществѣ. Въ совѣсти, карающей нерадивыхъ и заставляющей ихъ наверстать упущенное ими, въ живой совѣсти всехъ, которыхъ создаетъ соответствующее здоровое „общественное мнѣніе, въ ней заключается возможность социалистической общественной жизни, возможность, о которой столь многіе, коимъ нечего больше дѣлать, ломали себѣ голову. Выразимъ свою мысль въ болѣе определенной формѣ: развитіе требуетъ социализма, но социализмъ возможенъ только при развитіи полной „совѣсти“ людей.

Должны ли, ради этого, люди сразу превратиться въ ангеловъ. Такъ же мало, какъ «чисто социалистическое обезжитіе» наступитъ мгновенно. Для того, чтобы мы стали гражданами социалистическаго государства необходимо образованіе и самовоспитаніе, которое требуетъ времени, и оно должно идти нога-въ-ногу съ прогрессирующимъ развитіемъ экономическихъ отношеній. Идеаль социализма — чисто братская совмѣстная работа — можетъ быть осуществленъ только людьми съ безукоризненною совѣстью и самообладаніемъ, чувство долга у которыхъ стало ихъ второю натурой. Мы не касаемся вопроса — будетъ ли когда-нибудь осуществленъ этотъ идеаль во всемъ его объемѣ, во всей его глубинѣ, мы довольствуемся тѣмъ, что находимся въ началѣ того развитія, которое идеальною цѣлью своей считаетъ достиженіе этого.

Насколько совѣсть является необходимымъ фундаментомъ при постройкѣ социалистическаго общества, настолько же необходимо сотрудничество ея при разработкѣ отдѣльныхъ частей этой постройки.

Представимъ себѣ общество, которое отдѣльные свои институты соз-

даетъ съ точки зрѣнія общаго блага. При этомъ въ большей степени будутъ считаться съ требованіями народной гигиены, съ сохраненіемъ и развитіемъ физическаго здоровья народа, чѣмъ это возможно при экономической борьбѣ. То же должно быть и относительно здороваго развитія нравственныхъ воззрѣній и нравственной жизни. Всѣ общественные институты, имѣютъ вліяніе на нравственность отдѣльныхъ лицъ. Если общество ставить себѣ цѣлью преслѣдованіе общаго блага, то его общественныя институты, должны быть таковы, чтобы они развивали нравственное здоровье отдѣльныхъ людей. Масштабомъ для измѣренія нравственнаго вліянія этихъ институтовъ является совѣсть. Соціалистическое общество можетъ быть жмзнеспособнымъ, только при условіи, что носители его—люди совѣсти.

с) Вытекающіе отсюда практическіе выводы.

Мы видѣли, что значеніе совѣсти для социализма очень велико, настолько велико, что большимъ нельзя было бы представить его себѣ. Этимъ опредѣляется то положеніе, которое социализмъ долженъ занять по отношенію къ совѣсти.

Обогащеніе знаніями и просвѣщеніе хороши, необходимы, но образованіе совѣсти необходимо въ такой же степени. Воодушевленіе громадныхъ народныхъ массъ прекрасно и возвышающе дѣйствуетъ, но еще большую цѣнность имѣетъ личное самовоспитаніе. Нельзя обойтись безъ пламенныхъ агитаціонныхъ рѣчей на многочисленныхъ рабочихъ собраніяхъ, но еще въ меньшей степени можно обойтись безъ тѣхъ тяжелыхъ рѣшеній, къ которымъ приходится социалистъ, въ своей тихой коморкѣ во имя долга, разставаясь съ чѣмъ-либо дорогимъ ему, или поступая вопреки своимъ склонностямъ, дѣлая все это безъ громкихъ фразъ и вѣроятно, не приводя себя въ состояніе воодушевленія. Для всего живого необходимо медленное развитіе и социалистическое міровоззрѣніе, поэтому, заставляетъ уже теперь приняться энергично за нравственное самовоспитаніе, если же оно уже начато—не прекращать его. Передъ нами великое будущее. Быть можетъ никогда народныя массы не были призваны рѣшать такую великую проблему, какъ современный пролетаріатъ. Это должно насъ заставить пріобрѣсти тѣ моральныя силы, которыя такъ нужны будущему. Если этого желанія нѣтъ—то нелѣпы всѣ разговоры о социалистическомъ міровоззрѣніи.

Мы особенно напираемъ на это не потому, что мы думаемъ, что пролетаріатъ состоитъ изъ худшихъ людей, чѣмъ другіе классы, а исключительно потому, что съ одной стороны намъ кажется, что этому фактору не всегда придаютъ достаточное значеніе, и во вторыхъ потому, что многіе пролетаріи находятся въ условіяхъ крайне неблагоприятныхъ для развитія нравственныхъ чувствъ. Мы говоримъ прежде всего о чрезмѣрномъ трудѣ и постоянной борьбѣ за кусокъ хлѣба, которыя заключаютъ въ себѣ опасность огрубѣнія, опошлѣнія и отуплѣнія; мы говоримъ объ условіяхъ производства, изо дня въ день приковывающихъ рабочаго къ работѣ настолько механической, что она совершенно не занимаетъ вниманія, мысли рабочаго и благодаря этой привычкѣ у него легко пропадаетъ уваженіе къ самому себѣ, чувство человѣческаго достоинства. Мы говоримъ далѣе о томъ, что безконечно много пролетаріевъ теперь не имѣютъ родины и вслѣдствіе этого лишены тѣхъ нравственныхъ устоевъ, которые даетъ родина. Кто

живетъ на землѣ своихъ отцовъ—для того—все окружающее представля-
етъ извѣстную опору. Забота о томъ, что бы отцовское наслѣдство пере-
дать благоустроеннымъ своимъ дѣтямъ, возбуждаетъ въ немъ усердіе и
воздержанность; уваженіе его къ сосѣдямъ, мнѣніемъ которыхъ онъ доро-
житъ — держитъ его въ извѣстныхъ рамкахъ приличія и благопристрой-
ности, правдивости и т. д.; многіе институты и привычки общественной
жизни, которые до извѣстной степени представляютъ собою окаменѣвшія
старыя сужденія совѣсти, прочно господствующіе нравы, заключаютъ въ
себѣ нѣкоторую защиту противъ поползновеній къ грубымъ поступкамъ;
быть можетъ онъ живетъ на глазахъ людей, являющихся для него авто-
ритетами, людей къ которымъ онъ, быть можетъ, питаетъ безграничное
довѣріе и сужденіямъ которыхъ онъ придаетъ особое значеніе. Мы не хо-
тимъ, конечно, переоцѣнить эту внѣшнюю связь и устой нравственности;
они одни не способны насадить истинную нравственность, но они, какъ
это всѣмъ извѣстно, имѣютъ нѣкоторую цѣнность для человѣка. Сравнимъ
теперь съ этимъ «свободу» человѣка, вырваннаго изъ этихъ условій
жизни, «поглощеннаго большимъ городомъ» съ другими, о которыхъ
никто не печалится, которые всецѣло предоставлены самимъ себѣ, своей,
вѣроятно, еще не прочно обоснованной нравственности. — Наблюденія по-
казываютъ какую опасность для нравственности представляютъ условія
жизни этихъ пролетаріевъ.

Новая общественная жизнь вѣроятно сохранитъ все, что было жизне-
способнаго въ старыхъ нравственныхъ объединеніяхъ и уже теперь мы
наблюдаемъ возникновеніе новыхъ: напримѣръ, объединеніе тѣсно-спло-
ченныхъ организацій разобщенныхъ людей ¹⁾. Это обстоятельство вызы-
ваетъ къ социалистамъ о возможно энергичномъ исполненіи ихъ долга:
беречь и заботиться о своей совѣсти, быть послушнымъ ей и этимъ
путемъ способствовать развитію среди пролетаріата все болѣе истинно-
нравственнаго, общественнаго мнѣнія ²⁾. Когда колеблются старые
авторитеты, рушатся старые институты — социалисты должны стано-
виться все болѣе рѣшительно и непосредственно людьми совѣсти и
своимъ примѣромъ способствовать появленію другихъ людей совѣсти.
Совѣсть „открыта“ въ Греціи въ революціонное время. Именно въ
тѣ времена, когда колеблется и рушится старое и должно создаться новое,
во времена исканій, запросовъ и борьбы, значеніе совѣсти наиболѣе оче-
видно. Когда время вызываетъ: разбудите вашу совѣсть, пусть она у васъ
будетъ чиста, прислушайтесь къ голосу ея и слѣдуйте ему — и тогда
это время станетъ нашимъ; и этотъ кличъ времени обращенъ теперь къ
намъ.

Или быть можетъ все изложенное выше въ сущности лишь пустая
фантазія? Быть можетъ, въ концѣ концовъ, все развивается вмѣстѣ съ
поступательнымъ развитіемъ производственныхъ отношеній, совершаю-

¹⁾ Въ этомъ заключаются приобрѣтенія — сдѣланныя профессиональ-
ными организаціями, въ этомъ заключается и цѣль этихъ организацій.

²⁾ Программа бельгійской рабочей партіи говоритъ по этому по-
воду: преобразование капиталистическаго строя въ социалистическій дол-
жно будетъ неизбѣжно сопровождаться соответствующими преобразова-
ніями:

а) въ моральномъ отношеніи, вслѣдствіе развитія альтруистиче-
скихъ чувствъ и чувствъ солидарности,

в) въ политическомъ—и т. д.

щихся согласно желѣзнымъ законамъ, создающимъ и преобразующимъ съ непреклонною необходимостью людей такими, какіе они ему нужны?

Мы знакомы съ этимъ возраженіемъ не понятнаго или односторонне — преувеличеннаго „матеріалистическаго пониманія исторіи“. Для насъ также до нѣкоторой степени понятенъ путь, которымъ приходятъ люди къ такимъ умозаключеніямъ. Одна часть этихъ умозаключеній, какъ мы уже неоднократно говорили—заключаетъ въ себѣ истину, а именно та часть, въ которой говорится, что на человѣчество необыкновенно большое вліяніе оказываютъ современные ему производственныя отношенія. Но другая часть невѣрна. Тотъ, кто думаетъ такъ — видѣлъ жизнь только съ одной стороны. Онъ остановился надъ внѣшнимъ впечатлѣніемъ нашего времени машиннаго производства, конкуренціи освобожденныхъ экономическихъ силъ и статистики преступленій и не спустился въ глубину своей собственной личной жизни. Каждому изъ насъ когда онъ продолжительное время занимался исключительно политико-экономическими вопросами—казалось вѣроятно, что весь міръ—это грандіозная машина, между колесами, сѣтками и ловушками, бросающая людей изъ стороны въ сторону, и сообразно этимъ временнымъ встряскамъ, они произвольно измѣняются. Однако, обдумавши это — мы заключаемъ, что мы сосредоточили все свое вниманіе лишь на одной сторонѣ того, что опредѣляетъ развитіе человѣка, и что у насъ нѣтъ основаній утаивать другіе факты. Человѣческая жизнь не настолько проста, чтобы можно было выразить ее одной формулой одной науки. Положеніе: «Человѣкъ — есть лишь продуктъ экономическихъ отношеній»—является специально политико-экономическимъ упрощеніемъ, нелѣпѣе котораго трудно себѣ представить.—Не говоря уже о первичныхъ зародышахъ, заложенныхъ въ человѣкѣ, не говоря о фактѣ существованія совѣсти, созданной не развитіемъ производственныхъ отношеній, совѣсти, существованіе которой подтверждаетъ въ насъ нравственное «долженъ», предполагается также возможность моральнаго «желать» и «мочь», — независимо отъ всего этого вліяніе, напримѣръ, оказываемое на насъ другими лицами, не меньше вліянія экономическихъ отношеній. Надо подумать только о своемъ собственномъ развитіи. Конечно, социальныя отношенія наложили на насъ свою печать, оказали особенно сильное вліяніе на нашу мысль, чувство, желанія, но должны ли мы, поэтому, уменьшать вліяніе, оказанное на насъ нашею матерью? Должны ли мы сводить къ нулю вліяніе, оказанное на насъ нашимъ отцомъ, нашимъ учителемъ, друзьями дѣтства и позднѣйшими друзьями и врагами? Поверхностно мыслящіе отвѣтятъ вѣроятно: «Да, всѣ эти лица формировались опять-таки подъ вліяніемъ социальныхъ отношеній». Конечно, они формировались и подъ этимъ вліяніемъ, но вѣдь и хъ матери, отцы, друзья и враги тоже оказывали на нихъ вліяніе. Наблюденія надъ самимъ собою подтверждаетъ и исторія. Она особенно много могла бы разсказать о фактическомъ вліяніи «великихъ мужей» на современниковъ и потомство. Эти «великіе мужи» во всякомъ случаѣ предвѣщаютъ опредѣленные экономическія отношенія своего времени и не могутъ быть, просто-на-просто, объясняемы ими. Существуетъ душевная жизнь, идущая на ряду съ экономической жизнью, при тѣсномъ ихъ взаимномъ вліяніи, какъ самостоятельная «сила». Тотъ, кто отрицаетъ это,—тотъ или сознательно хочетъ быть слѣпымъ, или сбить съ толку какимъ-либо слишкомъ сильнымъ впечатлѣніемъ, или, наконецъ, безнадежно тупъ, т. е. погразъ въ грубыхъ предразсудкахъ.—Болѣе глубокомысленные люди, какъ

самые крайніе представители «матеріалистическаго пониманія исторіи», обыкновенно протестовали противъ этой односторонности. „Ходъ развитія никоимъ образомъ не независимъ отъ отдѣльной личности“, говоритъ Каутскій. „Каждый человѣкъ, живущій въ обществѣ, въ большей или меньшей степени вліяетъ на него. Отдѣльная личности, особенно выдающіяся своимъ дарованіемъ или своимъ социальнымъ положеніемъ, могутъ оказывать вліяніе на ходъ событій даже въ цѣлыхъ государствахъ на нѣсколько вѣковъ“. И эта «свобода» человѣка, эта власть личности надъ обстоятельствами съ теченіемъ времени не ограничивается, а, наоборотъ, все возрастаетъ. Энгельсъ говоритъ: «Совокупность условій жизни, окружающихъ жизнь, до сихъ поръ повелѣвающихъ ими, — подпадутъ теперь подъ ихъ господство и контроль; люди впервые станутъ тогда сознательными повелителями природы, потому что и вмѣстѣ съ тѣмъ, они станутъ господами своего собственнаго обобществленія. Законы ихъ общественной дѣятельности, противостоящіе имъ до сихъ поръ естественные законы, чуждые имъ и господствующіе надъ ними, будутъ тогда съ полнымъ пониманіемъ ихъ примѣняться людьми и этимъ путемъ будутъ покорены человѣкомъ. Начиная съ этого времени, люди сами вполне сознательно будутъ дѣлать свою исторію.

Этимъ мы ограничимъ разсмотрѣніе нашего вопроса. Мы хотѣли изслѣдовать значеніе, которое имѣетъ совѣсть для социализма и мы нашли, что помимо вѣрнаго пониманія связей экономической жизни нѣтъ ничего, имѣющаго большую цѣнность и болѣе необходимаго для социализма, чѣмъ совѣсть. Отсюда, сама по себѣ, вытекаетъ обязанность для каждого сторонника социалистическаго міровоззрѣнія дѣлать все, что въ его силахъ, для развитія совѣсти у себя самого и у другихъ, обязанность, которая не уничтожается возраженіемъ, заключающимъ въ себѣ преувеличенную, а поэтому ставшую неправильной, оцѣнку самостоятельности экономического развитія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Значеніе социализма для развитія совѣсти.

Въ предыдущей главѣ мы пояснили въ основныхъ чертахъ значеніе, которое имѣетъ развитіе социализма для совѣсти, обратимся теперь къ разсмотрѣнію обратнаго—вліянія социализма на развитіе совѣсти.

а) Въ настоящемъ.

Социалистическій взглядъ на экономику можетъ способствовать развитію совѣсти.

Что экономическое развитіе оказываетъ вообще вліяніе на образованіе моральнаго сознанія—это вѣтъ сомнѣній, этому учитъ насъ исторія, а факты повседневной жизни подтверждаютъ это. Ограничимся сперва разсмотрѣніемъ того, въ какой степени познаніе экономической связи, лежащее въ основѣ социалистическаго міровоззрѣнія, опредѣляетъ совѣсть отдѣльнаго человѣка въ смыслѣ отношеній человѣка къ человѣку.

Развитіе производства обобществило, въ большей или меньшей степени, большинство его отраслей. Рабочіе фабрикъ и рабочій персоналъ любого современнаго крупнаго промышленнаго производства являются товарищами по труду, работающими рука объ руку. Люди становятся все въ большую

взаимную зависимость, они все больше нуждаются другъ въ другѣ... Печально, печально, — скажетъ поборникъ сознательнаго поединка за существованіе.

Въ этому прибавляется еще и слѣдующее: въ народномъ и міровомъ хозяйствѣ начинаютъ дѣйствовать силы, враждебно противостоящія намъ, по сравненію съ самостоятельно дѣйствующими силами природы. И въ тѣ времена, когда эти силы повидимому одерживаютъ верхъ надъ людьми, и когда большинство людей чувствуютъ себя въ необходимости подчиниться судьбѣ, приуготованной для нихъ этими силами, безпомощно браня «машину», «биржу», «капиталь», «низкія цѣны на хлѣбъ», — въ эти времена человѣкъ чувствуетъ себя стоящимъ ближе къ другимъ людямъ, противъ общихъ чудовищныхъ враговъ. Быть можетъ онъ объединился бы со своими братьями для совместной защиты, если бы не свободная конкуренція, слишкомъ часто превращающая его ближнихъ въ естественныхъ соперниковъ.

Но вотъ появляется свѣтъ социалистическое міровоззрѣніе. Наука проникла глубже, чѣмъ прежде, въ сущность этихъ дѣлъ и узнала, что они могутъ дѣйствовать враждебно, если дать имъ свободно проявить себя, что и происходитъ, когда слѣдуютъ старому совѣту: *laissez faire-laissez passer*. Она научила тому, что они могутъ быть преодолены общими усиліями людей. Это социалистическое пониманіе производительныхъ силъ объединило людей въ сознаніи солидарности въ дѣйствительно общественномъ дѣлѣ.

Но между людьми, разсматривавшими себя какъ союзниковъ, возникаютъ отношенія, открывающія несомнѣнно болѣе широкое поле моральной дѣятельности, — а стало быть, и для совѣсти, — чѣмъ отношенія людей, настроенныхъ по отношенію другъ къ другу безразлично или даже враждебно. Такимъ образомъ, социалистическое міровоззрѣніе расширяетъ кругъ случаевъ, въ которыхъ совѣсть безпрепятственно выноситъ свое рѣшеніе. вмѣстѣ съ тѣмъ оно учитъ разумъ, и эти случаи разсматриваетъ правильно, а именно, какъ случай отношеній человѣка съ человѣкомъ. Экономическій строй свободной конкуренціи и частно-капиталистическаго производства замаскировалъ до извѣстной степени обликъ человѣка, насколько онъ могъ; дѣлецъ видѣлъ въ другихъ лишь своихъ конкурентовъ, предприниматель въ рабочемъ — лишь покупную рабочую силу, рабочій въ предпринимателѣ — эксплуататора, создающаго себѣ прибавочную стоимость изъ его тяжелаго труда. При этомъ совѣсть была обманута въ своей дѣятельности. Въ пылу борьбы за существованіе притупилось сознаніе того, что борьба то ведется вѣдь съ людьми. Социалистическое міровоззрѣніе возвращаетъ совѣсти принадлежащую ей область, заставляетъ видѣть въ человѣкѣ своего ближняго, «союзника» (*socius*), съ которымъ, какъ съ нравственнымъ существомъ надо поступать нравственно.

Оно обостряетъ совѣсть и въ частныхъ случаяхъ основывается на познаніи вліянія, оказываемаго внѣшними условіями на всю дѣятельность людей. Оно настраиваетъ совѣсть, съ одной стороны, миролюбиво и сострадательно, оно закрываетъ ротъ, готовый судить «падшихъ», возставать противъ «нотаріально удостовѣренныхъ» дурныхъ людей и отвѣчать оскорбленіемъ на оскорбленіе. Оно обостряетъ совѣсть и въ томъ отношеніи, что заставляетъ насъ научиться понимать «порочность» людей, а стало быть и прощать ихъ. Но, съ другой стороны, именно сознаніе того, что внѣшнія условія оказываютъ такое необыкновенно сильное вліяніе на духовную жизнь людей, постоянно понуждаетъ насъ бороться за улучшеніе этихъ условій, оказывать помощь тѣмъ, кому эти условія дѣлаютъ непосильно тяжелой нравственную жизнь,

и съ своей стороны оно постоянно обостряетъ совѣсть въ смыслѣ сознанія социальной отвѣтственности.

Вліяніе, уже теперь оказываемое на совѣсть начинающимъ распространяться социалистическимъ міровоззрѣніемъ, будетъ расти въ послѣдствіи. Соціализмъ, въ отличіе отъ капитализма вообще, обращаетъ свой взглядъ на высшія блага. Соціалистическое движеніе только что снова пробудило въ тысячахъ стремленіе къ духовнымъ благамъ. Кто не имѣетъ возможности вполне утолить свой голодъ и жажду, тотъ прежде всего думаетъ о ѣдѣ и питьѣ, оставляя въ покоѣ духовную пищу... Соціализмъ несмотря на эти ближайшія потребности, указываетъ на идеалы, такъ какъ социалистическое міровоззрѣніе стремится къ улучшенію социальныхъ отношеній не съ тою цѣлью, чтобы люди стали жириѣ, а чтобы они могли жить по-человѣчески. Жить же по-человѣчески значитъ вести жизнь нравственного существа.

б) Для будущаго.

Будущій социалистическій строй долженъ способствовать развитію нравственности.

Разъ наблюдается, что социалистическое міровоззрѣніе уже теперь благоприятствуетъ развитію и росту совѣсти, то намъ кажется вполне понятнымъ, что въ томъ экономическомъ строѣ, которымъ въ будущемъ осуществится основная мысль «соціализма», должны заключаться силы, способствующія развитію совѣсти *).

Но это въ будущемъ. Мы можемъ представлять себѣ, какое вліяніе окажетъ на ростъ совѣсти сознаніе солидарности, опирающееся не только на общность работы, страданій и борьбы, но и на сознаніе общихъ пріобрѣтеній, мы можемъ съ полнымъ основаніемъ надѣяться на то, что хозяйственная жизнь будущаго предоставитъ каждому достаточно времени и силъ для нравственного совершенствованія и обезпечитъ ему кое-какую особую помощь и содѣйствіе въ его нравственномъ развитіи... Однако здѣсь было бы неумѣстно говорить объ этомъ, ибо на все это можно лишь надѣяться, предполагать его, вѣрить въ него, мы же должны заняться изслѣдованіемъ того, что есть и что неизбежно должно быть. Намъ остается лишь установить ту границу, до которой можетъ оказывать свое вліяніе хотя бы самый идеальнѣйшій экономическій строй на развитіе совѣсти, на установленіе нравственной жизни. Граница эта опредѣляется слѣдующимъ положеніемъ: экономическій строй оказываетъ вліяніе на совѣсть, но онъ не создаетъ ея; онъ облегчаетъ или затрудняетъ веденіе нравственной жизни, но онъ не порождаетъ ее. Нравственная жизнь возникаетъ только на основаніи личнаго рѣшенія, личныхъ усилій.

*) Программа социаль-демократической партіи Швейцаріи заключаетъ свои „соображенія“, ведущія къ социализму, слѣдующимъ (14): „Постоянно обостряющаяся экономическая борьба всѣхъ противъ всѣхъ, при которой каждый въ отдѣльности вынужденъ все въ большей степени заботиться о своей личной выгодѣ и отдавать ей свои лучшія силы, не соотвѣтствуетъ болѣе современнымъ моральнымъ воззрѣніямъ, а является самымъ значительнымъ препятствіемъ для дальнѣйшаго нравственного развитія человечества“. Въ основѣ этого «соображенія» лежитъ та мысль, что социализмъ, въ противоположность капиталистическому строю свободной конкуренціи, долженъ очистить путь для развитія совѣсти и долженъ способствовать этому развитію.

Тамъ, гдѣ нѣтъ личной нравственной жизни, тамъ не можетъ быть рѣчи о развитіи совѣсти.

Отъ анархистовъ и отъ иныхъ поверхностно мыслящихъ социалистовъ всегда слышишь: я не могу представить себѣ иначе социализмъ, чѣмъ, когда условія станутъ лучше, люди не будутъ больше совершать дурные поступки». «Воровать тогда будетъ безцѣльно». Думать и представлять себѣ можно что угодно, но исторія и нашъ собственный опытъ доказываютъ, что и при благоприятныхъ условіяхъ нравственность не возникаетъ сама по себѣ. Всегда были, есть и теперь экономически-независимые люди. Согласно приведенному положенію, они должны бы были образованными людьми. Но слишкомъ часто бываетъ противоположное этому. Могутъ сказать, что у этихъ людей не было научнаго образованія. «Знаніе дѣлаетъ свободнымъ». Это положеніе заключаетъ въ себѣ великую истину, но и оно не всегда вѣрно. Есть научно-образованные трюки, рабы своихъ прихотей. Быть можетъ намъ сдѣлаютъ еще одно возраженіе: «У нихъ, де, нѣтъ возвышенныхъ идей». Мы не станемъ спорить объ этомъ, а укажемъ на древнюю Грецію и древній Римъ: тамъ жили граждане (по крайней мѣрѣ, въ лучшія времена) исключительно одною идеей: они сознавали и чувствовали себя прежде всего гражданами своей родины, для которой они жили. А развѣ все это были благородные характеры, благородные, хотя бы въ томъ смыслѣ, какой тогда придавали этому слову? Исторія дастъ намъ невеселую справку на этотъ счетъ. Она подтверждаетъ сказанное нами: нравственность не возникаетъ сама по себѣ, она не создается и экономическими условіями, она должна быть приобретена усиліями. Быть человѣкомъ—значитъ вести борьбу,—и то же будетъ и при самомъ идеальномъ экономическомъ строѣ.

Мы видѣли, что въ социализмѣ заключается великая сила, способная поощрять развитіе совѣсти. Мы устранили то недоразумѣніе, согласно которому извѣстный экономическій строй можетъ избавить человѣка отъ всякаго личнаго труда нравственнаго самоусовершенствованія.

Мы могли бы на этомъ закончить, такъ какъ мы выяснили значеніе совѣсти для социализма и социализма для совѣсти. Но мы должны коснуться еще одного пункта, который требуетъ особаго обоснованія. Мы говоримъ о практическомъ выводѣ изъ нашего изслѣдованія, о необходимости для каждаго социалиста усердной работы для нравственнаго самовоспитанія. Повидимому мы должны попытаться обезопасить эту работу, съ одной стороны, отъ одного изъ современныхъ предразсудковъ и отъ одного современнаго практическаго затрудненія. Предразсудокъ заключается въ переоцѣнкѣ развитія разума, практическое затрудненіе—въ распространенномъ въ широкихъ кругахъ пренебрежительномъ отношеніи къ личной внутренней жизни.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Два фактора, препятствующіе въ настоящее время осуществленію практическихъ послѣдствій, вытекающихъ изъ вышеозначеннаго познанія.

а) Переоцѣнка разума.

Совѣсть въ концѣ-концовъ въ своей сущности—чувство, ощущеніе. Наше разсудочное время недовѣрчиво относится къ «такимъ неопредѣленнымъ,

туманнымъ чувствамъ», которыя ничего не доказываютъ». Люди научились теперь болѣе осторожно пускать въ употребленіе разумъ, чѣмъ это дѣлали раньше, и научились постигать имъ то, чего прежде не могли постигнуть. Колоссальныя творенія человѣческаго разума у насъ ежедневно передъ глазами. Отсюда явилась склонность къ переоцѣнкѣ разума, что, по меньшей мѣрѣ, односторонне. При исключительномъ развитіи разума, для чего потребно, во всякомъ случаѣ, нѣкоторое искусство, человѣкъ навсегда остается калѣкой. Чувства, между прочимъ—совѣсть никакъ нельзя причислить къ „неопредѣленнымъ“ чувствамъ), — такъ же существуютъ въ дѣйствительности, какъ и мысли, и то, что порождаетъ въ насъ чувство, столь же дѣйствительно, какъ и то, что служить матеріаломъ для нашей способности представленія. Нашему времени, гордящемуся разумомъ, импонируетъ, однако, чувство, въ меньшей степени, именно потому, что оно не поддается умозрительному разложенію и даже не можетъ быть точно описано. И то, что наше время не можетъ этого сдѣлать, это само собою понятно. «Если чувство и воля своеобразныя проявленія, н а р я д у съ мыслью,—то они именно поэтому и не могутъ быть поглощены мыслью; долженъ быть тотъ остатокъ, который можно пережить лишь въ чувствѣ или желаніи». Существо, способное лишь представлять, но не чувствовать, не желать, при совершеннѣйшей интеллигентности не могло бы достигнуть дѣйствительнаго познанія того, что такое чувствовать, желать». Точно также и совѣсть должна быть пережита. Центръ тяжести бытія нравственной личности лежитъ поэтому не въ воспитаніи разума.

И счастье, что это такъ. Умные и «научно-образованные» люди вызывали бы слишкомъ большое преклоненіе, если бы только они были истинными людьми. Это старая проклятая ошибка греческаго интеллектуализма, Спинозы и другихъ, распространяющаяся теперь снова,—оцѣниваетъ людей по размѣрамъ ихъ познаній; точно пролетарій, честно, чистосердечно поступающій, хуже умнаго профессора или приватнаго философа; точно женщина, обладающая въ общемъ менѣе совершенной логикой, чѣмъ мужчина, стоитъ по достоинству ниже «царя природы». Не допустимъ, чтобы намъ импонировали «аристократы духа».

Въ совѣсти есть нѣчто пролетарское. Съ большимъ правомъ, чѣмъ разумъ, какъ это дѣлаетъ Даггенъ, демократическимъ инструментомъ можетъ быть названа совѣсть. Это—неоткупаемая собственность всѣхъ людей, она знаетъ лишь разныя права и разныя обязанности, не заботясь о томъ, насколько высоко или низко социальное положеніе человѣка. Она захватываетъ самое существенное въ человѣкѣ, то, что представляетъ его самого, когда падаютъ всѣ внѣшнія оболочки,—какъ-то: общественное положеніе, умственные познанія, общественный лоскъ или золото, покрывающее его. Цѣнность этого зерна въ человѣкѣ и опредѣляетъ цѣнность человѣка.

Совѣсть проникаетъ въ самое сокровеннѣйшее въ человѣкѣ. Не то, чѣмъ обладаетъ человѣкъ, а то что и какъ онъ есть, опредѣляетъ его честь, его достоинство, его значеніе и его цѣну. Мы хотимъ этимъ сказать, что масштабъ, приложимый къ человѣку заключается въ его нравственномъ поведеніи, въ согласованіи его воли съ его совѣстью, его поступковъ съ его волею.

Слишкомъ часто многимъ, говорящимъ объ этихъ вопросахъ личной жизни, кажется, что другіе рѣшительно ничего не понимаютъ, точно они и не представляютъ себѣ о чемъ, собственно идти рѣчь. Повинна въ этомъ, надо полагать, ихъ слишкомъ тяжелая форма выраженія мыслей. Поэтому, да проститъ намъ читатель то что мы злѣе, при указаніи прак-

тических затрудненій, препятствующихъ правильной оцѣнкѣ людьми совѣсти и рѣшенію задачи нравственнаго самовоспитанія, останавливаемся на этомъ нѣсколько дольше.

б) *Пренебреженіе личной внутренней жизнью.*

Очень много людей,—подчасъ мнѣ кажется, большинство, — живутъ исключительно внѣшнимъ, но совершенно не живутъ сознательною внутреннею жизнью. Они исполняютъ свою роль профессиональных рабочихъ, гражданъ, членовъ партіи, членовъ союза, сосѣдокъ и т. д. и слишкомъ мало, а то и вовсе не выходятъ за предѣлы этой своей функціи къ собственной духовной жизни, къ познанію и пониманію самого себя, къ развитію того лучшаго, что въ нихъ есть. Мы говоримъ здѣсь не о тѣхъ салонныхъ господахъ верхняго десятка тысячъ населенія, которымъ потребность въ «обществѣ» не оставляетъ свободного времени, а если выпадетъ для нихъ свободный часъ, они, благодаря скудному образованію, скучаютъ, мы не говоримъ также и о тѣхъ семьяхъ, въ которыхъ мужчины, убиваютъ свободное время въ игрѣ въ карты, и всю духовную пищу свою черпаютъ изъ ходячихъ словечекъ и устойчиваго общественнаго мнѣнія заведатаевъ ихъ стола, въ то время какъ женщины, благодаря заботамъ по хозяйству, о домѣ и немного объ «искусствѣ», не могутъ дойти до самосознанія и на основаніи глупыхъ журналовъ вырабатываютъ свои сужденія, фантазіи, вкусъ и опускаются окончательно. Я говорю не о тѣхъ рабочихъ, которые, благодаря чрезмѣрной продолжительности рабочаго дня, приходя домой, уже не въ силахъ жить внутреннею жизнью, у которыхъ машина убиваетъ всякую мысль, выходящую за предѣлы ихъ работы, и у которыхъ забота о томъ, какъ прокормить при скудной заработной платѣ жену и дѣтей, убиваетъ всякую другую заботу; я не говорю и о женщинахъ, которыя слишкомъ изработались или слишкомъ невѣжественны, чтобы что-либо помимо меню обѣда или платья сосѣдки возбуждало въ нихъ живой интересъ... Обо всѣхъ этихъ несчастныхъ я не говорю, потому что они вѣдь, вообще, не будутъ читать эту книжку. Я говорю о тѣхъ, у кого есть стремленіе къ дальнѣйшему умственному образованію, о тѣхъ, кто стремится удовлетворить это стремленіе, кто знаетъ инныя удовольствія, помимо чувственныхъ; я говорю о тѣхъ женщинахъ, которыя, какъ товарищи мужчинъ, работаютъ или борются рука объ руку съ ними или которыя идутъ одиноко своею дорогой, съ сердцемъ, полнымъ сочувствія всѣмъ страждущимъ, съ головою, занятою вопросами о жизни. И для нихъ великая опасность заключается въ томъ, что повседневная борьба, ихъ способность неутомимаго чтенія чужихъ мыслей, задушить ихъ собственную внутреннюю жизнь. Когда каждый вечеръ ходишь на собранія, когда безъ конца слушаешь, читаешь другихъ людей, и самъ подчасъ говоришь: это создаетъ опасность того, что не будетъ времени для спокойнаго мышленія, что своеобразность собственнаго ощущенія возьметъ верхъ надъ развитіемъ собственной активной воли. Самъ становись чужимъ себѣ, все дальше уходитъ возможность этой внутренней жизни и, въ концѣ-концовъ, она становится недоступимой.

Это безконечно печально. Въ этой внутренней жизни заложены наши высшія задачи, наши высшія радости и самое драгоценное достояніе. Можно и безъ нея быть хорошимъ работникомъ, усерднымъ агитаторомъ, быть можетъ, даже фанатикомъ своей идеи, но никогда нельзя быть безъ нея «самимъ собою», нельзя быть совершенною личностью; никогда не на-

учишь по-настоящему самого себя и поэтому всегда будешь плыть по поверхности своею мыслью, чувствомъ, волею, никогда не станешь истиннымъ хозяиномъ въ своемъ собственномъ домѣ.

Мы должны быть немного болѣе «эгоистичными», интересоваться больше собою, своею личностью, ея развитіемъ и ея сущностью; углубиться больше въ свое существо, его склонности и потребности.

Быть можетъ, думаютъ, что это не по-соціалистически? Подобная мысль была бы нелѣпостью. Если бы изъ насъ не выработались ярко выраженные личности, если бы мы не стали сознательными людьми, прочно стоящими на собственныхъ ногахъ, мы навсегда остались бы «массой», «стадомъ», а для »стада необходимъ козелъ»; соціалистическое общеніе невозможно въ немъ.

Какъ же начать жить этою внутреннею жизнью, если до сихъ поръ мы не жили ею?

Прежде всего въ какой-нибудь свободный часъ я полагаю, что и получаса достаточно когда остаешься совершенно одинъ, самъ съ собою—надо отбросить мысли обо всемъ внѣшнемъ, о работѣ, деньгахъ, женѣ, планахъ на будущее и т. д. Надо бросить взглядъ на свое собственное развитіе, обдумать, откуда все у тебя, къ чему ты идешь, надо уяснить себѣ свое положеніе въ настоящемъ. Все это надо продѣлать спокойно, безъ громкихъ фразъ, не думая о томъ, что говорятъ другіе, наблюдая самага себя, самому для себя вынося приговоръ... Если совѣсть хочетъ говорить—надо выслушать ее. Если голосъ ея слабъ, надо прислушаться лучше, не надо проходить мимо нея со всякими «точками зрѣнія» и «теоріями», не надо заставлять ее замолчать.

Если добьемся этихъ свободныхъ часовъ, мы перестанемъ тогда быть чуждыми міру отщепенцами. Наше время, когда «стучатъ машины и стонутъ люди», скоро потеряетъ свое право на насъ. Нѣкоторые люди боятся оставаться одними, сами съ собою. Это печальная трусость, которую мы должны пересилить. Многимъ не умѣвшимъ или отучившимся оставаться одними—нужно будетъ, вѣроятно, употребить нѣкое усилие надъ собою, его не слѣдуетъ опасаться и надо начать теперь же.

Приобрѣтеніе будетъ очень велико. Въ теченіе этихъ нѣсколькихъ часовъ станешь болѣе образованнымъ, чѣмъ въ продолженіе множества другихъ, станешь лучшимъ супругомъ, лучшимъ воспитателемъ своихъ дѣтей и дѣйствительно самостоятельно мыслящимъ, чувствующимъ и желающимъ человѣкомъ ¹⁾.

¹⁾ Я не могу отказать себѣ привести здѣсь слова Лейкснера, на которыя я какъ разъ теперь натолкнулся, и которыя яснѣе и красивѣе изображаютъ цѣнность внутренней жизни, чѣмъ я могъ это сдѣлать:

«Если бы люди знали какія силы покоятся въ нихъ, въ центрѣ ихъ „я“, они охотно углублялись бы въ созерцаніе своего ума, своей души... Они приобрѣли бы увѣренность въ себѣ, вступили бы на путь самостоятельнаго мышленія вмѣсто того, чтобы говорить съ чужихъ не вполне продуманныхъ словъ. И повѣрьте мнѣ: самая незначительная, скромная истина, которую нашелъ самъ, передумавъ и перестрадавъ въ тишинѣ, даетъ больше, дѣлаетъ болѣе мужественнымъ, чѣмъ величайшая истина, которою обладали часто лишь повидимому другіе и подарили ее мнѣ. Кто нашелъ дорогу въ самого себя, того рѣдко отпускаютъ таинственные чары. Онъ будетъ стараться избавиться лишь отъ преданій старины, которыя необходимо уничтожить... Однако чѣмъ глубже онъ проникаетъ въ себя, тѣмъ чаще убѣждается, что и въ этихъ преданіяхъ можетъ заключаться глубокая истина. Тогда онъ преклоняется передъ ними, но уже какъ личность, какъ свободный человекъ.

Въ этомъ и заключается устраненіе практическаго препятствія для нравственнаго самовоспитанія.

Но, быть можетъ, такое устремленіе въ себя самаго отниметъ у социализма его борцовъ и работниковъ? Какъ разъ наоборотъ!

Эта сознательная внутренняя жизнь не отвлекаетъ отъ великой борьбы нашихъ дней, а доставляетъ ей болѣе свѣжихъ, вѣрныхъ и энергичныхъ борцовъ и работниковъ, потому что кто испыталъ значеніе такой внутренней жизни, тотъ, какъ мы говорили, чувствуетъ себя вынужденнымъ создать возможность такой жизни и для тѣхъ людей, которые теперь неблагопріятными экономическими условіями почти совершенно лишены ея... Да и социализмъ былъ бы паралитиченъ, если бы онъ считался только съ «массами». Онъ сдѣлаетъ громадный шагъ впередъ, лишь когда мы будемъ смотрѣть на миллионы собратьевъ не какъ на «массы», а какъ на необозримое множество отдѣльныхъ, безконечно драгоценныхъ существъ, каждое изъ которыхъ скрываетъ въ себѣ цѣлый міръ, въ срединѣ своей заключающій нѣчто самостоятельное, по сравненію со всѣмъ, что существуетъ на землѣ, міръ, опредѣляющій каждому особую богатую жизнь его личности и дѣлающій его способнымъ къ ней. Намъ не должна тогда пугать ужасная картина будущаго: «Фабрики и обезпеченные рабочіе. Міръ полонъ просвѣщенными, дородными мѣщанскими душами, которые пьютъ, ѣдятъ и размножаются по «научному». Тогда мы, дружные въ работѣ, отважные въ борьбѣ будемъ смотрѣть въ это будущее, которое безконечному количеству людей доставитъ возможность жить безконечно богатою жизнью.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЧАСТЬ I.

Совѣсть при свѣтѣ исторіи.

Введеніе	1
--------------------	---

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Изъ греческой древности	5
а) Вѣра въ боговъ и общественное мнѣніе.—Эринніи	
б) Философія.—Первые греческіе философы.—„Все течетъ“—Софисты.—Сократъ.—Интеллектуализмъ.—Платонъ	
в) «Открытіе совѣсти».—Отраженіе въ драматической литературѣ.—Заключеніе!	

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Греческое и латинское слова, передающія понятіе „совѣсть“	17
---	----

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Изъ римскаго міра	18
Цитаты изъ римскихъ авторовъ.—Философія римлянъ.—Александрійскій еврей Филонъ.	

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Иисусъ и первые христіане	20
Отсутствіе новаго ученія о совѣсти.—Новая оцѣнка личности.	

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Изъ средневѣковья	22
Средневѣковая наука.—Теорія совѣсти.	

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Изъ эпохи реформациі	23
а) Реформація.—(b) Шекспиръ.	

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Изъ новой философіи	24
а) Спиноза.	
б) Герисень.	
с) Кантъ.	

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Матеріализмъ	33
а) Философскій матеріализмъ.	
б) Историческій обзоръ.	
с) Критическія замѣчанія.	

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Изъ современности	38
а) Совѣсть въ воззрѣніи, наиболѣе распространенномъ среди современнаго городского пролетаріата.	
б) Опытъ разсмотрѣнія совѣсти, какъ продукта экономическаго развитія.—(П. Рэ).—Критика.	

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Попытка позитивнаго обоснованія сущности совѣсти, на основѣ наблюдаемыхъ явленій	46
а) Совѣсть базируется на общей склонности человѣка чувствовать добро какъ добро и зло какъ зло.	
б) Образованіе опредѣленныхъ нравственныхъ принциповъ.	
с) Сила въ жизни народовъ и въ жизни отдѣльных индивидуумовъ, препятствующія, способствующія и направляющія развитіе совѣсти.	

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Совѣсть при свѣтѣ социалистическаго міровоззрѣнія.

Предварительное замѣчаніе	53
-------------------------------------	----

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Міровоззрѣніе.—Социалистическое міровоззрѣніе	53
---	----

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Значеніе совѣсти для социализма	55
а) Въ настоящемъ.—Социализмъ, какъ дѣло совѣсти—не въ смыслѣ утопическаго социализма.—Поясненіе примѣромъ.	
б) Въ будущемъ. Прогрессирующее развитіе и болѣе рѣзкое подчеркиваніе совѣсти, какъ условія для прогрессирующей социализаціи отношеній.	
с) Вытекающіе отсюда практическіе выводы.	

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Значеніе социализма для развитія совѣсти	64
а) Въ настоящемъ.—Социалистическій взглядъ на экономикѣ можетъ способствовать развитію совѣсти.—Социализмъ можетъ вообще обратить взоры на идеальныя блага.	
б) Для будущаго. Будущій социалистическій строй долженъ способствовать развитію нравственности.—Границы, въ которыхъ нравственность вліяетъ на экономическія отношенія.	

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Два фактора, препятствующіе въ настоящее время осуществленію практическихъ послѣдствій, вытекающихъ изъ вышеуказаннаго познанія	67
а) Переоцѣнка разума.	
в) Пренебреженіе личною внутреннею жизнью.	